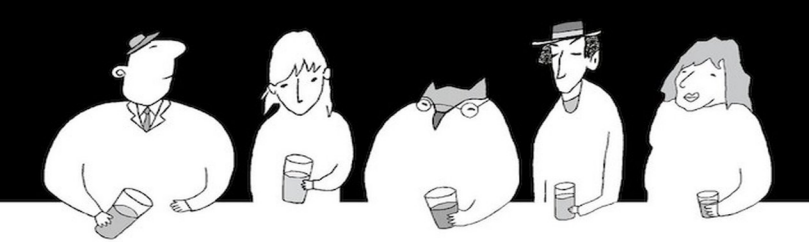
Ацухиро Ёсида

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, ТОКИО

Спокойной ночи, Токио
Ацухиро Ёсида

Аннотация
Ацухиро Ёсида. Спокойной ночи, Токио
Кто ворует мушмулу?
Блуждания в четыре утра
Восемнадцать ключей
Комбо с яйцом и ветчиной
Хамелеон и арахис
Летучая мышь на балконе
Перья, парящие в ночи
Две луны
Беззвездная ночь
Синяя лестница
Звезды смотрят с небес
Последний кусочек пазла
Послесловие автора
Выходные данные

Аннотация

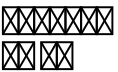
На страницах романа Ацухиро Ёсиды холодный мегаполис становится пульсирующим организмом, жизнь в котором не замирает ни на минуту. Будучи коренным токийцем, автор создает калейдоскоп из новелл, объединенных темой родного города. Действие разворачивается в промежутке между часом ночи и четырьмя утра — мертвым временем, когда, кажется, спят все вокруг, но только не герои книги. У каждого — свои резоны отправиться в ночное путешествие, но всех роднит общее чувство — тоска по чему-то утраченному и неуловимому, что заставляет блуждать в темноте в поисках смысла.

Ацухиро Ёсида
Спокойной ночи, Токио

NoAge

polyandria

2026

Перевела с японского *Полина Гуленок*
Иллюстрация на обложке: *Atsuhiro Yoshida*

© Atsuhiro Yoshida, 2019
Russian translation rights arranged with Kadokawa Haruki Corporation, through Bureau des Copyrights Franqais, Tokyo.
© Гуленок П. А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Поляндрия Ноу Эйдж», 2026

* * *

Завораживающий ночной портрет таинственного, пугающего и сюрреалистичного Токио.

Literary Review

Есть что-то волшебное в этих ночных встречах — каждый, сам того не ведая, бродит по городу с ключом к разгадке чужой тайны.

Kirkus Reviews

* * *

Кто ворует мушмулу?

Пробил час.

Похоже, напольные часы, которые несла Мицуки, немного спешили — они стали отбивать время раньше всех в хранилище.

Вскоре и остальные часы зазвенели на все лады, отбивая час ночи. Они словно соревновались друг с другом: низкий звук, высокий, скрипучий, звонкий…

Размер хранилища позволил бы разместить тут пару частных самолетов. Заставленное бесчисленными стеллажами и комодами, сплошь увешанное часами, картинами, календарями, гобеленами и прочими настенными украшениями так, что на стенах не оставалось свободного места, оно таило в своих недрах всевозможные мелочи, отражающие трехсотлетнюю историю быта и нравов Японии.

Здесь можно найти почти все что угодно.

Например, когда режиссер говорит: «Мне нужен дорожный чемодан эпохи Тайсё»[1], тут можно быстренько отыскать подходящий и до-

[1] Примечания: 1

Эпоха Тайсё охватывает период в истории Японии с 1912 по 1926 г.

ставить на место съемок. Людей, которые этим занимаются, называют реквизиторами.

Вот уже пять лет Мицуки работает реквизитором в крупной кинокомпании, расположенной на окраине Токио.

Часы понадобились для завтрашней утренней съемки, нужно доставить их к девяти. К этой съемке много всего пришлось искать. Мицуки уже успела собрать в хранилище все требуемое по списку и наконец смогла подобрать и напольные часы, соответствующие запросам режиссера: «классические и основательные». И сейчас, бережно придерживая часы обеими руками, несла их в приемную, где ждал помощник режиссера. Конечно, предназначалось помещение вовсе не для приема гостей — это была всего лишь маленькая комната, где реквизиторы передавали помощникам режиссера взятые из хранилища предметы.

Изначально Мицуки хотела заниматься крупным реквизитом. Собирать макеты зданий, как две капли воды похожие на настоящие, выстраивать с нуля вымышленные улочки и кварталы… Она восхищалась этой работой и мечтала о ней. Однако стоило ей один раз посетить хранилище мелкого реквизита во время экскурсии по студии

для новых сотрудников, как это место пленило ее сердце.

Хранилище походило на огромную коробку, забитую всякими интересными вещичками, к которым Мицуки с детства питала слабость.

Например, ей нравились аптечки. Нравилось открывать крышку аптечной коробки и рассматривать множество баночек, свертков и упаковок с разноцветными пометками и крохотными подписями. Бинты, антисептики, капли для глаз, пластыри, облатки… Маленькой Мицуки каждый предмет казался особенным и важным.

Нечто столь же чарующее, только намного более масштабное, открылось ей в хранилище и привело в восторг. Здесь хранилось само прошлое, живущее во множестве предметов. Хранилище мелкого реквизита было волшебным ларцом, наполненным трехсотлетней историей, и, находясь здесь, Мицуки сама себе казалась маленьким искателем приключений из сказок. А необходимость подбирать предметы, соответствующие требованиям режиссеров, походила на увлекательную игру и делала работу еще интереснее.

Единственной проблемой было то, что Мицуки плохо ладила со временем. Как и с часами вроде

тех, которые сейчас тащила в приемную.

Вообще-то, она враждовала с часами. Дело в том, что личные внутренние часы Мицуки и ее свободолюбивая натура совершенно не синхронизировались с беспощадными, по ощущениям, часами вокруг. Порой ее приводили в замешательство жесткие сроки, которые ставили режиссеры.

«Динь», — вновь зазвенели часы где-то в глубине хранилища, отмеряя час.

Судя по всему, эти отставали от других сильнее всего.

«Вот и я отстаю, как эти часы», — вздохнула Мицуки под тяжестью своей ноши.

*

Вручив Мидзусиме, помощнику режиссера, часы, Мицуки уже начала прощаться, когда он остановил ее:

— А, тут еще кое-что…

— Но я собрала все, что было в списке…

— Появилось дополнение. К девяти утра нам нужна свежая мушмула. Хотя бы гроздь.

— Мушмула?..

— Знаете, такой оранжевый фрукт…[2]

— Знаю, но… — По правде говоря, Мицуки не покупала мушмулу. И, кажется, в овощных магазинах или супермаркетах она ее прежде не замечала.

Не то чтобы ей никогда не доводилось попробовать мушмулу. Но когда это было и какая она на вкус — этого Мицуки уже не могла вспомнить.

Вообще, с тех пор как она стала ответственной за «мелкий реквизит», ей неоднократно приходилось размышлять о прошлом и задумываться о том, с какими предметами ей доводилось иметь дело прежде, а с какими — нет.

Например, скороварка. Шелковая шляпа. Моноцикл.

Часто Мицуки обнаруживала, что ничегошеньки не знает о вещах, которые разыскивала по просьбе режиссера. Целых двадцать семь лет на свете прожила — и так и не успела ничего о них узнать. Мушмула относилась как раз к таким вещам. Мицуки даже не была уверена, можно ли

---

[2] Примечания: 2

Стоит отметить, что речь идет о мушмуле японской (Eriobotrya japonica), сочные оранжевые плоды которой покрыты тонкой кожицей и сладкие на вкус. Распространенная в европейских странах мушмула германская (Mespilus germanica) — с твердыми, коричневыми и кислыми на вкус плодами, которые приобретают некоторую сладость только после длительной лежки и замораживания.

ее найти в конце весны.

— Я уже поспрашивал… — Мидзусима, похоже, заметил замешательство на лице Мицуки. — В интернете пишут, что в этот сезон кое-где она еще продается.

— О, правда? — в голосе Мицуки зазвенела надежда.

— Только насчет Токио не уверен… — горько усмехнулся Мидзусима. Такая улыбка всегда означала, что задача предстоит непростая. Значит, с поиском мушмулы придется попотеть.

— К тому же времени почти не осталось… — поникла Мицуки.

— Верно. В этот час большинство лавок уже закрыто — кроме разве что супермаркетов, которые работают допоздна, но таких в последнее время все меньше…

Мицуки только молча кивнула. Магазинов, работающих до поздней ночи, было полно во времена экономического расцвета. Но, как отметил Мидзусима, их количество сокращалось прямо на глазах.

— И вообще… — эти слова Мидзусима произнес тихо, словно разговаривал сам с собой, — какими-то тоскливыми стали токийские ночи.

*

В полутемной служебной комнате Мацуи готовился к началу смены, потягивая кофе из банки.

Служба такси, в которой работал Мацуи, называлась Black Bird и специализировалась на ночном развозе клиентов, поэтому работать приходилось с вечера до раннего утра. Машины компании были окрашены в темно-синий, почти черный, цвет, и в форме водителей тоже преобладал черный. Компания была маленькая, с небольшим автопарком, и раньше в основном обслуживала постоянных клиентов, которые обращались персонально, но в последнее время их стало мало, и водителям частенько приходилось курсировать по улицам и подбирать случайных пассажиров по пути. Убрав в карман пустой лист предварительных заказов, Мацуи коротко чихнул.

Сплетничает о нем кто-то, что ли?[3] Ну и ладно, если так.

Если кто и говорит о нем столь поздней ночью, то наверняка клиенты. Мацуи не приходило в

---

[3] Примечания: 3

В Японии есть поверье, что когда человек чихает — это значит, что о нем кто-то болтает.

голову, кто бы еще мог вспомнить о нем. Как-то незаметно ему перевалило за пятьдесят, а он так и не женился. Родился в Токио, поэтому малой родины, куда можно приехать на праздники к родным, у него не было, родителей он потерял рано и братьев-сестер тоже не имел.

Сам Мацуи считал себя очень скучным человеком.

Когда коллеги спрашивали его: «А почему вы стали водителем такси?» — он мог лишь пожать плечами, мол, так вышло.

На самом деле предпосылка к выбору профессии все же была.

В детстве он однажды нашел в библиотеке книжку под названием «Такси цвета неба». Главным героем сказки был таксист — однофамилец Мацуи. Он подвозил разных любопытных клиентов — то медведя, то лисицу… Маленький Мацуи прочитал книжку запоем, и работа таксиста показалась ему тогда ужасно увлекательной. Дочитав книгу, он принялся рассматривать обложку, на которой был нарисован таксист Мацуи за рулем небесно-голубой машины. И подумал: «Вот оно. Я стану таким, когда вырасту».

Так и вышло. Правда, Мацуи за тридцать лет работы успел сменить немало компаний, и ма-

шины были самого разного цвета… Только вот голубая ему так и не встретилась.

Покинув комнату отдыха, Мацуи направился к стоянке, где все машины были не небесно-голубыми, а темно-синими, почти черными. Стоянка представляла собой простую бетонную площадку без крыши, и над головой простиралось ночное небо, в котором висел яркий желтый месяц, похожий на банан. Вокруг него, едва видимые, мерцали звезды: тусклые и пыльные, как и всегда над Токио.

— О… — только тут Мацуи вдруг осознал, что цвет этих машин напоминает ночное небо. — Значит, они тоже небесного цвета… — пробормотал он.

В кармане зазвонил телефон. Мацуи достал его и посмотрел на экран: под десятизначным номером высветилось имя: «Мицуки Саватари».

*

«Неужели придется снова просить помощи Мацуи?»

Мицуки несколько раз заносила палец над кнопкой вызова, но не решалась нажать ее. Мацуи постоянно ее выручает, неужели она сама не в состоянии справиться?..

Мицуки опустила руку с телефоном, поспешно нажав отбой, на безымянном пальце блеснуло кольцо.

— Ох… — невольно простонала она.

Кольцо подарил Коити.

Это случилось три дня назад, когда после долгого перерыва Мицуки наконец смогла взять выходные и повидаться с ним.

«Прости…» «На этой неделе я без выходных». «Ужасно много работы». «Извини». «На следующей неделе обязательно увидимся».

Целый месяц она продолжала уклоняться от встречи всякий раз, когда Коити звонил, чтобы позвать на свидание. Мицуки и правда много работала, но у ее нежелания идти на встречу была и другая причина.

Коити спросил у нее размер кольца. Кольца для безымянного пальца. Хотя о возможной помолвке даже не заикнулся. Была у Коити такая черта характера, и она не слишком нравилась Мицуки.

Парень был младше ее на три года. Хотелось бы ей сказать, что этого совсем не чувствуется, но нет. По своей натуре Коити был вечным «младшим братиком», который нуждался в ее ласке и заботе и не стеснялся открыто напоминать, как ему нужна ее поддержка.

— Разве не славно? Мило ведь, — заметила ее подруга Айко, но Мицуки рано потеряла отца, и ей скорее хотелось бы быть с мужчиной, который станет для нее опорой и поддержкой, а не наоборот.

— Тогда расстанься с ним.

Учитывая разницу характеров Мицуки и Коити, Айко, конечно, была права. Но одна страсть Коити пленила Мицуки. И это была не его любовь к ней.

— В общем, ворона…

В тот день он опоздал к забронированному времени на десять минут. Они сидели в ресторане, расположенном на верхних этажах небоскреба в Синдзюку, и это было их первое свидание на столь высоком уровне. За окном распростерся ночной Токио — казалось, будто они ужинают посреди звездного неба.

— Ворона смастерила книжную полку, — Коити часто ни с того ни с сего заводил речи о чем-то непонятном. В такие моменты Мицуки, будто мудрая старшая сестра, старалась задавать наводящие вопросы, чтобы добиться более связного повествования.

— Книжную полку?

— В общем, старая ворона собрала много книг

и…

— Где собрала?

— На книжной полке. Она затащила на верхние ветви дуба материалы и соорудила что-то вроде полки. Я наблюдал, что же она будет делать дальше, и увидел, как ворона принялась таскать туда и расставлять книги и журналы, которые нашла на помойке. Представляешь, какая умная?

Коити был внештатным сотрудником проекта «Противодействие ущербу от ворон» столичного агентства по охране окружающей среды. Впрочем, скорее самоназванным сотрудником. Он не числился в агентстве официально, и его основной работой была утренняя доставка газет. Пока Коити с утра пораньше разносил газеты по жилым кварталам, его заинтересовали вороны, и он стал наблюдать за их жизнью и повадками. Постепенно накопил опыта и знаний достаточно, чтобы к нему обращались за экспертным мнением по вопросам, связанным с воронами.

Недалеко от дома Коити располагался лесопарк, где жили местные вороны, а рядом пролегала железнодорожная ветка одной транспортной компании. Как-то раз редакция газеты, принадлежащей этой компании, обратилась к Коити с просьбой дать интервью. В этом интервью

его окрестили «специалистом по городским воронам». Мицуки, тогда еще студентка, подрабатывала в этой редакции ассистентом. Вместе со старшим коллегой они взяли у Коити интервью и за вечер кое-как слепили статью средней паршивости.

Так она и познакомилась с Коити. С тех пор прошло уже много лет, но для Мицуки их отношения почти не изменились со студенческих лет. Так же как и тогда, в ходе интервью, она внимательно выслушивала бессвязные монологи Коити и задавала наводящие вопросы, чтобы уловить смысл. И даже сейчас, когда он позвал ее в первоклассный ресторан и вырядился в лучший выходной костюм, он успел забыть, зачем они сюда пришли, и теперь путано рассказывал о книжной полке, которую ворона соорудила на дереве.

— Слушай…

Когда ужин был уже почти закончен и им принесли десерт, Мицуки наконец прервала Коити:

— Ты вроде хотел о чем-то другом поговорить?

Коити ее ни о чем таком не предупреждал, но, когда он спросил о размере ее безымянного пальца и позвал в роскошный ресторан, она уже мысленно приготовилась ко всему.

— Ах да, точно.

Словно спохватившись, он пошарил в кармане пиджака, со словами «Чуть не забыл» достал из него красную бархатистую коробочку, перевязанную белой лентой, и отдал Мицуки. И все. Больше ни словечка. Мицуки прекрасно все поняла, но из-за раздражения не удержалась от резкого вопроса:

— И что это? — Она развязала бант на коробочке, небрежно открыла ее, как упаковку сладостей, и вновь переспросила: — Так к чему это?

Не дождавшись ответа, Мицуки достала кольцо из коробочки и нацепила его на безымянный палец. Она собиралась сделать это в шутку и тут же снять, но…

Кольцо плотно сидело на пальце.

«Хм?» — Мицуки недоуменно нахмурилась и еще раз попыталась незаметно для Коити снять кольцо, на этот раз применив большую силу, но оно сидело как влитое.

Вообще она намеревалась быстро снять его и заявить: «Я не приму его, пока ты не объяснишь как полагается, зачем ты мне его даришь».

Но так как снять не получилось, то и слова застряли в горле.

Сколько Мицуки ни билась, снять кольцо так и не смогла — оно, словно маленькое живое суще-

ство, впилось в ее палец, отказываясь отпускать.

*

Когда машина Мацуи с зажженным на табло словом «Занято» подъехала к назначенному месту, стоящая под световой вывеской супермаркета Мицуки тут же бросилась причитать:

— Тут такие дела…

С этими словами она забралась на заднее сиденье. Глядя на нее через зеркало заднего вида, Мацуи поинтересовался:

— Что случилось?

— Я уже шесть магазинов обошла. Прямо паломничество по ночным супермаркетам. В этом, к счастью, был товаровед, и я спросила у него, не продается ли она где-нибудь в округе, и он сказал: такие фрукты сейчас в Токио едва ли отыщешь…

— Фрукты?

Пока Мацуи не уловил, о чем речь. Впрочем, Мицуки уже не впервые вызывала его посреди ночи с экстравагантными запросами. Как правило, их поездки затягивались на всю ночь, так что она была на редкость хорошим постоянным клиентом.

— Мне было неловко, что я постоянно на вас полагаюсь, и я решила хотя бы на этот раз разыс-

кать все сама, но в итоге ничего не вышло.

— А что вам нужно сегодня?

— Мушмула. Хотя бы одна гроздь. Снова фрукты. Помните, как в тот раз? Мы тогда весь Токио объездили, разыскивая зеленое яблоко не в сезон.

— Да, было дело. Сложная выдалась ночка…

Несмотря на сочувственный тон, Мацуи пребывал в радостном предвкушении.

— Но раз мне уже сказали, что их в магазинах нет, я даже и не представляю, куда ехать…

Мацуи тронулся с места.

— С чего начнем? — поинтересовался он, бросив на Мицуки взгляд через зеркало заднего вида. Та сидела хмуро потупившись и терла основание безымянного пальца.

— Вот ведь. Не снимается, — со вздохом пробормотала она.

Мацуи отвел взгляд.

— Если в Токио фрукты не найти, поедем за город?

В таком случае ехать нужно либо на север, либо на запад. Он задумался, куда лучше свернуть, мысленно выстраивая в голове маршрут, и выехал на просторное шоссе. Дороги были пусты: только одинокий байк проехал мимо, наслаждаясь скоростью.

— Ой, погодите.

Оторвавшись от кольца, Мицуки проверила сообщение на телефоне и кивнула.

— Что такое?

— Мм… — девушка еще раз перечитала сообщение. — А перекресток Сакурадани далеко отсюда?

— Да нет. Минут пятнадцать езды.

— Нужно от этого перекрестка проехать в сторону квартала Фукагава метров пятьдесят. Там вдоль дороги слева высажена мушмула, которая вчера еще плодоносила.

— Ого, какие подробности, — удивился Мацуи.

По правде говоря, Мицуки удивилась не меньше. Она и не надеялась на ответ, когда легкомысленно написала Коити: «Я тут ищу мушмулу, не знаешь, где она может быть?» Так, на всякий случай спросила.

«Не спишь?» — поспешно напечатала она в ответ на полученную инструкцию.

«Уже собираюсь выходить на доставку».

«А откуда ты знаешь про мушмулу?»

«Местные вороны любят ею лакомиться».

«Подумать только. А ведь логично», — восхитилась Мицуки про себя.

Коити ничем особо не интересовался, кроме во-

рон. Если спросить его: с чем ты чаще всего имел дело в своей жизни, скорее всего, он только и сможет сказать: «Вороны». Он прожил до сегодня, не задумываясь о скороварке, шелковой шляпе или моноцикле. И мушмулу наверняка даже не пробовал. Но, возможно, те, кто до предела зациклен на чем-то одном, через объект своего интереса связаны невидимыми ниточками со множеством разных вещей. Вот как сегодня, когда оказалось, что вороны сообщили Коити, где растет мушмула…

— Хмпф… — выдохнула впечатленная Мицуки.

Машина приближалась к перекрестку Сакура-дани.

— Подъезжаем, — предупредил Мацуи.

Мицуки высунулась из окна и принялась разглядывать высаженные вдоль дороги деревья.

Если так подумать, она понятия не имеет, как выглядят деревья мушмулы. Не говоря уже о том, чтобы узнать их в ночной тьме. Впрочем, дорога тускло освещена фонарями, так что, скорее всего, яркие плоды удастся разглядеть. Правда, для этого лучше выйти из машины и побродить пешком в районе, на который указал Коити.

— Тогда я подожду тут, — кивнул Мацуи, когда Мицуки объяснила ему свой план. Он остановил-

ся у обочины, а Мицуки вышла и пошла вдоль дороги, вглядываясь в окрестные деревья.

Сразу отыскать нужное не получилось. Мицуки даже начала сомневаться, правильно ли она помнит цвет спелых плодов мушмулы. Кажется, они должны быть светло-оранжевого оттенка… В магазине точно продавались именно такие. Не могут же они быть другого цвета, пока растут на деревьях? А вдруг на деревьях растут лишь молодые, незрелые плоды, а румянцем наливаются те, что уже опали на землю…

«А ведь возможно», — задумалась Мицуки, внимательно осматривая ветки над головой.

И тут что-то рыжее попало в поле ее зрения. Не успела она воскликнуть: «Нашла!» — как нечто черное заслонило оранжевый от ее взора. Темная тень сорвала плод мушмулы.

«Неужели ворона?» — напряглась Мицуки.

Да, наверняка ворона. Пристроившись на ветви дерева, ворона небывалых размеров ловко подцепляла один за другим оранжевые плоды.

Хотя погодите-ка…

Когда Мицуки осознала, что таких гигантских ворон не бывает, мимо очень кстати проехал грузовик и осветил яркими фарами окрестности, включая темный силуэт на дереве.

Это был человек.

Человек в черной одежде, с черными волосами… Не мужчина, женщина.

— Эм… — собрав в кулак всю свою решимость, Мицуки подала голос. Поначалу у нее по спине пробежали мурашки, но сейчас глаза привыкли к темноте, и она уже отчетливо видела стройную высокую женщину, которая как раз пыталась залезть на дерево еще выше. — Извините, а что вы тут делаете?

Услышав неожиданный оклик, незнакомка на мгновение растерялась, но затем обернулась и ответила спокойно, словно этот вопрос ей задавали не один раз:

— Ворую мушмулу.

*

— Я живу совсем рядом. Зайдете?

За пазухой черной куртки незнакомки скрывалась великолепная, как с картинки, мушмула. Конечно, Мицуки побаивалась, но желание заполучить фрукты пересиливало все. Она решила, что в сопровождении Мацуи ей ничего не страшно, и вместе они согласились на приглашение.

— Прошу, угощайтесь.

Перед Мицуки поставили бокал, и не успела

она ничего сказать, как в него с журчанием полилась наливка из мушмулы, о которой ей уже рассказали по пути сюда.

— Эта из урожая прошлого года.

Голос у похитительницы мушмулы был пленительным и мягким. Она объяснила, что каждый год по ночам залезает на деревья мушмулы, собирает урожай и делает из плодов наливку.

— Раньше этим занимался мой младший брат.

Женщина указала глазами на фотографию в рамке, стоящую на полке. С фотографии гостям улыбался паренек, очень похожий на хозяйку квартиры, только гораздо моложе.

— Значит… — женщина улыбнулась Мицуки, — эту гроздь мушмулы снимут в кино?

Она легко согласилась на просьбу Мицуки уделить из своей добычи немного фруктов, но заинтересовалась причиной, и Мицуки рассказала ей о своей работе.

— Я же сама их ворую, можно сказать. Берите сколько нужно. Подумаешь, наливки получится чуть меньше. Зато с каким удовольствием я буду смотреть это ваше кино!

Конечно, женщина не занималась по жизни одним лишь воровством мушмулы — «на дело» она выбиралась всего раз в год, а в остальное

время вела законопослушную жизнь, полную хлопот и нелегкого труда. Под ее черной курткой скрывалась белая рубашка, а на лицо похитительница оказалась писаной красавицей из тех, кому никакой макияж не нужен. Однако работа красавицы была никак не связана с ее внешностью. Женщина трудилась на ночных сменах в токийском кол-центре службы поддержки, отвечая на бесконечные звонки страждущих.

— Нам звонят и мужчины, и женщины, и молодежь, и старики… Обычно анонимно. Кому-то хочется просто поболтать, а кто-то терзается такими проблемами, что на кону стоит жизнь. И каждого мы готовы выслушать и протянуть руку помощи.

«Вот оно что», — кивнула про себя Мицуки. Именно мягкий, исполненный доброты голос женщины развеял ее сомнения, когда она думала, соглашаться ли на приглашение зайти в ее дом.

— Наше учреждение называется «Токийская служба поддержки 03». Звоните в любое время, если что. — Новая знакомая протянула Мицуки визитку. — Мы и с поиском реквизита постараемся помочь, и о жизненных неурядицах выслушаем, будь то проблемы в семье или в любовных делах…

Наливка из мушмулы имела сложный вкус, в котором переплетались горечь и сладость. Мицуки прикрыла глаза, наслаждаясь. Мацуи был на работе, так что он лишь коснулся алкоголя языком, а потом только наслаждался ароматом напитка.

*

— Мацуи…

Мицуки уютно устроилась на заднем сиденье такси. Гроздь мушмулы лежала у нее на коленях.

— Я вот-вот усну.

Похоже, пара глотков алкоголя сделала свое дело — все тело охватила сладкая сонливость.

— Понял. Прошу, спите спокойно. Я отвезу вас домой.

— Не стоит. Если доеду до дома и улягусь в постель — не смогу встать утром на работу. Можете покатать меня до рассвета?

— Конечно.

Мацуи посмотрел на пассажирку через зеркало.

Мицуки уже прикрыла глаза. Кончиком пальца она погладила сверкающее на безымянном пальце кольцо. Лицо ее приобрело ангельски-безмятежный вид, дыхание выровнялось. Девушка

крепко спала.

Токио тоже погрузился в короткую дрему.

В воцарившейся сонной тишине плоды муш-мулы мягко мерцали в лучах лунного света.

Блуждания в четыре утра

Ровно час ночи.

Скоро для «Токийской службы поддержки 03» настанет самое горячее время. Воспользовавшись небольшим перерывом, Канако Фуюки прибрала на столе и теперь переводила дух, глядя в окно на ночное небо.

Токийское отделение службы поддержки находилось в двадцати минутах пешком от ближайшей станции метро, на четвертом этаже пятиэтажного офисного здания. Канако работала в здешнем концентре за столом номер двадцать пять.

С десяти вечера до семи утра, на протяжении восьми часов, не считая небольшого перерыва, она отвечала на телефонные звонки. В службе поддержки работали тремя сменами: утренняя, дневная и ночная. Заступая на свою ночную смену, Канако иногда перенимала дела сотрудников, работающих днем. Вот и сегодня к ней обратился младший коллега по имени Синъити Гото.

— Здравствуйте. Для вас есть необычное поручение…

Независимо от темы разговора с лица Гото не сходила легкая улыбка. Порой она раздражала Канако, а иногда ободряла.

— Среди телефонов с войс-банком есть один совсем старый, помните?

— Вроде бы… — неопределенно протянула Канако.

Вой-сбанки в основном использовала дневная смена, а ночной с ними почти не приходилось иметь дело. Выглядели они как обычные телефоны (хотя один из них как будто и впрямь был старше других), а название «войс-банк» им дали сами сотрудники. Фактически это был просто автоответчик, на который переключался звонок, если все операторы заняты. На него звонившим предлагалось записать содержание запроса. Изредка кто-то из них даже оставлял свой телефон, и тогда сотрудники службы могли перезвонить ему. Однако главным образом в службу поддержки звонили люди, желающие остаться анонимными, вдобавок многие из них просто искали кого-то, с кем можно поболтать. Поэтому среди записей, оставленных на автоответчике, в основном встречалось: «Я перезвоню попозже», а кто-то и вовсе молча сбрасывал звонок.

— Его решили вывести из эксплуатации.

— Вывести из эксплуатации?

Канако подметила формальный лексикон, который обычно был для Гото нехарактерен. Это черта сотрудников кол-центра. На такой работе постепенно учишься составлять образ невидимого собеседника по нюансам лексики, которую он использует. И чем богаче словарный запас человека, тем лучший из него слушатель.

— Ну… — на лице Гото мелькнула растерянность. — Я сам не особо в курсе… — (А вот это уже его собственная любимая присказка.) — Мне сказали, что внедряют новую систему автоответчиков, поэтому аппарат старого типа больше не нужен.

— Вот как, — Канако чуть склонила голову набок. — А что за необычное поручение?

— Специалист придет забрать его для утилизации в четыре утра.

— Ого! А почему так рано?

— Они сами выбрали время, зная, что мы работаем круглосуточно. Я не особо в курсе, но, похоже, утилизация такой техники, на которой записано много данных, — дело муторное. Может, потому и ребята, которые этим занимаются, довольно своенравны?

— Ага…

— Что касается поручения… Вам нужно будет передать аппарат специалисту.

— А, всего-то?

Просьба показалась Канако совершенно не обременительной — более того, ее охватило радостное возбуждение.

Пожалуй, это тоже проявление профдеформации.

Почему для того, чтобы забрать на утилизацию телефон, было выбрано такое странное время? Это личная причуда мастера? Или их компания работает круглосуточно под лозунгом: «Заберем у вас ненужные вещи в любое время дня и ночи»?

Четыре утра — серьезно? Еще не совсем утро, но уже и не ночь?

Любопытно. Ужасно любопытно. Хмыкнув себе под нос, Канако бросила взгляд на лист, подписанный как: «Дела класса А».

Из всех людей, которые звонили за смену, дневные сотрудники выписали сюда тех, кто, скорее всего, еще перезвонит в ближайшее время. Точно так же и в ночную смену выписывали свои дела класса А и передавали утренней. Каждый номер сопровождался коротким комментарием — большинство из них гласили не «Тяжелый случай», а «Похоже, еще не наговорился».

Хотя кол-центр и позиционировался как служба поддержки, далеко не все, кто звонил сюда, нуждались в помощи и советах. Большинству просто хотелось поболтать или выговориться. Это желание само по себе казалось людям проблемой, которая требует решения. Но Канако считала, что неожиданное желание поговорить с кем-нибудь посреди ночи, когда ты дома один, абсолютно естественно. Она и сама была из таких людей. Вообще, не только Канако, но и большая часть сотрудников кол-центра когда-то были его пользователями.

— Ясно. Значит, надо встретиться с ним в четыре утра.

— Ему передали ваши контакты, так что разберитесь со звонками до четырех. Считайте, что сегодня ваша смена заканчивается в четыре.

— Почему? — Канако подняла голову, недоуменно глядя на Гото. Он умел говорить красиво и гладко, но порой выдавал что-то совершенно непонятное. — А что мне делать дальше?

— Нужно будет составить мастеру компанию.

— В чем?

— В утилизации телефона. Я не особо в курсе, но мне сказали, так положено.

— Погоди-ка, давай еще раз. Мне надо будет

посмотреть, как утилизируют старый телефон?

— Судя по всему. На автоответчик записано много личной информации от звонивших, поэтому столько сложностей.

— Раз так… — Канако удержалась оттого, чтобы повысить голос, и вместо этого развела руками. — Разве нельзя по нему просто молотком шарахнуть или еще чем-то тяжелым?

— Может, и так… — Гото снова взглянул на записку, которую ему оставил шеф. — Вот что мне передали: утилизация такого аппарата — дело деликатное, почти что похороны. Кто-то должен быть рядом и своими глазами убедиться, что аппарат уничтожен безвозвратно — измельчен или сожжен дотла.

— Это шеф Мотида так передал?

— Думаю, он записал со слов мастера, который должен прийти за телефоном.

Гото вручил Канако записку, на которой было крупно выделено «Четыре утра», и, добавив свое коронное «Я не особо в курсе», подытожил:

— В общем, вам нужно будет сопроводить этого специалиста.

— Хм…

Канако взяла у него записку. Взгляд так и притягивала маленькая подпись под «Четыре утра».

Она гласила: «Измельчен или сожжен дотла».

*

Порой во время смены по неизвестным причинам происходит то, что сотрудники кол-центра между собой называют «случайные пересечения». Именно так получилось сегодня у Канако.

На протяжении трех часов, с одиннадцати вечера до двух ночи, Канако поговорила с двенадцатью людьми, и трое из них — разного возраста и явно из разных кругов — дружно использовали фразу «Не могу отыскать последний…», хотя каждый подвел к фразе по-своему.

«Я хочу начать новый этап жизни, но мне не хватает финального толчка, чтобы решиться. Никак не могу отыскать последний довод».

«Я собираю игрушки-трансформеры, которые прикладываются к пачкам Fireman Candy, но почему-то никак не могу отыскать последнюю недостающую».

«У меня ожерелье порвалось. Кошмар просто. Бусины во все стороны разлетелись. Двадцать восемь штук собрала, но вот последнюю не могу отыскать, сколько ни пытаюсь».

Один за другим звонившие были озабочены поисками чего-нибудь.

Повторяющаяся фраза «Не могу найти последний…» особенно зацепила Канако, пробудив что-то в ее памяти, и теперь воспоминания поднимались из глубины сознания, словно пузырьки воздуха, всплывающие на поверхность водной глади.

Когда она искала брата в самый первый раз?

«Пожалуй, самое раннее воспоминание связано с фестивалем Хатиман…»

В два ночи у Канако был короткий перерыв. Она присела у окна с банкой кофе в руках, задумчиво глядя из окна вниз на унылые безжизненные деревья у дороги.

«Я была в третьем классе младшей школы… Значит, он в первом»[4].

Тогда мама отправила их на праздничный фестиваль в храм неподалеку от дома. Впервые их отпустили на праздник вдвоем, без взрослых, и наказали непременно вернуться до темноты.

Брат всегда был очень свободолюбивым и категорически не желал слушаться старших. Это доставляло Канако ужасно много беспокойства. Порой эта его черта раздражала ее, а порой ободряла, хотя тогда она этого еще не осознавала.

---

[4] Примечания: 4

Японские дети идут в школу с семи лет, то есть, вероятно, Канако было девять лет, а ее брату — семь.

Среди всех мальчиков, которых Канако знала, брат был самым большим чудаком. Он отказывался заниматься тем, что было интересно другим детям его возраста, и потому хоть и не отталкивал ровесников, но естественным образом отдалялся от них и чаще всего проводил время в одиночестве. Отчасти поэтому он и терялся постоянно. Бессчетное количество раз Канако приходилось слышать его имя — Рэн Фуюки — из динамиков системы оповещения парков, торговых центров и других общественных мест: «Внимание, найден ребенок…»

«Кстати, а давненько уже я таких объявлений не слышала…»

Многолюдный оживленный фестиваль словно нашептывал Рэну: «Пора потеряться!» — так что Канако крепко держала брата за руку и даже прижималась к нему всем телом. И все равно…

Не успела она оглянуться — и Рэн испарился куда-то. Канако только выдавила из себя растерянное «А…» — а брата уже не было в поле зрения.

— Ой…

Канако в отчаянии заметалась среди палаток с едой и играми.

С детства по любому поводу ее лицо приобрета-

ло озабоченное выражение. Порой ничего такого и не происходило, и все равно ее окликали с вопросом: «Канако, у вас что-то случилось?» Но в тот раз озабоченное выражение на ее лице было оправданно. Она бежала, а запахи и цвета проносились мимо. Запах соуса для жарки якисобы, яркие оранжевые мандарины в сахаре, сочный зеленый цвет газировки со вкусом дыни, сладковатый аромат жареной кукурузы, серебристый блеск супергеройских масок, пыльноватый запах тира… Брата нигде не было.

Канако уже закричала в голос: «Рэн, ты где?!» — когда увидела эту палатку.

Сначала она не поверила своим глазам: разве так бывает? Вокруг палатки парили прозрачные стеклянные шары размером со школьный глобус. Штук десять шаров висели в воздухе, и было не похоже, что они привязаны.

Более того, внутри каждого стеклянного шара находился какой-нибудь предмет. Крохотная машинка, губная гармошка, маленькая шоколадка, цветок, пластиковые наручные часы и так далее и тому подобное. Предметы парили внутри стеклянной оболочки как заколдованные. Казалось, возле палатки не действует гравитация, поэтому разноцветные игрушки, канцтовары

и сладости парили рядом с ней в стеклянных шарах без всякой поддержки. А перед палаткой, спиной к Канако, стоял, словно зачарованный этим зрелищем, брат.

— Рэн! — во весь голос закричала Канако. Она сама удивилась тому, как громко получилось. Но ей казалось, если она не закричит во всю силу — он снова исчезнет. Может, его затянет в один из этих загадочных шаров и унесет далеко-далеко, в другое измерение… Наверное, Канако вычитала такой сюжет где-то в книжке, вот он и пришел ей в голову. Еще раз окликнув брата, она побежала к нему со всех ног.

И тут…

Мужчина в черной шляпе, стоящий рядом с палаткой, вытянул губы трубочкой, подул, и прямо перед ним стал на глазах расти новый стеклянный шар.

— Ой… — это зрелище настолько пленило Канако, что она застыла на месте. Теперь брат и сестра уже вместе зачарованно наблюдали, как прозрачный волшебный шар становится все больше и больше.

— Не знаешь, были такие раньше на фестивалях?

Однажды Канако спросила об этом у знакомой

хозяйки бара. Красивая и статная, та скрывала свой возраст, но, вероятно, была ровесницей Канако и тоже выросла в Токио, так что они хорошо друг друга понимали.

— А! Знаю-знаю… — тут же сообразила барменша. — В лавках с игрушками и сладостями раньше продавались тюбики для надувания таких шариков. Мы их называли воздушными шариками, но, судя по запаху, они были из чего-то вроде клея. Точно не из стекла. Надо было выдавить из тюбика на кончик соломинки прозрачную массу типа жвачки и подуть, чтобы получился шар.

До сих пор Канако не была уверена в правдивости своего воспоминания, но благодаря барменше поняла, что не выдумала его. Хозяйка бара была единственной, к кому Канако могла обратиться за советом и беседой посреди ночи, и она же стала ее единственным другом в Токио.

«Вау…» — протянул маленький Рэн, наблюдая за тем, как мужчина у палатки надувает прозрачный шар.

— А я стояла рядом и крепко держала его за руку. Решила, что теперь-то уж точно глаз не спущу. Так старалась. И все равно…

Барменша ласково посмотрела на Канако, лицо которой вновь приобрело озабоченное выра-

жение.

— И все равно не удержала. — Канако потупилась, уткнувшись взглядом в стойку.

— Что поделать, — барменша положила ладонь на руку Канако. — Когда люди вырастают, они уже не могут ходить всюду, держась за ручки.

— Да, конечно. Но…

— Сколько уже лет прошло?

— Двенадцать…

— Как быстро летит время…

— Порой кажется — быстро, а иногда наоборот — тянется бесконечно.

Однажды Рэн пропал из квартиры, где они жили.

«Без всяких предпосылок, — хотелось бы сказать Канако, но… — Может, те его слова и были предпосылкой?»

Канако часто вспоминала тот день.

— Не похоже, что мы имеем дело с преступлением, — заметил полицейский, когда Канако пришла подать заявление о пропавшем.

— Значит, брат…

— Вероятно, ушел по своей воле. Ну, или потерялся и не может найти дорогу домой.

Рэн был уже не ребенком — ему почти исполнилось двадцать четыре, так что полицейский,

конечно, высказал последнее предположение в шутку.

«Потерялся…»

Но Канако подумалось — наверняка так оно и есть.

«Я никак не могу найти самый последний», — сказал Рэн тем утром.

Тогда Канако только начала работать в торговой компании, куда устроилась через знакомого, и уже твердо решила, что будет всю жизнь поддерживать Рэна, который не работал и целыми днями читал книжки.

— А что ты ищешь?

— Последний кусочек пазла.

— Пазла?

Прежде Канако не замечала, чтобы Рэн интересовался чем-то подобным. Наверное, он мог бы объяснить поподробнее, о чем речь, а может, даже начал объяснять… Но Канако опаздывала на электричку, поэтому поспешно выскочила из дома, лишь бросив напоследок: «Надеюсь, ты его отыщешь».

Это был их последний разговор.

— Послушай… — голос барменши достиг слуха погрузившейся в воспоминания Канако. — Тебе пора бы уже отпустить Рэна.

Канако не знала, что ответить на это, поэтому промолчала.

— Я тебя хорошо понимаю. Когда мы ищем что-то, в нас просыпается азарт. Поиск превращается в игру, в которой непременно нужно выиграть.

— Да? — вяло ответила Канако, погруженная в свои мысли — так же, как и тем утром.

«А ведь я тоже не нашла тот кусочек пазла, который потерял Рэн…»

Конечно, один кусочек мало чем может помочь. Канако понятия не имела, что за картину пытался собрать Рэн. Возможно, он даже не имел в виду реальный пазл и лишь использовал это выражение как метафору. Но не важно, реальная или воображаемая, все равно существовала некая картина, которую Рэн пытался собрать по кусочку. И пусть она и была близка к завершению, где-то потерянный Рэном последний фрагмент едва ли способен подсказать, что на ней изображено.

— Кстати, а ты не нашла тот незаконченный пазл, о котором говорил Рэн?

— Нет, так и не удалось.

— Получается, потеряны и последний кусочек, и весь пазл…

«Точно».

Даже если Канако найдет в какой-нибудь

щелке этот кусочек, она не поймет, от какой он картины.

Наверняка однажды она наткнется на него, убираясь в квартире.

Канако могла представить себе эту сцену ярко и четко: вот она стоит в растерянности посреди комнаты, в правой руке — труба пылесоса, а в левой — кусочек пазла.

*

— Здравствуйте!

Услышав приветствие, Канако бросила взгляд на часы. Они показывали три минуты пятого.

К ее удивлению, за телефоном пришла молодая женщина. Что еще удивительнее, одета она была в черные траурные одежды.

— Эм… — Канако растерянно оглядела прибывшую. Было похоже, что этот ее костюм не гладили уже очень давно. — А мне тоже нужно было как-то по-особому одеться?

Женщина поспешно замотала головой:

— Что вы… — Она с первого взгляда поняла — с Канако придется непросто. — Если будут какие-то вопросы, прошу, звоните по этому номеру.

Выученным движением она протянула визитку и представилась:

— Мориидзуми. Это фамилия, а не фамилия и имя[5]. — Судя по всему, это пояснение ей приходилось давать бесчисленное количество раз. — Такая уж хитрая фамилия.

— Надо же… Приятно познакомиться.

Канако тоже вручила свою визитку, но Мориидзуми сунула ее в карман пиджака, не удостоив и взглядом.

— Ну, телефон я забираю.

Мориидзуми привычным движением подхватила коробку с телефоном под мышку, достала откуда-то извещение о получении и отдала Канако, чтобы та расписалась.

Когда Канако поспешно чиркнула в листке, Мориидзуми так же энергично убрала извещение в карман, коротко бросила «До свидания» и повернулась к ней спиной.

— А, погодите. Я пойду с вами.

— Простите?

Слегка выгнув бровь, Мориидзуми удивленно посмотрела на Канако:

— Со мной?

---

[5] Примечания: 5

В японской орфографии не ставятся пробелы между словами, а фамилию принято писать перед именем. Поэтому фамилию Мориидзуми можно прочесть как Мори Идзуми, где Мори — распространенная фамилия, а Идзуми — имя.

— Эм, ну…

Канако почувствовала себя ужасно неловко. Она понятия не имела, что в таком деле нужна особая одежда.

— Меня попросили сопроводить вас до места утилизации.

Мориидзуми уже быстро шагала к лифту и едва ли прислушивалась к невнятному бормотанию поспешившей за ней Канако, увлеченная собственными мыслями: «Смена почти окончена… Надо бы поскорее разобраться с этим и пойти домой. Завтра выходной, так что как вернусь домой — приму душ, перекушу готовой едой из комбини[6] выпью баночку пива и засну за телевизором…»

Когда они спустились на первый этаж и подошли к выходу из здания, Мориидзуми коротко бросила:

— Этого достаточно, дальше я сама.

— Нет-нет, — замахала руками Канако и нарочито бодро добавила: — Это ваша машина, да?

Она поспешно залезла на переднее сиденье фургона.

— Вот так! — Не обращая внимания на замеша-

---

[6] Примечания: 6

Комбини (от англ. convenience store — «удобный магазин») — в Японии так называют круглосуточные магазинчики шаговой доступности.

тельство Мориидзуми, Канако добавила: — Не переживайте, с работой на сегодня я уже закончила.

— Не в этом дело…

— Все нормально.

Канако уже поняла, что инструкции в записке оставила не компания по утилизации, а сам шеф Мотида. У него была привычка маскировать собственные суждения и замыслы так, будто они принадлежат не ему.

— Понимаете, этот телефон долго с нами проработал… — Канако сама не ожидала от себя такого красноречия. — Но дело не в сентиментальности. В телефоне хранится много записей с личными данными, поэтому я должна убедиться, что… Погодите, у меня записано. Вот. «Убедиться, что аппарат уничтожен безвозвратно — измельчен или сожжен дотла». Мне дали такое распоряжение.

Мориидзуми не поняла и половины того, что пыталась донести Канако. Но по ее настрою сообразила — так просто от нее не отделаться.

— Как вам будет угодно, — кивнула она и завела машину.

— Скажите… — Канако еще раз оглядела траурные одежды Мориидзуми. На заднем сиденье

громоздились коробки с телефонами, причем не одна-две, а не меньше дюжины. — А чтобы утилизировать телефоны, обязательно именно так одеваться?

— Нет, — голос Мориидзуми зазвучал немного раздраженно. — Мне нужно было одеться так для дневной работы, а переодеться я просто не успела.

— Дневной работы?

Машина выехала на нижние дороги, проезжающие под скоростной трассой Сюто. Рыжеватые огни города бросали пятна света на лица пассажирок.

— Моя семья владеет похоронным бюро. Иногда меня зовут помогать. Я у них одна, а родители уже пожилые — как тут отказать?

— Вот оно что…

— Фуюки, а вы оператором работаете, да?

— Ой, а откуда вы знаете мою фамилию?

— Как откуда? Вы же дали мне свою визитку.

«Значит, она ее прочла», — удивилась Канако. Она бросила на профиль Мориидзуми короткий оценивающий взгляд. В первый момент та показалась ей очень молодой, но, если присмотреться, скорее всего, она старше.

— Канако Фуюки, ответственное лицо. Стол

номер двадцать пять кол-центра «Токийской службы поддержки ноль три» на четвертом этаже, — отчеканила Мориидзуми по памяти.

«Ого», — впечатлилась Канако. Похоже, перед ней настоящий профи. Куда опытнее того же Гото, который все читал по бумажке.

— А где находится этот… как бы его назвать… крематорий телефонов?

Мориидзуми хмыкнула под нос.

— Нет такого места.

— Но где-то же вы их измельчаете? Или сжигаете?

— Мы таким не занимаемся.

— А как тогда?..

— Наша фирма стирает данные с памяти устройства, а потом передает его компании, которая занимается сортировкой мусора. Ни измельчать, ни сжигать ничего не приходится.

— И даже молотком по нему не ударите?

— Нет.

— Вот оно как…

Канако пробило на смех. Совершенно беспричинный, он почти вырвался из груди, но затем она посерьезнела, осознав кое-что.

— А куда мы в таком случае едем?..

*

Едва выйдя из машины, Канако сразу же об этом горько пожалела, но продолжать дальше бессмысленную поездку и доставлять хлопоты Мориидзуми не хотелось.

— Я недалеко отсюда живу, — солгала она и вышла на незнакомом перекрестке.

Ей вспомнились слова барменши: «Вы с Рэном очень похожи. Недаром брат и сестра. Оба спонтанные, свободолюбивые, упрямые и в вечных поисках чего-то. Как бы ты сама однажды не пропала неизвестно куда…»

Стоя посреди пустынного в этот ранний час перекрестка, Канако задумчиво смотрела на сменяющие друг друга цвета светофора.

— Где я?..

Ни одной машины вокруг. И ни звука. Такая тишина, будто кто-то выкрутил звук на ноль.

— Что же делать?..

Канако растерянно пошарила в кармане. Там лежала только что полученная от Мориидзуми визитка, а вместе с ней еще одна, незнакомая. Канако достала ее и прочла:

«Ночное такси Black Bird. Заберем вас откуда угодно».

Восемнадцать ключей

Стрелки на циферблате показывали час ночи.

В переулках Идзумобаси Мацуи встретился одиноко бредущий куда-то по темной дороге юноша. Заметив такси, тот поднял руку — нерешительно, словно боялся привлечь чье-то внимание. Мацуи невольно огляделся по сторонам, заинтригованный этим жестом. Ни души поблизости. Дорога была узкой, однополосной, зажатой между рядом домов и железнодорожными путями.

— Хорошо, что вы мне встретились! — воскликнул юноша, залезая в машину. Отдышавшись, он красиво и звонко произнес: — Мне в Синдзюку.

— А куда именно? — Мацуи бросил взгляд на пассажира через зеркало заднего вида.

— В ночной кинотеатр. Погодите секунду, так… Кинотеатр «Комета» в Синдзюку.

Сверяясь с экраном смартфона, юноша прочел название кинотеатра и удовлетворенно кивнул. Свет от экрана телефона озарил его лицо. Поначалу оно показалось Мацуе совсем юным, но, возможно, в действительности человеку было уже за тридцать.

— Кино в такое время?

Мацуи прекрасно понимал, что вопросы такого рода неучтивы, да и звучат глупо, но больше не смог ничего придумать, чтобы под держать разговор.

Мужчина бодро ответил:

— Ага. Как-то спонтанно вышло.

Его манера разговаривать успокоила Мацуи.

У него самого подобного опыта не было, но коллеги всегда предостерегали: нужно быть поосторожнее с пассажирами, которые появляются на пути в странное время и в странном месте. Они напоминали — в таких случаях стоит на всякий случай убедиться, есть ли у этого пассажира ноги[7], не пахнет ли от него кровью, не дышит ли он тяжело, как загнанный зверь. Однако слишком пристально разглядывать клиента с головы до ног невежливо даже через зеркало. А отвлекаться на это во время вождения и вовсе непрофессионально. Поэтому Мацуи отточил умение с первого взгляда на человека определять, насколько тот беспроблемный пассажир.

Его чутье подсказывало — юноша… Точнее, мужчина, выглядящий молодо, как юноша,

---

[7] Примечания: 7

Согласно японским поверьям, у призраков нет ног.

кажется слегка потрепанным, но не подозрительным. Мацуи раздумывал, стоит ли продолжать разговор, когда мужчина сам заговорил:

— Я целый день на ногах, устал ужасно, вот и хочу поспать где-нибудь.

— Ясно… — на автомате протянул Мацуи, хотя не сразу понял, что собеседник имеет в виду. Сначала подумал: может, он в такси собирается вздремнуть? Только потом до него дошло — это был ответ на вопрос Мацуи: «Кино в такое время?» Значит, мужчина собрался выспаться в кинотеатре.

— Это работа у вас такая, что много ходите? — поинтересовался Мацуи.

— Ага, — отозвался мужчина, но тут же с горячностью добавил: — Но сегодня у меня выходной. Я наконец исполнил один давний план.

Голос у него был совсем мальчишеский.

Сосредоточенно ведя машину по темному жилому кварталу, Мацуи выехал на магистраль, краем глаза зацепив стрелку указателя: «Синдзюку».

— И этот план включал долгую прогулку? — вернулся он к разговору.

— Да. Наконец-то разобрался с этим делом.

— Но ведь погода сегодня была не очень, да?

— Точно. Все время пасмурно.

Так как Мацуи работал по ночам, днем он обычно спал, поэтому о погоде узнавал только из вечерней телевизионной сводки.

— Словно вот-вот дождь пойдет, — подхватил он, воспользовавшись знаниями, почерпнутыми оттуда.

— Ая вот… — мужчина покачал головой, — с дождями не дружу. Это что-то вроде травмы…

— Навевает неприятные воспоминания?

— Не совсем. Просто, когда идет дождь, вечно приключается какое-нибудь происшествие…

— Происшествие?

— Вы слышали про детектива Сюро?

— Эм? — Мацуи не сразу разобрал слова собеседника. — Прошу прощения, не расслышал.

Пассажир рассеянно скользил взглядом по вывескам ночных заведений, мелькающих за окном.

— Детектив Сюро. Не знаете?

— Не уверен… — задумался Мацуи. — Извините, а это кто-то известный?

— Да нет, ничего, если не знаете. Я и этот детектив, как бы сказать… Вообще Сюро фигурирует в кино, но…

— Так вы актер?

— Ну… Вроде того.

— Вот оно что! Прошу прощения. У меня есть знакомая… Точнее, клиентка из мира кино, поэтому я немного наслышан. Но вот про детектива Сюро узнаю впервые…

*

— Это персонаж не слишком известного фильма категории «Б». — Не совсем правда, но мужчина решил свернуть разговор, ему вдруг стало в тягость продолжать объяснения. — В общем да, я актер и играю роль детектива Сюро, — кивнул он.

Это даже не полная ложь. Давным-давно, еще ребенком, он сыграл несколько небольших ролей в кино благодаря протекции отца.

Но сейчас все иначе. Сейчас он работает частным детективом. И полагал, что успел завоевать какую-никакую известность… Но водитель такси, сведущий в мире кино, никак не отреагировал на имя Сюро. Вот как оно выходит. Правды ради, «великим детективом» его начали звать наполовину в шутку, подхватив громкое словечко за СМИ. Тем не менее он действительно раскрыл ряд дел, по некоторым из них написали книги и даже экранизировали, что добавило ему узнаваемости.

Сейчас он утверждал, что Сюро — его настоящее имя, и даже придумал для него запись иероглифами, но на самом деле так назвали героя книги, прототипом которой он стал, и со временем прозвище перекинулось на него самого. Постепенно он привык откликаться на «Сюро» в реальной жизни.

— Простите мою неосведомленность, — извинился Мацуи, и Сюро захотелось еще немного поговорить с ним. Сегодня он ощущал себя на редкость разговорчивым, хотя обычно в длинные беседы не вступал.

— У меня выходной. — Огни города мерцали на краю поля зрения, то появляясь, то исчезая во тьме. — Так что я весь день бродил по Токио.

— О, вы редко тут бываете?

— Нет, не в этом дело…

Сюро посмотрел на лицо Мацуи, отражающееся в салонном зеркале. И голос, и облик водителя говорили о том, что это добросовестный, хороший человек.

Профессиональная привычка детектива — считывать характер и настрой человека с первого знакомства. Порой во время расследования ему даже удавалось сразу понять, преступник перед ним или нет. Первое впечатление очень важно.

Да, узнать человека получше тоже не будет лишним, но детективу нужно воспитать в себе навык оценивать человека прежде, чем узнаешь о нем слишком много.

— Я родился и вырос в Токио. — Рассудив, что перед ним хороший человек, Сюро вновь вернулся к созерцанию городских огней за окном. — Но по характеру тот еще кочевник и очень часто переезжаю. — Возможно, он сейчас даже слишком болтлив. Но почему-то Сюро не мог себя остановить. — Сегодня я обходил места, где мне доводилось жить.

*

— Понимаю… — на автомате поддакнул Мацуи, проглотив удивление. Странная причина бродить целый день пешком по Токио.

— С первого своего жилья и до нынешней квартиры я переезжал восемнадцать раз.

Еще страннее.

В Мацуи боролись любопытство и настороженность.

— Надо же, и вы все помните? — искренне удивился он.

— У меня же есть ключи, — мужчина заговорил чуть громче. — Я посчитал все сохранившиеся

у меня ключи, кроме нынешнего, и получилось восемнадцать.

Судя по всему, он был горд своей находчивостью.

— Вот оно что, — протянул Мацуи.

Это что же получается, его пассажир сохранил все ключи от своих бывших квартир?

Хотя… Тут Мацуи осенило: он ведь тоже трижды переезжал, а ключи от покинутого жилья, которые больше не нужны, убирал в дальний ящик комода.

— Эти восемнадцать ключей больше не могут открыть ни одну дверь на свете. Скорее всего. Я, конечно, не проверял…

Мацуи еще раз внимательно посмотрел на Сюро через зеркало заднего вида. На мгновение их взгляды встретились. Хорошие у него глаза, честные. Благодаря накопленному опыту порой Мацуи мог по виду пассажира догадаться, чем он занимается по жизни, но этот уже сам назвался актером, играющим детектива.

Сложно поверить, чтобы актер оказался квартирным вором, но если речь о низкобюджетных фильмах категории «Б»… Уж не бродил ли он со своими восемнадцатью ключами по бывшим адресам, чтобы проверить, не подходят ли какие-то

все еще к дверям? Чтобы зайти в те квартиры, которые получилось открыть…

— Кстати, а что за фильм?.. — наугад спросил Мацуи.

— Мм? — неожиданная смена темы привела Сюро в замешательство. — Ну, про детектива и…

— Я имею в виду, какой фильм вы будете смотреть в кинотеатре? — уточнил Мацуи.

— А, — сообразил Сюро. — Я все равно собираюсь спать, так что любой подошел бы, но я выбрал старый японский фильм не про детектива, а про великого вора.

Беседа свернула куда-то не туда.

— Про вора?

Мацуи насторожился, но не подал виду.

В таких ситуациях таксистам нельзя действовать опрометчиво. Даже если пассажир за спиной, возможно, преступник, важно сохранять спокойствие и постараться как можно более ненавязчиво порасспрашивать его о том о сем, чтоб убедиться, имеют ли подозрения под собой почву. Очень глупой ошибкой будет показать собеседнику хоть толику тревоги и подозрительности.

И тут Сюро вдруг заявил как ни в чем не бывало:

— На самом деле мой отец выступал в роли великого вора. Не слишком известного, правда.

— Эм… — Мацуи замешкался с выбором слов. — «Великий вор» — это как Двадцатиликий[8]?

Он решил податься в таксисты благодаря прочитанной в детстве библиотечной книге «Такси цвета неба», а когда стал немного старше, безумно увлекся серией про юных детективов Эдогавы Рампо.

Мацуи еще раз взглянул на пассажира: выглядит совсем юношей, но на самом деле явно старше, сначала заявил, что играет детектива, потом назвался сыном великого вора… Говорит о дверях, которые не открываются, таскает в кармане восемнадцать ключей…

— А вы сами-то не Двадцатиликий, случаем?

*

«Двадцатиликий, значит», — едва сдержал улыбку Сюро.

Прежде, рассказывая другим о своей мании

---

[8] Примечания: 8

Двадцатиликий — герой известной в Японии серии книг для юношества «Клуб юных детективов» за авторством Эдогавы Рампо. В книгах он отражает типаж благородного разбойника. Гениальный вор-джентльмен и мастер перевоплощений, Двадцатиликий является основным антагонистом серии, которому противостоят детектив Акэти и ребята из «Клуба юных детективов».

переездов, Сюро бессовестно врал для красного словца: «У меня уже двадцать шесть ключей», или «Тридцать восемь набралось», или даже «Целых пятьдесят ключей! Не знаю уже, куда их девать». Но недавно он впервые достал их из коробки и пересчитал: ровно восемнадцать. Все простые, безликие, одинакового серебристого цвета. Но стоило взять любой в руки, как в памяти возрождался звук, с которым щелкал замок. Вспоминался цвет двери и даже вид комнаты, открывающийся из прихожей.

Несомненно, исключительная память сослужила большую роль в том, что Сюро стал хорошим детективом. Он не был настолько чудаком, чтоб всерьез разыгрывать из себя Двадцатиликого из детских книжек, но кое-что в этом определении соответствовало действительности. Восемнадцать квартир, в которых ему приходилось жить уже взрослым, плюс отчий дом, плюс нынешнее жилье — получается ровно двадцать мест жительства.

Выходит, его жизнь можно поделить на двадцать периодов. И как раз сегодня он вспоминал восемнадцать из них, целый день бродя по Токио.

Таков был замысел: сначала посетить квартиру

в Симокитадзаве — свое прошлое жилье, затем позапрошлое — дом под названием «Усадьба счастья», потом жилой дом «Полумесяц» в районе Асагаякита и таким образом последовательно двигаться назад во времени.

В действительности уже на шестой квартире обнаружилось, что того дома больше нет.

Восемнадцать ключей Сюро захватил с собой в качестве талисмана, но, конечно, не собирался вставлять их в замочные скважины и проверять, сработают ли они. Ему лишь хотелось внимательно проследить свой путь вечного кочевника. Важны были воспоминания о том, как он жил в той или иной квартире, а не физическое наличие места. А память у Сюро была, несомненно, великолепной. Но все равно ключ к несуществующему больше жилью ярко напомнил о невосполнимой утрате.

Живя в одиннадцатой квартире, Сюро раскрыл несколько дел, которые считались безнадежными, и сделал себе имя как детектив. Та квартира находилась в десяти минутах пешком на юг от станции «Университет Гакугэй» и существовала

до сих пор. Студия в шесть татами[9] с лофтом — самая левая на втором этаже. Теперь там жил кто-то другой. Само собой… Но держать в руках ключ от квартиры и осознавать, что теперь там живет незнакомец, было ужасно странно.

Еще раньше, когда Сюро жил в седьмой по счету квартире, он звался Тасиро Майти и подрабатывал фокусами. Это были лишь несложные застольные фокусы, которые он демонстрировал на торговых улочках или в барах. Фокусам обучался самостоятельно — это было его хобби с детства. Конечно, одними фокусами себя не прокормишь, так что параллельно Сюро работал на консервном заводе и выживал в основном на консервах с работы.

Воспоминания не самые радужные, но умение показывать фокусы очень пригодилось ему, когда он стал детективом. Сам Сюро был убежден, что именно опыт фокусника и сделал его детективом. Он подарил знания о том, как обмануть внимание, отвлечь публику оттого, что ей не положено видеть, и как подобрать трюк, подходящий под ситуацию.

---

[9] Примечания: 9

Площадь в японских домах до сих пор измеряется в татами — циновках, помещающихся на полу. Шесть татами — это примерно 11 квадратных метров.

А еще научил понимать, что каждый фокус — это лишь ловкость рук и даже за самыми невероятными и сложными из них скрываются ловко спрятанные от посторонних глаз уловки, ведущие к ответу. Простая истина «У любой загадки есть ответ» стала базой дедуктивного метода Сюро-детектива.

А вот когда он жил в третьей по счету квартирке в многоквартирном доме «Мидзогути» в Экоде, Сюро и не думал о том, чтобы стать фокусником и уж тем более детективом. Тогда он вообще не представлял, каким будет его будущее, и жил одним днем, меняя подработку пару раз в месяц. Квартиру снимал самую дешевую, без ванной, а мылся в сэнто[10] неподалеку… Теперь уже ни того дома, ни сэнто не стало. Но именно мужчины постарше, с которыми он познакомился в сэнто, помогли ему получить подработку, связанную с фокусами.

Никогда не знаешь, куда повернет жизнь.

— В общем, пока я путешествовал вот так в прошлое, время и пролетело… Не успел оглянуться — а уже совсем поздно.

---

[10] Примечания: 10

Сэнто — японский аналог общественных бань. Обычно там принимают душ, а затем отмокают в большой общей горячей ванне.

*

Такси цвета ночного неба рассекало Синдзюку.

Этот неспящий район не знает ночи, но даже его сияние со временем сужается в радиусе. Центр Синдзюку еще блистает ночными огнями, но чуть отойдешь в сторону — все уже погружено во тьму и густые тени с сумрачных улиц заползают в салон автомобиля.

Сосредоточившись на дороге, Мацуи задумался.

Мужчина на заднем сиденье заявил, что играет детектива в кино, а теперь рассказывает о себе так, словно сам работает частным детективом. Может, у него с головой не все в порядке? Но куда больше сомнительной истории о работе детективом Мацуи зацепили слова пассажира о путешествии по прошлому.

Ему ведь тоже есть что вспомнить. Он думал, что придет однажды время вернуться к этим воспоминаниям, но в итоге ночь за ночью мчался вперед, следуя указаниям пассажиров, и никогда не выбирал место назначения сам, пока не смирился с тем, что, вероятно, никогда не станет полноправным хозяином собственной жизни.

Он смотрел только вперед, словно боялся от-

вести взгляд.

— Знаете, а я ведь тоже…

Мацуи почувствовал себя так, как будто наконец ослабил туго затянутые на ногах шнурки.

«Рассказать ему, что ли», — неожиданно подумал он.

Да, несомненно. Он жаждет выговориться кому-нибудь.

Однако такси уже приехало в Синдзюку, и до места назначения — круглосуточного кинотеатра — осталась всего пара минут езды.

— Я тоже когда-то жил в квартире без ванной, — неуклюже сменил он тему. — Недавно один пассажир заказывал такси в тот район, и когда я проезжал там, то увидел, что ни квартиры, ни сэнто, куда я ходил, больше нет, — горько улыбнулся он.

*

По правде говоря, легкомысленная фраза Сюро «Мне любой фильм подойдет» скорее была манифестом самому себе. А заявление «Хочу поспать где-нибудь» и вовсе враньем.

Фильм начинался в час пятьдесят ночи, и именно он был главной целью сегодняшнего дня. Уже после того, как решение было принято,

Сюро придумал до сеанса объехать восемнадцать своих бывших квартир. Словно, забравшись так глубоко в прошлое, он смог бы достичь дома, где они жили с отцом… Дома, построенного отцом, который всю жизнь трудился актером на второстепенных ролях и снялся в более чем пятистах фильмах.

Именно этот дом скрывался за восемнадцатью ключами.

Дом — и тот единственный фильм, где отец Сюро снялся не во второстепенной, а в главной роли. «Великий вор Сильвер». Именно его показывали сегодня в ночном кинотеатре без всякой шумихи, скорее даже украдкой.

Объявление об особом показе попалось Сюро на глаза случайно: афиша гласила, что малоизвестный фильм покажут в кино глубокой ночью всего один раз, в качестве эксклюзива. Этот фильм не выпускали на носителе — диске или кассете, и Сюро лишь слышал о нем от отца, но ни разу не видел сам.

Он даже не знал, кого именно отец там играл.

Знал лишь одно: когда-то, еще до становления детективом… наверное, во время восьмой по счету квартиры он отыскал у букиниста старый журнал о кино, где была рецензия на «Великого

вора Сильвера». Сюжет фильма, кратко пересказанный в статье, разочаровал Сюро — хоть великий вор и находился в центре сюжета, но в конце мудрый детектив все равно перехитрил его и разбил в пух и прах все его планы.

«Ну, значит, мне надо стать детективом», — подумал тогда Сюро.

Не актером, играющим роли детективов, нет. Настоящим великим детективом, распутывающим даже самые сложные дела.

Продлись поездка чуть дольше, и Сюро, наверное, рассказал бы все это Мацуи. Но вместо этого он лишь глядел в окно — несмотря на поздний час, на улице было полно людей.

— Прибыли, — произнес Мацуи, разрушая его полудрему.

Когда Сюро вышел из такси, пошел нелюбимый им дождь, который собирался весь день. Он был до странного теплым и даже ласковым, но убеждение Сюро, что дождь непременно влечет за собой происшествия, подкреплялось опытом. И неважно, ласковый он или яростный. Сюро понятия не имел, почему так происходит, но все преступления, с которыми он имел дело за свою карьеру, случались в дождливые дни.

Возможно, дождь вносит смятение в души лю-

дей, и из-за этого они впадают в буйство.

Крохотный кинотеатр в стороне от станции Синдзюку открылся совсем недавно. Его скорее стоило назвать киноклубом. Сам его облик, навевающий воспоминания о кинотеатрах прошлого, и особые программы показа малоизвестных фильмов, которые никогда не блистали на большом экране, говорили об индивидуальных вкусах владельца, и это грело душу.

Если у кинотеатра и были минусы, то разве что отсутствие билетной кассы с продавцом, неотъемлемой части любого кинотеатра. Билеты тут полагалось покупать и распечатывать в аппарате, похожем на игровой автомат. Он позволял свободно выбирать места в зале, план которого отображался на экране.

Пусть Сюро и обрел некоторую известность как детектив, во многих бытовых делах он был ужасно робок и неловок, и покупка билетов или оплата счетов давалась ему неоправданно тяжело. Тем не менее сегодняшняя ночь, несомненно, была особенной. Это подтверждало то, что Сюро смог без всяких проблем и подсказок сотрудников забронировать билет.

Будь фильм известным — мест могло и не остаться. Но, хотя до начала сеанса и остава-

лось всего пять минут, на плане зала, в котором должен был состояться сеанс «Великого вора Сильвера», не было занято ни одного места.

Удивительно, что фильм вообще показывают. Удивительно, что сеанс пришелся на выходной Сюро. Удивительно, что он сможет посмотреть кинокартину, в которой снимался отец, в полном одиночестве… Всего удивительнее то, что он решил увидеть своими глазами работу отца, с которым всегда так яростно отказывался иметь дело… Возможно, все это тоже можно считать «происшествием».

*

— Сможете забрать меня, как сеанс закончится? — спросил Сюро у Мацуи, выходя из такси.

— Конечно, — легко согласился Мацуи.

— Где-то через три с половиной часа. Я вам позвоню.

— Хорошо. Вот, прошу, — Мацуи пошарил в кармане формы, достал визитку с номером телефона и вручил ее Сюро.

Если кто-то из постоянных клиентов вызовет его в отдаленную часть города, откуда быстро не вернуться, придется отказаться от обещания. Но почему-то клиентов сегодня было мало, так что

Мацуи решил, что, скорее всего, сможет подъехать в любое время.

Интересно, куда направится Сюро после просмотра фильма?

Вернется в свое нынешнее жилье — девятнадцатое по счету — или поедет в следующий кинотеатр, работающий по ночам? Многое зависит от дальности поездки, но, если она займет времени дольше пятнадцати минут, Мацуи расскажет то, о чем не успел поведать.

Наверное, слишком громко было бы назвать эту встречу судьбоносной… Но Мацуи хотелось докопаться до истины: человек по имени Сюро — актер, играющий детектива, или настоящий частный детектив? А если он и впрямь детектив, то вдруг можно выговориться ему и попросить помощи в поиске той женщины? До сих пор Мацуи продолжал работать, слепо надеясь на новую случайную встречу, и ему и в голову не приходила идея обратиться к частному детективу.

А впрочем, неважно — актер он, детектив… Так же как выговорился Сюро, Мацуи хотел выговориться ему.

Однако судьба — капризная девица.

Через четыре часа Сюро так и не позвонил, а через четыре с половиной Мацуи тряхнул головой

и решил забыть о нем.

Неожиданно пробудившиеся воспоминания о женщине, рассеянно глядящей в окно автомобиля, заставили его сердце дрогнуть и забиться быстрее… А значит, встреча все равно была не зря.

Не успел Мацуи овладеть собой, как его мобильник зазвонил.

— Да? — поднял он трубку.

— Алло, — послышался незнакомый женский голос. — Это Фуюки.

Казалось, он звучал откуда-то издалека, оттуда, где кончается граница ночи.

Комбо[11] с яйцом и ветчиной

Стрелка циферблата показывала час ночи.

Еще целых шесть с половиной часов. Все впереди.

Четыре женщины, бормоча под нос что-то о ценах на электричество, тихонько попивали пиво и сётю[12], стараясь не привлекать в себе внимания.

Пили они немного. У них еще оставался здравый смысл, и они осознавали, что выпивать на работе нехорошо, однако специально такие правила никогда между собой не обговаривали. В конце концов, и сам факт того, что женщины решили открыть общую столовую, был скорее результатом стечения обстоятельств, чем осознанным решением.

Все четверо были похожи телосложением, все с короткими стрижками. Все обладали доста-

---

[11] Примечания: 11

Речь про т. н. тэйсёку — стандартный комплекс блюд, который обычно включает рис, суп мисо, салат или свежие овощи (иногда также соленья) и что-то белковое: мясо, рыбу и морепродукты, яйца, тофу.

[12] Примечания: 12

Сётю — японский крепкий спиртной напиток (20–25 градусов крепости).

точно волевым характером, чтобы тяготиться праздным бездельем, но в то же время не желали участвовать в бесконечной гонке за успехом.

Идти по жизни спокойно и расслабленно и не стремиться к совершенству.

Должно быть, эта черта характера и стала определяющей. А может, все дело в буме франшиз. Так или иначе, четыре женщины примерно в одно время решили открыть свои заведения и стать вольными птицами.

Они не были давними подругами, не установили какой-то особой эмоциональной связи, и их заведения располагались далеко друг от друга.

Просто самая старшая из них, Киса, когда-то давно работала в одной идзакая[13] с младшей, Ёриэ. А самая способная из них, Фумина, училась с Аяно в одной старшей школе. А еще Фумине приходилось обедать в заведении Кисы, а Аяно и Ёриэ жили по соседству и порой пересекались на торговой улице в местном ресторанчике с китайской лапшой.

Так все они перезнакомились между собой, постепенно стали не только здороваться, но заводить разговоры и в конце концов узнали, что

---

[13] Примечания: 13
Идзакая — японский бар.

каждая из них владеет заведением и у всех дела идут скверно. Это сблизило их. Постепенно они также поняли, что открыли свое дело примерно в одно время под влиянием смутных слухов.

— Так, наверное, нам открыть что-нибудь совместное? — предложила кто-то из них. Кто — они уже и не могли вспомнить. Сошлись на том, что, скорее всего, это была старшая, Киса, но та приняла яростно отрицать: «Быть такого не может!»

Тогда, может, Фумина? — предположила Ёриэ, но хрупкая Фумина замахала руками: «Нет, точно нет». Остальные две тоже были уверены, что идея пришла в голову не им. В общем, все четыре утверждали: «Не я это предложила». Возможно, в том числе и эта уверенность стала опорой для связавших их уз.

И так, без особых конфликтов и дрязг, четыре женщины уже пятый год управляли общим заведением — столовой под названием «Перекресток».

*

Про себя Мацуи называл «Перекресток» своим «особым местом».

Это значило, что столовая — его личный маленький секрет, который он хранил для себя

и только для себя. Приезжал он сюда всегда по утрам. Клиентов у столовой было немного, и он переживал — если их станет больше, то не исчезнет ли его любимое комбо из меню? Поэтому никому не рассказывал об этом месте.

Он приходил сюда, чтобы развеяться и улучшить себе настроение — например, когда после четырех утра клиент отменял зарезервированный заказ, на который Мацуи рассчитывал. Вот совсем как сегодня.

Странный клиент ему попался. Рассказывал о себе как о детективе, да не простом частном детективе, а «великом». Можно ли воспринимать такое всерьез?

Впрочем, если он и впрямь детектив, у Мацуи было дело, которое можно было бы ему поручить. Он уже почти решился рассказать Сюро историю, которую держал в тайне от всех, и попросить его помочь найти человека… Но, когда время приблизилось к четырем, он сдался. Обещанного звонка не дождался и, даже проехавшись по окрестностям кинотеатра, у которого высадил мужчину, его не встретил.

Не то чтобы подобное было редкостью. Но на этот раз Мацуи предвкушал новую встречу, надеясь претворить в жизнь свой маленький

замысел, поэтому вышло обидно. Однако вообще отмена брони без предупредительного звонка иногда случалась.

«Что поделать… Поеду тогда в „Перекресток“», — решил Мацуи и переключил надпись на табло машины со «Свободно» на «В парк».

— Пора закругляться, — пробормотал он себе. Волна смутных чувств подступала к горлу. В таком состоянии можно потерять концентрацию и попасть в аварию.

— Ладно.

Мацуи коротко кивнул сам себе и направился к «Перекрестку», расположенному на пересечении дорог в районе Кататоки. Он отчаянно старался сосредоточиться лишь на вождении, но все равно то и дело перед глазами всплывало воспоминание о профиле той женщины.

Телефон зазвонил, когда он в очередной раз тряхнул головой, отгоняя лишние мысли.

*

Название «Перекресток» было связано с тем, что столовая стояла прямо возле перекрестка, на пересечении двух дорог. Но когда женщины только приобрели здание и принялись думать над именем, в воздухе повисла тишина.

— Мне как-то все равно, — сказала наконец одна из них. — Хоть просто «Столовая».

— Что толку в красивом названии? Главное ведь еда.

— Вот-вот, вкус еды куда важнее.

— Точно!

— Но все же заведение без имени — это неправильно.

— Так-то оно так…

— Нужно что-то простое и запоминающееся. Чтобы нас было легко найти.

— Ну, мы ведь прямо на перекрестке. Думаю, посетители будут ориентироваться на него.

— Тогда пусть будет «Перекресток».

На том и порешили.

К слову, когда каждая из них открывала свое заведение, они очень долго мучились с названием. «Я целый месяц терзалась», — вспомнила одна из них и невесело усмехнулась.

— И я.

— Было дело.

— Название казалось таким важным.

Опыт управления своим делом у женщин был горьким и навевал упаднические мысли. Во время подготовки к открытию, хлопоча на кухне, женщины частенько болтали о неудачах и разо-

чарованиях.

— Мне тогда стало вообще на все плевать.

— Ой, понимаю.

Впрочем, эти разговоры не перетекали в бурные обсуждения. Каждая из них сосредоточенно занималась своим делом с ножом или палочками для готовки в руках, и лишь время от времени, словно вспоминая о присутствии друг друга, они обменивались короткими диалогами:

— Даже на личное время…

— О да.

— Было такое…

— Ага. И на желание провести хорошие выходные тоже рукой махнула.

— А ведь хотелось развеяться.

— Казалось, если хорошенько поработать, то потом и отдых в радость будет.

— Звучало логично.

— Но не получается ведь.

— Вообще нет.

— Я тогда ни одни выходные приятно не провела.

— Я и в будни не ощущала, что хорошо поработала.

— А теперь?

Повисло короткое молчание.

— А теперь уже и не хочется ничего. На все рукой махнула.

— Точно. И я.

— Мечты, надежды…

— Говорят, для токийцев умение сдаться — благо.

— Что значит — благо?

— Ну, так им лучше.

— Кстати, мы же тут все из Токио родом?

— Ага.

— И я.

Все четверо закивали.

— Тогда все сходится.

— Что сходится?

— Я слышала, урожденные токийцы не способны преуспеть в чем-то на все сто. Довести что-то до ума…

Реплика оборвалась, незаконченная. В кухне повисла тишина — все сосредоточились на работе.

Ножи звонко стучали о доски, и даже звук кипящей воды в кастрюле казался громче на фоне воцарившегося молчания.

*

В трубке послышался мягкий женский голос.

— Это Фуюки, — произнесла неизвестная так, словно это имя должно было ему о чем-то сказать. Но Мацуи ничего не понял. — Канако Фуюки.

— Прошу прощения…

— Ой, извините. Помните, недавно, с мушмулой…

— А! — тут же вспомнил Мацуи. — Похитительница мушмулы!

— Ага.

Оба неловко засмеялись.

— Что-то случилось?

— Да. Я хотела вызвать вас, если вы сегодня работаете. Правда, я не понимаю толком, где нахожусь…

— Так, — Мацуи остановил машину у обочины. — А рядом нет электрического столба? На них часто пишут адрес.

Он открыл навигацию.

— Столба?

По сбившемуся дыханию женщины в трубке он понял, что она бродит вокруг в поисках таблички с адресом.

— О, вот! Эм…

Мацуи удивился тому, как ясно и красиво звучит голос женщины, когда она зачитывала адрес. А затем вспомнил: «Точно, она ведь говорила, что работает в кол-центре».

— …Вторая линия, дом номер шесть.

Ему даже не пришлось вбивать адрес в навигационную систему, чтобы понять — Фуюки не так уж и далеко от него.

— Значит, я могу ехать сразу к вам?

— Да. Была бы очень благодарна.

— Хорошо, ожидайте.

Спокойная уверенность в голосе Мацуи успокоила Фуюки. Сбросив звонок, она устало хихикнула.

— Ожидаю…

В то же время она осознала, что голодна. С губ сорвался вздох. Обычно она покупала бенто в комбини по пути с работы или перекусывала где-нибудь рядом с домом. Но сегодня все пошло не по плану, и привычное время трапезы давно прошло.

— Надо бы перекусить перед возвращением домой…

*

— Но есть ведь хоть что-то, на что мы еще не махнули рукой?

— У меня нет.

За стойкой обслуживания посетителей женщины так же, как и накануне, перекидывались короткими репликами, не отрываясь от работы.

— Должно же быть что-то!

— Например?

— Мужчины, допустим?

На часах перевалило за половину пятого. Обычно в это время клиентов особо не было. Столовая закрывалась в семь тридцать утра, и после половины шестого сюда заходили на завтрак местные старики, работники ночной смены, таксисты, гоняющие машины до утра, и другие ранние пташки. Но вот первые полтора часа работы, начиная с четырех, обычно были свободными. В это время женщины начинали второй этап подготовки к приходу гостей.

— Любовь опять же.

— Ой, уж на это я точно рукой махнула.

— И я.

— И больше не надо.

— Поматросят и бросят.

— Вот-вот.

— Это как пить дать.

— А мы слишком уж увлекающиеся.

— Еще бы. Потому и идеей собственного заведения увлеклись.

— Вот и хорошо, зато сами со всем управляемся без проблем.

— А ведь урожденные токийки…

— Ну, я вот не увлекающаяся.

— Это с мужчинами-то?

— Ага. Это они мной увлекались, а не наоборот.

— У меня так же. Так и липли, а в итоге никому с этого счастья не было. Уж слишком я своим делом увлечена.

— А у меня как было: либо свое заведение открывать, либо с мужчиной остаться. Ну, я и выбрала свое дело. Правда, все равно оно не выгорело. Может, стоило мужчину выбирать…

— Жалеешь?

— Да нет. Не сказала бы. Было бы о чем жалеть…

— Да, сожаления — это слишком оптимистично. Говоря о Сожалениях, обычно представляют, как гладко бы все обернулось при ином раскладе, но разве это не наивно? Куда чаще все идет не так,

как надо. Ну выбрал бы ты другой вариант, а там все тоже не заладилось бы. Тогда о чем жалеть?

— А ведь правда. Сожаления — они как надежды и мечты.

— Вот-вот. Лишь иллюзия счастья, которое могло бы быть.

— Аяно, а что насчет тебя? Что-то ты замолчала.

— Неужели жалеешь о чем-то?

— Да нет, но…

— Но?

Может, сожалений и не было, но вот что вспомнить было.

Заведение, которое Аяно держала когда-то в одиночку, находилось на северной окраине Токио, и обычно туда заходили работники расположенного поблизости завода на обед или ужин. Порой Аяно казалось, что они приходят больше из жалости, чтобы помочь ей протянуть подольше. Но однажды завод закрылся, люди перестали заглядывать, и дела стали совсем плохи. В то время единственным, кто продолжал приходить и поддерживать ее, стал мужчина по фамилии Тасиро. Хоть Аяно и полагалась на него, имени не спросила. Вечно растрепанный и небритый, весь год в одной и той же одежде и очки с треснутой

линзой.

«Денег у него явно не водилось…»

Заказывал он всегда комбо с яйцом и ветчиной, самое дешевое в забегаловке Аяно, но сбалансированное и сытное за счет наличия мяса, яиц и овощей.

— Я уже целиком состою из здешнего комбо с яйцом и ветчиной, — говаривал Тасиро.

У него была очень запоминающаяся, по-детски открытая улыбка. Он не рассказывал о себе, но всегда с удовольствием беседовал с Аяно, ласково посматривая на нее.

Было в нем что-то притягательное.

Возможно, он будил ее материнский инстинкт. Аяно казалось, что этот мужчина хорошо подошел бы на роль ее спутника жизни.

Как-то она обсуждала это с Харукой, своей подругой еще со школьных времен.

— Ну, так ведь оно и есть, — понимающе кивнула Харука. — Разве твое желание открыть столовую не проистекает из того же материнского инстинкта?

— То есть?

— Ну, ты всегда всем как мама…

— Серьезно? Я?

— Хотя сама этого, похоже, не замечаешь. Пони-

маешь, у меня вот совсем не так. Мне и для себя-то в тягость готовить. Не сравнить с тобой. Можешь кого угодно вкусно накормить. Восхитительно ведь! Прямо матушка всего квартала.

Аяно до сих пор иногда задумывалась, права ли была подруга.

Ответ она так и не нашла, но порой все же думала: «А если бы?»

«Если бы я тогда с ним…»

А может, что-то получилось бы, если бы она подольше держала то заведение? Но Тасиро перестал заходить за несколько месяцев до того, как она свернула дело. Не было никаких предпосылок, однажды он просто перестал появляться — должно быть, переехал, а может, нашел место, где кормят повкуснее.

При этих мыслях у Аяно что-то сжималось в груди.

«Как хрупки такие мгновения…»

Мужчина, о котором она порой думала, пусть даже не всерьез: «Возможно, с ним я могла бы провести жизнь», неожиданно исчез без следа. Долгое время она виделась с ним каждый день, а потом эта связь вдруг оборвалась.

«Вот что значит владеть заведением», — поняла тогда Аяно.

Люди непоследовательны и своенравны, а связи между ними бесконечно хрупки, поэтому не стоит возлагать надежды на что-то. Она крепко зарубила на носу: чтобы выжить в этом городе, нужно как можно раньше махнуть на все рукой.

«Но…»

— Мм? — Киса подняла голову при появлении первых посетителей. — О…

Остальные тоже заохали: «А? Хм… Ого!»

— Добро пожаловать, — бодро поздоровалась Киса с Мацуи и Канако.

Все четыре женщины невольно бросили взгляд на часы. Да, именно в это время обычно и заглядывал Мацуи. Но на этот раз он был не один, а в компании женщины — это уже что-то новенькое. Любопытно…

Женщины были заняты готовкой, поэтому украдкой следить за посетителями им было некогда, но слух всех четверых был обращен к столику, за который сели Мацуи и его спутница.

*

— Честно говоря, я впервые привожу сюда кого-то, — признался Мацуи.

— Правда? — Канако отпила чая ходзи, который принесла к столику Ёриэ.

— Да. Это место для меня особенное. Но вы…

— Можно на ты, правда. Просто Канако.

В этом была вся Канако. Она хорошо ладила с людьми и за какие-нибудь пять минут беседы умела перейти на неформальный дружеский тон, будто была знакома с человеком долгие годы. Этим она сразу располагала к себе людей, и те легко открывали ее сердце. Что это — навык, приобретенный за время работы в кол-центре, или врожденная черта характера? Наверное, все вместе.

Мацуи вспомнил, что она еще в самую первую встречу без малейших сомнений пригласила незнакомцев в свой дом и угостила их наливкой из мушмулы. Предложение Канако перейти на «ты» немного выбило у него почву из-под ног, но ему приходилось уже общаться с такими клиентами, и многолетний опыт подсказывал — лучше пойти человеку навстречу и не спорить.

— Ладно, — кивнул он. — Когда… ты позвонила, я как раз собирался поехать сюда.

— Надо же, как мне повезло! Я здорово проголодалась.

— Я тоже. Уже настроился закончить сегодня работу и отправиться перекусить.

— Ой, не вовремя я, да?

— Вовсе нет! Это ведь моя работа. Но когда искорка аппетита уже разгорелась… О, так, наверное, не говорят?

Четыре женщины за стойкой подавили смешок.

«Как это на него похоже», «Вечно он такой», «Как завернет порой для красивого словца», «Так увлечется, что сам начинает сомневаться, говорят ли так».

Мацуи только скользнул взглядом по меню и выбрал комбо «Б». Канако после недолгих метаний взяла то, что с яйцом и ветчиной, лучезарно улыбнувшись Ёриэ, которая пришла принять заказ.

Вернувшись к подругам за стойку, Ёриэ доложила:

— А она настоящая красавица. И пахнет чудесно.

— Неужели Мацуи влюбился?

— Наверняка!

— То-то он такой робкий сегодня, — увлеченно перешептывались женщины.

А Аяно вдруг ощутила что-то судьбоносное в заказе незнакомки — то же комбо с яйцом и ветчиной!

«Подумать только», — проговорила она себе

под нос и прислушалась к диалогу за столиком.

— Возвращаясь к тому разговору… — Мацуи понизил голос.

— А, ты про того детектива?

Канако вспомнила историю, которую Мацуи рассказал ей по пути.

Предыдущий клиент, который забронировал поездку, но так и не позвонил, похоже, был настоящим детективом.

— А ты такого не знаешь? Великий детектив Сюро? — спросил Мацуи.

Поначалу Канако лишь покачала головой:

— Впервые слышу…

Но когда Мацуи добавил, что про этого детектива написали книгу, которую экранизировали, она вдруг вспомнила:

— А, тот самый детектив Сюро!

На прошлой неделе в свой выходной она была в кинотеатре. Перед показом крутили рекламу, анонсы киноновинок, там и прозвучало: «Сериал про детектива Сюро выйдет на экраны этой весной!» Кадров из фильма в анонсе не было, только слоганы: «Детектив, распутавший немало загадочных дел», «Потрясающая воображение дедукция», «Увлекательные приключения» и, наконец, «Совсем скоро», и все это под напряжен-

ную бодрую музыку.

— В общем, как минимум, фильм действительно существует.

Канако снова отпила чая ходзи и выдохнула: «Вкусно…»

— Существует, значит.

Мацуи потер подбородок и, ощутив под пальцами щетину, осознал — уже совсем утро. Небо за стеклянной дверью столовой понемногу светлело и наливалось голубизной.

— Выходит, это и впрямь известный детектив!

— Какая интересная встреча тебе выпала.

Вслед за Мацуи Канако тоже посмотрела на небо за окном.

Между ними повисла тишина. Четыре женщины притихли, наблюдая. Как-то очень уютно и спокойно пара за столом созерцала улицу. Хозяйки тоже невольно обратили взгляд к окну. Стояло то самое время в конце ночи, когда Токио тих и безлюден.

— О… — Канако неожиданно прервала молчание, словно вспомнив о чем-то. — Это получается, раз он известный детектив, значит, берется даже за сложные дела, да?

Лицо ее просветлело — похоже, в голову ей пришла отличная идея.

— Вероятно, да, — Мацуи не понял, к чему это она. — Раз уж про него даже кино сняли…

— Точно-точно! И в рекламе фильма говорилось о том, какой он выдающийся!

— А что, ты бы хотела обратиться к нему за помощью?

— Да, то есть… Я бы попросила его найти кое-кого. Моего младшего брата.

Мацуи вспомнил: когда Канако угощала их наливкой из мушмулы, она рассказывала, что раньше напиток готовил ее брат, и показывала фото на кухонной полке. Парень на нем был очень похож на Канако, но по ее тону Мацуи решил, будто тот умер в юном возрасте.

— Он пропал без вести, — пояснила Канако.

— Вот оно что… — Мацуи замолчал и, подумав, нерешительно добавил: — Я тоже хотел обратиться к сыщику.

— И ты?

— Да. Есть человек, которого мне хотелось бы найти…

— Правда? Может, объединим усилия? Мне кажется, нас свела судьба. Водитель, который ищет кого-то, случайно встречает и подвозит детектива, а потом, разминувшись с ним, встречает меня — ту, кто тоже разыскивает близкого

человека. Не иначе как небеса намекают, что нам надо обратиться к этому детективу!

Канако умела искать знаки судьбы в мелочах, и она знала, что хороша в этом. Именно это умение помогло ей найти нынешнюю работу в кол-центре службы поддержки.

— Уверена, — горячо продолжила Канако, — если этот детектив такой известный, что про него даже кино снимают, клиентов у него тьма. Наверняка люди в очередь встают. Да и запрос на поиск человека для него, наверное, слишком простой и скучный. Может, обычно он за такое и не берется. Но ты ведь с ним так душевно поговорил. Он даже рассказал про своего отца и фильм, в котором тот снимался. Наверняка разоткровенничался потому, что ты ему приглянулся. А раз так — не сделает ли он для тебя исключение в своем плотном графике?

— Эм… но… — Мацуи приподнял руку, прерывая ее монолог, и покачал головой. — К сожалению, у меня не осталось его контактов. Я дал ему свою визитку, но в ответ ничего не получил.

— А он не рассказывал чего-нибудь, что может стать подсказкой, где его искать? Что угодно. Например, Сюро — его настоящее имя? Или, может, фамилия? Он не представился полным именем?

— Если подумать… — Мацуи вспомнил историю о том, как детектив менял квартиру за квартирой. — Он признался, что очень часто переезжал, а еще — что раньше подрабатывал фокусником.

Странно все поворачиваюсь. Они с Канако хотят просить детектива помочь найти людей, но в итоге обсуждают, как найти самого детектива.

— А, точно. Еще сказал, как его звали раньше. Тасиро Майти…

Оглушительный грохот разнесся по всему заведению. Мацуи, Канако и владелицы «Перекрестка» вздрогнули и дружно обернулись на звук.

Это была Аяно.

Белая тарелка, грохнувшаяся ей под ноги, разлетелась на мелкие осколки. Она бросилась собирать их, схватила самый крупный, и по стеклу потекла алая струйка.

Хамелеон и арахис

Наступил час ночи.

В хранилище мелкого реквизита Мицуки склонила голову перед кладовщиком Маздой.

— Я все, — тихо пробормотала она.

— Ну как, нашлось… фшп… что-нибудь подходящее?

Мазда говорил, периодически выпуская воздух сквозь щель между передними зубами с характерным шипящим звуком.

— Нет.

— Ясно… фшп… Очень жаль.

— Простите, что я снова в сверхурочное время.

— Ничего. Фшп… главное, чтобы фильм хороший вышел.

«Хороший фильм, значит… — задумалась Мицуки. — Действительно ли хороший реквизит — залог хорошего фильма?»

Она не раз задавалась этим вопросом.

— До скорой встречи.

— Ладно. Работа есть работа. Спокойной ночи.

Мицуки замотала головой. Рано отдыхать.

Покинув хранилище, она увидела, что над

дверьми студии «Д» горит красным табличка «Идет съемка». «Не я одна работаю в такой час», — напомнила себе Мицуки.

— Да уж, я тоже сегодня до утра, похоже, — скривился Мидзумима, когда Мицуки пришла к нему. — Как с реквизитом? Нашлось?

— Пока нет.

— Ох, вот как… Что же делать?.. Просили добыть до полудня.

— Что-нибудь придумаю.

— Думаешь, получится?

— Это же моя работа.

В такие моменты нужно обращаться к Мацуи… Мицуки достала телефон, молясь про себя: «Лишь бы все получилось».

*

— С таким, наверное, лучше к парню обратиться, а не к дядьке вроде меня?

Редко, когда Мацуи подкалывал Мицуки.

— Парню?

— Ну, вашему специалисту по воронам.

— А… — голос Мицуки зазвучал ниже.

Мацуи бросил на нее взгляд через зеркало, проверяя, какое выражение приняло ее лицо.

— Я все сомневался, стоит ли об этом загова-

ривать…

— О чем?

— Ваше кольцо…

— Ох… — приуныла Мицуки. — Оно так бросается в глаза?

— Не то чтобы…

Цвет светофора сменился на красный, и Мацуи мягко понизил скорость, останавливаясь перед перекрестком.

— На мой вкус, кольцо вовсе не броское. Простое, изящное — прекрасное украшение. Просто мне показалось, оно вас беспокоит.

— Я не могу его снять. Никак не получается.

— Понятно… — Мацуи задумался на мгновение над выбором слов и затем осторожно спросил: — А вы хотите его снять?

Светофор загорелся зеленым, и такси цвета ночного неба тихо тронулось с места, направляясь к трассе.

Киностудию окружал тихий спальный район, где не было ни магазинов, ни развлекательных заведений. По ночам местные дороги пустовали. Мацуи уже не раз забирал Мицуки отсюда и привык к окрестной тишине, но без городских огней ориентироваться все равно было сложно — кажется, без постоянного отслеживания системы

навигации вмиг заблудишься.

— Выходит, вы откладываете окончательное решение?

— А?

Неожиданный вопрос выбил Мицуки из колеи, но, если подумать, Мацуи прав.

— Скорее я надеялась, что принимать решение придется еще не скоро, и поэтому была не готова оказаться перед выбором.

— Да, так оно и бывает.

— М? А вы разве женаты?

— Речь ведь не обо мне. Но такое не только для брака характерно. Все мы надеемся, что принимать окончательное решение придется еще не скоро.

— Да… — кивнула Мицуки. — Так и есть.

Она отвела взгляд от лица Мацуи в зеркале заднего вида и отвернулась к темноте, плывущей за окном.

— Но… — собравшись с мыслями, она вновь посмотрела на водителя. — Но дело не только в моем решении. Оно буквально не снимается. Я физически не могу его снять.

— Оу, — озадаченно протянул Мацуи. — Ясно… Как это на вас похоже. Поразительное упорство, — посмеиваясь, добавил он.

— Ужасно бесит. Я не про помолвку. Меня просто всегда раздражает, когда что-то не получается. Будь то головоломка, или пазл, или еще что-нибудь такое… — Мицуки погладила кольцо на пальце. — Ну глупо же — никак не могу обычное кольцо снять!

— Наверняка это судьба сделала свой ход, — уверенно провозгласил Мацуи.

— Думаете? — протянула Мицуки. — Кстати, а у вас с этим как дела? Жена, девушка? Простите, что спрашиваю о личном…

Она наклонилась вперед и посмотрела, есть ли кольцо на пальцах Мацуи, покоящихся на руле. Но он, как всегда, был в белых перчатках.

— Давайте не будем обо мне, — помотал он головой. Собственные слова о ходе судьбы неожиданно зацепили его. И тут еще одна мысль пришла ему в голову. — Мицуки, а слова «детектив Сюро» вам говорят о чем-нибудь?

— Ой, а откуда вы знаете про него?

— Откуда знаю?

— Я в последнее время работаю с реквизитом к фильму про детектива Сюро. Но разве я вам рассказывала?

— Ну…

Вот уж точно, судьба. Водитель такси, разъезжа-

ющий по городу в ночи, неожиданно знакомится то ли с актером, играющим роль детектива, то ли с самим детективом, а через несколько дней уже беседует с женщиной, которая занимается съемочным реквизитом для фильма про него.

Подумать только, какое совпадение!

Но, с другой стороны, внутренний голос нашептывал: «Все идет как надо».

Он не раз обсуждал это с коллегами. Токио — на редкость тесный город.

Множество невидимых нитей связывают людей, и эти нити переплетаются между собой в сложную систему причин и следствий. Работая в этом городе, быстро понимаешь, как поразительно высока здесь вероятность случайных неслучайных встреч.

— Быть такого не может, — как-то спорил с Мацуи старый друг. — Токио — самый большой мегаполис Японии, людей в нем безумно много. Значит, и вероятность совпадений минимальна. Логично же?

Конечно, с точки зрения логики все так, и Мацуи это понимал.

Но, с другой стороны, если учитывать, что все люди связаны друг с другом, становится понятно: чем их больше на одной территории, тем больше

взаимных связей расходится вокруг каждого, образуя что-то вроде цепной реакции.

— Нет уж, даже так, подобные случайности слишком редки. Мы же не в деревне, — скривился друг. — Я много по Токио брожу и почти никогда не пересекался со знакомыми.

Но это не так. Люди просто не замечают такие встречи.

Мацуи это точно знал.

Городские пересекаются друг с другом в разных местах куда чаще, чем им самим кажется.

Например, можно всего на один квартал разминуться со знакомым или родственником в центре и даже не узнать об этом.

Да даже на одной улице можно пройти мимо знакомого и не заметить его на оживленном тротуаре! Все потому, что людей вокруг слишком много. А вот в местах, отрезанных от толпы, — например, в салоне такси — вероятность заметить такое случайное пересечение значительно возрастает.

Так, Мацуи не раз приходилось подбирать по пути одних и тех же людей. И речь не о забронированных поездках. Незнакомец ловит его у дороги, пока Мацуи катается по городу, а через неделю совершенно в другом месте кто-то оста-

навливает его, смотришь — а это тот же самый человек! Причем ошибки быть не может: совпадали не только лицо и голос, но и дом, у которого он высаживал пассажира.

Таксисты часто делились друг с другом такими историями. Интереснее всего то, что клиенты обычно не замечали эти удивительные совпадения. Разве что у таксиста были какие-нибудь особенно приметные имя или внешность. Но в основном люди и не догадывались, что второй раз оказались в одном и том же такси. Потому-то глубоко в сердце Мацуи и верил, что однажды вновь встретит на улицах города ее…

— Так… — раздался голос Мицуки. — Что насчет Сюро?

— А, ну… — Мацуи мотнул головой, отгоняя лишние мысли. — Мы тут с одним пассажиром разговорились о кино.

— Вот как. Популярная франшиза?

— Вы и сегодня ищете реквизит для этого фильма?

— Нет. Сегодня для другого. Я везде пытаюсь поспеть.

Мицуки погладила кольцо на безымянном пальце и с силой дернула, пытаясь стащить, — причем, похоже, бессознательно.

— И для какого?
— Как бы объяснить… Он про девочек.
— Как называется?
— «Одиннадцать Марий». В нем…

*

— Как дела с фильмом? Хорошо все продвигается? — неожиданно спросила Аяно.

Харука положила в кофе ложечку сахара, не спеша перемешала и, поморщившись, ответила:

— Как сказать… Я и так в ужасном напряжении, а тут еще и команда закадровой съемки не дает продохнуть.

— Закадровой съемки?

— Они снимают документалку о репетициях и процессе работы. Эти кадры потом используют для дополнительных материалов при выпуске на диске, для промо и все такое.

— Ух ты, здорово. А ведь ты еще даже не дебютировала.

— Наверное, в этом и ценность кадров. Они сохранят, какие мы были до дебюта.

— Вот оно что.

— Причем одновременно снимают небольшую документалку для показа перед премьерой и расширенную версию, которая сосредоточена на

участниках съемок.

— Ну и ну. Голова кругом, сколько всего сразу.

— Скажи?

— Но знаешь… Такое ощущение, что ты теперь так далеко… Словно в другом мире.

— Ой, да брось.

Они встретились в старой кофейне в центре, где любили сидеть еще в школьные годы, и, обменявшись приветствиями, почти одновременно сказали друг другу: «Что-то ты выглядишь уставшей».

— Так что случилось? — прямо поинтересовалась Харука.

— То есть? — переспросила Аяно, стараясь выглядеть спокойной, хотя внутри все перевернулось.

— Да ладно тебе, не юли. Ты ведь потому и позвала меня встретиться, что у тебя что-то стряслось. Иначе не стала бы просить, лучше всех ведь знаешь, как я сейчас занята.

— Прости.

— Не пытайся скрыть. У тебя все на лице написано. Сразу видно — что-то случилось.

Аяно рефлекторно дотронулась до собственной щеки.

— Расскажи мне. Я выслушаю. Я ведь из один-

надцати актрис самая старшая, поэтому уже привыкла играть роль всеобщей старшей сестренки.

Харука и впрямь казалась теперь более взрослой и умудренной опытом, чем прежде.

— Ладно, ладно…

Аяно коротко вдохнула и выдохнула.

— Я с тобой уже не раз на эту тему беседовала. Помнишь Тасиро?

— М? — Харука широко распахнула глаза, которые у нее и без того были большие. — Ты до сих пор о нем вспоминаешь? Забудь уже, он того не стоит. Помнится, он вроде бы фокусами на жизнь зарабатывал, да? Я еще тогда думала — наверняка мошенник какой-нибудь.

— Понимаю, понимаю, — невольно кивнула Аяно, проигрывая напору Харуки.

— Он знаешь, как этот… Как они называются? Ящерицы, которые меняют цвет, маскируясь под окружение.

— Хамелеон?

— Вот-вот! Не за что уцепиться. Не знаю, стоит ли говорить… Помнишь, я как-то обедала у тебя и Тасиро как раз тоже там был?

— Не «как раз». Ты тогда специально пришла на него посмотреть. Сказала: «Хочу глянуть, что

он за человек».

— Правда? Я такое говорила? Так вот, тогда я не стала высказываться, но он мне показался скользким типом. Из тех, с кем нужно держать ухо востро. Но ты рассказывай. Что у тебя с ним?

— Ага… Теперь уже как-то неловко стало продолжать…

— Прости-прости. Забудь пока о том, что я наговорила.

— Ладно. В общем, есть у нас один постоянный клиент — таксист Мацуи… — Аяно оглядела кафе. — И он обмолвился, что как-то подвез Тасиро.

— Правда? А как ты поняла, что речь про того самого Тасиро?

— Я не уверена, но тот пассажир рассказал Мацуи, что раньше показывал фокусы под псевдонимом Тасиро Майти…

— О, точно, ты это имя называла. Хотя я и не поверила, что он и впрямь фокусами зарабатывает.

— Но главное не это. Недавно в кино показывали детективный фильм, так вот, этот пассажир, по словам Мацуи, похвастался, что он то ли играет в нем главную роль, то ли и есть тот самый детектив, о котором кино сняли.

— Быть не может.

— Но я, как услышала эту историю, уже не смог-

ла усидеть на месте. И пошла в «Маруя».

— Это что?

— Салон видеопроката на торговой улочке. Мне туда идти минут десять, но я поехала на машине — даже эти десять минут показались слишком долгими. Летела на всех парусах, заскочила в салон и ни минуты времени терять не захотела, так что сразу же спросила у сотрудника, есть ли у них «Детектив Сюро».

— «Детектив Сюро»?!

— О, ты знаешь такой фильм?

— Конечно, знаю! Он снимался в той же студии, что и наш.

— Вот оно как.

— Вдобавок он довольно популярный. Сейчас уже продолжение делают.

Аяно вновь осознала, как далека стала Харука.

— Да уж, ты всегда последней новости узнаешь… Ты же понимаешь, что это крупнейшая в Японии киностудия?

На Аяно накатило уныние.

«И чем я вообще занимаюсь…»

И Тасиро, и Харука теперь связаны с такой крупной компанией, еще и в кино снимаются… Хотя погодите. Тасиро как раз не снимается. Он — тот самый детектив Сюро, что стал прототипом

киногероя.

— Так вот, этот детектив Сюро ужасно похож на Тасиро! — возбужденно выпалила Аяно.

— Погоди, давай успокоимся, — Харука заглянула ей в глаза. — Это ведь всего лишь кино. Даже если они похожи, это не значит, что твой Тасиро — тот самый детектив.

— Но я думаю, так и есть. Мацуи говорил, что не понял, детектив его пассажир или актер, но я разобралась. Пусть актер, играющий Сюро, очень похож на него, но это не сам Тасиро. Значит, он и впрямь стал частным детективом. Причем известным, раз про него даже фильмы снимают.

*

— А? Как-как, еще раз? — переспросил Мацуи.

Облизав пересохшие губы, Мицуки повторила.

— Щипцы для колки арахиса, — отчеканила она.

— Именно арахиса? Не грецких орехов?

— Ага. Странно ведь? Вдобавок попросили, чтобы они выглядели старыми. Сказали, это очень важно.

— О, — тут Мацуи осенило. Он вспомнил, как когда-то подвозил клиента в район Симокитадзава и на обратном пути свернул в темный переулок,

где светилась вывеска всего одного заведения. Он сбавил скорость, присмотрелся и понял, что это комиссионный магазин. Мацуи тогда очень удивился и взглянул на часы — не верилось, что он работает в такой час. Было три ночи.

— Отвезете меня туда?

— Конечно. Надеюсь, получится его отыскать.

Лунный свет мягко освещал такси цвета ночного неба, словно оберегая от тревог.

*

— Хм, ясненько, — пробормотал Ибараки себе под нос, увлеченно разглядывая луну в небе. В правой руке он держал узкий и длинный серебристый цилиндр, а левой крутил кольцо регулировки. За стеклами трубки виднелось две луны.

— Отличная вещь.

Ибараки уже и забыл, где нашел эту подзорную трубу. Поначалу он понятия не имел, как это называется и для чего используется, но едва увидел ее, сразу понял, что этому предмету найдется место в его магазине.

Придумывать вычурное название магазину ему было неохота, так что в итоге он просто написал на вывеске краской свою фамилию: «Ибараки».

По его задумке, это должен был быть обычный комиссионный магазинчик, но заведения всегда несут на себе отпечаток личности владельца. Поэтому, откровенно говоря, «Ибараки» было странным местом.

Так как режим дня Ибараки был перевернут с ног на голову, он открывал магазин в девять вечера, а где-то в районе четырех утра, когда близился рассвет, позевывая, запирал дверь заведения.

Ибараки был соней.

Он плохо переносил яркое полуденное солнце и вечно стремился спрятаться от него куда-нибудь, где темно и тихо, а там сразу задремывал. С детства так было. Ибараки даже придумал название для своего состояния: синдром колыбельной. Придумывание названий было постоянной переменной его работы.

— Усилитель лунного света… — с ходу решил он, глядя в подзорную трубу на луну. Так предмет получил имя. Оставалось лишь написать его на бирке и придумать случайную цену.

Большинство людей вынесло бы вердикт: «Это неисправная подзорная труба», и дело с концом, но Ибараки очень любил сломанные вещи.

Предметы, созданные людьми, перерождаются в нечто новое, когда ломаются. Такова была фи-

лософия Ибараки. Люди делают вещи для того, чтобы те служили определенной цели. А ломаясь, они наконец освобождаются от назначенной людьми миссии и обретают свободу.

Он был убежден в этом и верил, что его настоящая работа — это придумывание истинных имен для таких вот обретших свободу вещей. Иными словами, большинство вещей, стоящих на полках в его магазине, были сломанными или испорченными.

«Ручка с прозрачными чернилами», «половинчатая шляпа», «тепловой пулемет», «сосуд для тихих вод»… Товары в магазине Ибараки сплошь носили причудливые имена, и покупатели не сразу понимали, что перед ними сломанные вещи. Впрочем, учитывая время работы заведения, клиентов у него становилось все меньше и меньше с каждой ночью.

Тем не менее Ибараки наслаждался своей миссией даровать предметам имена. Он вернулся в магазин за рабочий стол и открыл недочитанную книгу, убежденный, что в этот час уже никто не нагрянет. Остается читать, пока не станет совсем сонно…

Не успел он подумать об этом, как услышал звук открываемой двери. Подняв голову, Ибараки

обнаружил двух незнакомцев на пороге.

Мужчина и женщина. Вряд ли пара. По разнице в возрасте они могли быть отцом и дочерью, но и это сомнительно. Хм.

Из-за полутьмы, царившей в магазине, Ибараки не сразу заметил, что на мужчине форма таксиста. Это привело его в еще большее замешательство.

Не ему говорить о чудаках, но, наверное, и такие чудаковатые сервисы тоже есть? Может, какая-нибудь служба такси на грани разорения устраивает ночные туры по Токио для туристов? Ездят по ночным паркам и стадионам, показывают заведения, работающие по ночам, и рассказывают о другом лице города, неизвестном большинству.

Ибараки в жизни не подумал бы, что его заведение может попасть в число тех, что показывают туристам. Но только это и приходило на ум при виде таксиста с добрым лицом и еще молодой, но уже как будто уставшей от жизни женщины.

Придумав историю, Ибараки коротко кивнул сам себе. А Мацуи и Мицуки, не подозревающие, что их приняли за экскурсовода и туристку, уже с любопытством разглядывали бирки на предметах вокруг.

— Здравствуйте… — окликнула Мицуки Ибараки.

— Да, — откликнулся Ибараки. Он удивился тому, как звонко и ясно звучит голос Мицуки. Поначалу она показалась ему уставшей от жизни, но, похоже, это не так — скорее, посетительница просто устала на работе сегодня.

— Я ищу кое-что…

— Эм… — осторожно начал Ибараки. — Не хочется разочаровывать, но должен предупредить…

Он всегда говорил это клиентам, которые пришли найти что-то конкретное.

— Этот магазин вряд ли полезен при поиске чего-то определенного, он больше про поиск как процесс сам по себе… Простите, невнятно вышло, да?

— Нет-нет, я поняла, — жизнерадостно закивала Мицуки. — Я с удовольствием задержалась бы у вас подольше, если бы приехала не по работе.

— По работе?

— Да. Я собираю реквизит для фильмов.

В какой-то момент Мицуки стало казаться, что она уснула на заднем сиденье машины Мацуи и теперь продолжает работать во сне. Как еще объяснить этот чудной магазин, работающий

по ночам?

— И что же вы ищете? — К Ибараки редко приходили с такими запросами. — Может, я смогу помочь.

— В общем… Знаете, есть такие орехи — арахис?

— Разумеется.

— Так вот, они изначально растут в скорлупе.

— Да-да, точно.

— И мне нужен инструмент, чтобы счищать эту кожуру… Ну, скорее, наверное, раскалывать?

— А, вы имеете в виду орехокол, — тут же понял Ибараки.

— У вас есть такой?

— Разумеется. Есть побольше, поменьше, средний… Какой вам нужен?

Летучая мышь на балконе

На циферблате стрелка указала на час.

Стоит оставить их без внимания, и они начинают опаздывать на пять минут. Давно пора сменить старенькие наручные часы на что-то поновее, но почему-то у Мориидзуми не хватало духу это сделать. На то не было особой причины. Будь у нее какой-нибудь конкретный, внятный резон отказываться от покупки — она давно проанализировала бы этот странный каприз, разложила в голове все по палочкам и преодолела препятствие. Но то, что не понимаешь, и не проанализируешь.

Мориидзуми внимательно посмотрела на карту — проверила, не ошиблась ли адресом, и ровно в час ночи нажала на кнопку звонка.

В такой поздний час ни в коем случае нельзя ошибиться с адресом.

Странное дело — в последнее время больше половины клиентов, чтобы сдать телефон в утиль, назначили ночь, стоило им узнать, что компания работает двадцать четыре часа в сутки.

Более того — в основном такими ночными за-

казчиками были женщины.

Немного настороженная, Мориидзуми замерла перед дверью. За ней послышалось шебуршение. Затем звонко щелкнул замок. Она еще помнила недавний телефонный разговор — в ответ на ее «Я скоро к вам заеду» раздался жизнерадостный голос заказчицы по фамилии Фукада.

Сейчас тот же самый голос послышался из-за двери: «О, вы и правда пришли». Дверь приоткрылась сантиметров на десять, и хозяйка квартиры выглянула из полутьмы, присматриваясь к лицу Мориидзуми. Затем щель увеличилась сантиметров до тридцати, а потом дверь наконец открылась совсем. «Прошу», — Мориидзуми пригласили войти.

Она переступила через расставленные в ряд ботинки и туфли на каблуках. Сразу понятно: эта клиентка — прямолинейная, прилежная аккуратистка и исключительная чистюля. Немалый опыт работы Мориидзуми в своей сфере позволял быстро делать такие выводы.

Вообще люди, которые обращались в компанию по утилизации телефонных аппаратов, более-менее делились на две большие группы.

Первые — это те, кто сторонился телефонов и в принципе телефонной связи. Они питали

к телефонам чувства, близкие к ненависти, и относились к аппаратам как ко злу, от которого нужно избавиться поскорее: «Плевать, что вы с ним сделаете, только унесите с глаз долой».

Вторая группа состояла из тех, кто был сильно привязан к своему телефону, по разным причинам. Например, телефон был для них единственной ниточкой связи с близкими или компьютеры и смартфоны не стали привычны, и решать все вопросы по телефону казалось проще. Такие люди относились к своим телефонам почти как к живым существам и горячо любили их.

По первому впечатлению Эми Фукада относилась скорее ко второй группе. Похоже, ее связывали с телефоном какие-то воспоминания, поэтому ока не смогла избавиться от аппарата сама и после долгих сомнений решила обратиться к компании по утилизации, где работала Мориидзуми.

— Вот этот.

То, как бережно женщина держала стационарный телефон обеими руками, сообщило Мориидзуми все, что ей нужно было знать. В таких случаях стоило внимательнее следить за своими словами и действиями. Если слишком грубо выдернуть телефонный провод из стены —

такой клиент может поднять крик и решительно передумает избавляться от аппарата. Подобное действительно случалось.

Мориидзуми натянула белые перчатки, бережно, словно драгоценность, приняла телефон из рук Эми и убрала его в тканевый мешок.

— Я позабочусь о нем, — слова тоже стоило выбирать аккуратно.

Мориидзуми быстро вошла в роль сотрудника похоронного бюро, которую часто выполняла, помогая родителям в семейном бизнесе.

Эми Фукада засмотрелась на ловкие движения Мориидзуми, а затем, словно спохватившись, остановила ее:

— Подождите еще немного… А не хотите чаю?

Обычно Мориидзуми вежливо отказывалась, но в голосе Эми на фразе «еще немного» прозвучала такая мольба, что она сжалилась.

— Спасибо, не откажусь, — решила она сделать исключение.

Сыграло свою роль и любопытство. Что имела в виду Эми? «Подождите еще немного, хочу побыть рядом со своим телефоном»? Или эти слова были обращены к Мориидзуми: «Еще немного побудьте тут»?

Студия Эми была маленькой, но совсем не

захламленной. По центру — котацу[14], единственный стол в комнате. Кроме него и кухонного уголка, здесь были стенной и платяной шкафы и полка для книг. Больше ничего.

— Вы решили отказаться от пользования стационарным телефоном? — задала Мориидзуми стандартный вопрос.

— Да, теперь достаточно и мобильного.

Ответ тоже был вполне стандартным. Работы у Мориидзуми хватало — поток людей, желающих избавиться от стационарных телефонов, не иссякал. А среди тех, кто медлил с этим, большинство переживало за старый телефонный номер.

Представим, что клиентка когда-то поддерживала с кем-то связь по стационарному телефону. Разумеется, тот человек знал лишь этот номер. Сейчас связь уже прервалась, но всегда остается маленькая вероятность, что давнишний собеседник вновь позвонит. Часто люди не могли заставить себя отказаться от стационарного телефона из-за таких мыслей. Они чувствовали, что, выбросив телефон, своими руками оборвут тонкую ниточку, связывающую их с кем-то из прошлого.

---

[14] Примечания: 14

Котацу — низкий, укрытый теплым одеялом столик с подогревом, за которым обычно сидят на полу на подушках.

Мориидзуми предположила, что Эми как раз из числа таких нерешительных клиентов. Но, конечно, выспрашивать не стала. Предположений ей вполне хватало, а если женщина примется рассказывать трагичную историю, Мориидзуми, неловкой в личном общении, не хватит чуткости, чтобы найти подходящие слова утешения.

Из этих соображений Мориидзуми старалась не заводить с клиентами задушевных разговоров, но те часто и без спросу вдруг принимались изливать душу. Вероятность откровений становилась особенно велика после предложения чая.

«Делать нечего», — внутренне приготовилась Мориидзуми. Ее не слишком волновало, о чем пойдет речь. На языке уже крутилось казенное и максимально нейтральное выражение: «Какая непростая ситуация». Оно годилось для поддакивания почти всегда.

Но Эми, вручив Мориидзуми чашку чая, неожиданно выдала:

— А у меня летучая мышь на балконе…

— Что-что? — невольно переспросила Мориидзуми. — Летучая мышь?..

— Да.

Женщина перевела взгляд на занавеску в глубине комнаты и добавила: «Вон там». Видимо, за

занавеской находилась балконная дверь.

Какое-то время Мориидзуми молча сверлила взглядом занавеску, не зная, что сказать, но постепенно тишина начала давить на нее.

— Какая непростая ситуация, — наконец выжала она из себя заранее заготовленную фразу.

— Она и прямо сейчас там, — Эми Фукада вытянула шею, глядя в сторону занавески так, словно видела летучую мышь сквозь просвечивающую ткань.

Из-за этого и Мориидзуми начало казаться, что она ее видит.

Летучая мышка, дремлющая вниз головой на карнизе балкона. А может, она лишь притворялась спящей, а на самом деле наблюдала за женщинами? Будь у Эми роскошный большой балкон, как в европейских особняках, летучая мышь могла оказаться злобным вампиром, который набросился бы на полнокровную юную деву, поняв, что его раскрыли.

Однако, когда Эми произнесла «летучая мышь», ее голос звучал тепло и мягко. Словно она ждала, когда та наконец появится. Образ загадочного вампира в фантазиях Мориидзуми трансформировался в изящного благовоспитанного юношу в черном.

Юноша молча стоял на балконе. Он надеялся вернуться к старому приятельству с обитательницей комнаты, но никак не мог решиться предложить это.

А женщина была бы вовсе не против и потому так долго отказывалась выбросить телефонный аппарат. В глубине души она надеялась — однажды старый знакомец вернется к ней.

И вот он пришел.

Перепрыгивая с одного телефонного столба на другой, он упорно следовал к цели, за телефонным проводом — единственной ниточкой, что связывала пару. Пока не достиг этого балкона.

Но было уже поздно.

Женщина устала ждать и решилась оборвать эту нить, откликнувшись на приглашение рекламной листовки из почтового ящика, гласящей: «Поможем вам утилизировать стационарный телефон».

Мужчина замер в нерешительности, не зная, куда податься… И превратился в летучую мышь.

Он почти достиг цели, остался всего один шаг — с балкона в комнату… Но между ним и обитательницей студии уже повисла непреодолимая преграда. Она отказалась от телефонной линии, и больше ее с этим мужчиной ничего не связы-

вает…

Мориидзуми замотала головой, усмиряя разбушевавшуюся фантазию.

— Вы уверены в своем решении? — наконец спросила она Эми.

— Да, — кивнула та. — Пора бы уже.

В комнате опять повисла тишина. «Ну, тогда…» — начала было подниматься с места Мориидзуми, но Эми продолжила:

— Знаете, а я в универмаге работаю.

— Да? Продавцом?

— Нет. Я лифтерша.

— Вот как, — только и смогла ответить Мориидзуми, хотя на языке вертелось скорее: «И что с того?»

— Но подумываю уволиться.

— Правда?

— У лифтерш рано или поздно наступает время, когда пора уходить.

— Вот как. — И вновь сказать нечего.

«Действительно, лифтершами обычно совсем молодые девушки работают. Постарше уже не увидишь…»

— И дело в общем-то не в возрасте.

— Да? — едва не цыкнула языком Мориидзуми.

— Шляпка скоро станет не к лицу.

— Шляпка?..

— Для лифтерши фирменная шляпка — это все. Даже если макияж плохо лежит или улыбка натянутая, фирменная шляпка создает идеальный образ. Когда на мне шляпки нет, никто и не поймет никогда, что я лифтерша.

— Значит, шляпка…

— И он… — Эми вновь украдкой бросила взгляд на балкон. — Он тоже хвалил мою шляпку.

— Ваш друг?

— Да. Мы созванивались иногда.

«Так и знала», — осознание своей правоты так согрело Мориидзуми, что она едва не расплылась в улыбке, но сдержалась. В дни работы в похоронном бюро с ней тоже такое случалось, но, разумеется, улыбаться в таких ситуациях категорически нельзя.

— Он был пожилым человеком…

«Вот оно что».

— И уже скончался.

«Ах, ясно».

— Но и все равно иногда мне звонит.

«Что?..»

По спине Мориидзуми пробежали мурашки. «В подобные моменты и говорят: пробрало до костей», — подумала она.

— Какая непростая ситуация, — кое-как вспомнила она свою фразу-выручалочку. Больше в голову ничего не лезло. Мориидзуми решила, что надо аккуратно свернуть диалог и побыстрее ретироваться.

— Ну, мне уже пора, — она поднялась с места с телефоном в руках. — У меня сегодня еще есть заказы.

Стараясь не смотреть ни на занавеску, ни на лицо клиентки, она несколько поспешно направилась в прихожую. Сунула ноги в туфли, схватилась за дверную ручку и тут неожиданно ощутила присутствие за спиной.

— Вот оплата.

Обернувшись, Мориидзуми столкнулась с женщиной почти лицом к лицу. Она стояла совсем близко с мертвенно-голубым конвертом в руках.

— Спасибо большое. До свидания.

Откровенно говоря, Мориидзуми хотелось схватить конверт и стремглав выскочить на улицу, но она сумела нацепить на лицо вежливую улыбку и выйти спокойно.

«Главное — не оборачиваться. Спокойно дойти до машины. К счастью… К счастью ли?.. В машине есть моя форма похоронного агента. Там в кармашке найдется очищающая соль. Разбросаю ее

вокруг и забуду о случившемся, как о страшном сне».

Мешок с телефоном показался Мориидзуми особенно холодным и тяжелым.

Перед тем как завести машину, Мацуи на всякий случай еще раз уточнил у Мицуки:

— Вам точно это подойдет?

— Вот уж не знаю… — как он и думал, девушка пребывала в сомнениях. — Я ведь понятия не имею, что именно представлял режиссер, выдавая этот запрос. Возможно, он и сам плохо понимал. Не факт, что орехокол для арахиса вообще существует в природе.

— Ага. Этот инструмент выглядит обычными пассатижами, как ни посмотри.

— Точно, — честно согласилась Мицуки. — Мне тоже так кажется. Нет, это точно пассатижи. Но продавец был так уверен…

— Да, он несколько раз повторил, что самолично именовал их орехоколом для арахиса.

— Вот-вот, именно! Да так убежденно, что я не сумела возразить.

— «Поэтому, может, и в миру их так называют», — процитировал Мацуи.

— Ага, — кивнула Мицуки так же, как только что в ответ на тираду продавца. — И даже если

их не зовут так больше нигде, если кто-то нарек их орехоколом для арахиса, значит, теперь это орехокол и есть.

— Сложно оспорить, — согласился Мацуи. — Да и мы ведь не в курсе, как они должны выглядеть. Кто же знает, настоящие они или нет.

Только когда он произнес это вслух, его осенило: «Точно!»

Раз никто не знает, как выглядит орехокол для арахиса, значит, никто не сможет утверждать, что эти пассатижи на самом деле не орехокол. Хотя вдруг Мацуи один такой несведущий, а прочие люди прекрасно знают, как этот инструмент должен выглядеть? Вполне возможно… Всегда есть тот, кто знает лучше. Вот Мицуки хоть и не знакома с инструментом для колки орехов, зато наверняка в курсе, как выглядит загадочный «детектив Сюро».

— Кстати… — неловко начал Мацуи. — Простите, что так неожиданно меняю тему… Но как выглядит этот самый детектив Сюро?

— Как выглядит? — на мгновение Мицуки растерялась, услышав неожиданный вопрос. — А который? Настоящий? Или актер?

Она разблокировала смартфон.

— Ну… — замялся Мацуи. — Допустим, актер.

Мицуки уже успела набрать запрос в интернете и открыть фотографию актера, играющего Сюро. Она увеличила ее и продемонстрировала Мацуи.

— Вот. Он новичок. Выбирали на кастинге, чтобы был как можно больше похож на настоящего Сюро. Зовут его… Подождите, сейчас… А, вот. Тэцуо Сэрикава. Это его первая главная роль.

Мацуи бросил взгляд на фото и замотал головой: не он.

— Нет, я подвозил не этого, — вынес он вердикт.

Мицуки вбила новый запрос и на этот раз показала Мацуи фото настоящего детектива Сюро:

— А этот?

— Точно, — присмотрелся Мацуи, сравнивая фото с лицом пассажира в зеркале заднего вида. — Вот это — он.

*

— Хм… — протянула Канако Фуюки, разглядывая фото, появившиеся на экране монитора по запросу «детектив Сюро». Внимательно рассмотрела фотографии актера и фотографии детектива. И тот, и другой были…

«Весьма видные мужчины», — заинтересованно пробормотала она. В груди зажглась искорка

интереса.

Синъити Гото, сидящий по соседству, откликнулся на ее бормотание: «Чем это вы там заняты?» — и бросил взгляд на ее монитор.

— Можете и дальше рассматривать красавчиков, а я домой. Передаю вам смену.

— Да-да!

Настроение у Канако было на редкость приподнятое. Она пересела из-за личного стола за рабочий стол номер двадцать пять, разложила на нем вещи: бутылочка минеральной воды, мобильный, очки, листочки для заметок и ручку, надела наушники с микрофоном и провозгласила не кому-то конкретно, а скорее всему ночному Токио:

— Ну, приступим.

Словно откликаясь на ее слова, телефонные звонки начали поступать один за другим. Работай она в продажах — получила бы в эту ночь грандиозную прибыль.

Впрочем, Канако получала фиксированную зарплату независимо оттого, с каким количеством людей успела поговорить за смену и сколько длились эти разговоры, поэтому она никогда не бахвалилась перед коллегами тем, сколько человек успела выслушать. Но сегодня она побила

свой личный рекорд по количеству собеседников. Все потому, что сами разговоры были короткими: проблемы звонивших в эту смену в основном оказались простыми и легко разрешимыми. Например, ее спрашивали, где можно купить акварельные краски посреди ночи.

Бывает наоборот, сложно не то что решение найти, а в принципе понять, что именно терзает собеседника и какие печали лишили его сна в эту ночь. Сегодня же она каждого второго консультировала, как куда-нибудь добраться, а каждого первого утешала после неудачного романа. Канако и начинала смену в приподнятом настроении, а теперь и вовсе разошлась. Два часа подряд она без перерывов отвечала на звонки, а когда уже стала уставать и подумала, что стоит прерваться и выпить кофе, неожиданно в наушниках послышались горькие женские рыдания.

— Здравствуйте. С вами говорит оператор «Токийской службы поддержки».

Все тот же плач.

— Что у вас случилось?

— Простите… — всхлипнула женщина.

Канако услышала, как она утирает лицо салфеткой.

— Все хорошо, не надо спешить, — эти слова

были обращены не только к собеседнице, но и к себе самой. Канако начала говорить самым мягким голосом, на который была способна. — Как вас зовут? Не обязательно представляться настоящим именем.

— Эко, — после короткой паузы раздался в наушниках голос, похожий на всхлип. Канако записала имя в заметках. Судя по тому, как быстро ответила незнакомка, она лишь немного изменила свое настоящее имя — должно быть, Эйко.

Так часто бывало. Похоже, когда люди представляются псевдонимом, им легче говорить о своих проблемах, которые становятся словно немного чужими. На самом-то деле оператор и звонивший не могли видеть друг друга и едва ли им когда-либо доведется встретиться вживую, так что можно было без опаски называть и свое настоящее имя.

— У меня ничего не выходит, — после долгого молчания наконец выдавила из себя Эко. Потом еще помолчала и добавила тихонько: — Но приходится притворяться, что все хорошо.

Пусть Канако еще не знала подробностей, беда была ей знакома. В службу поддержки часто обращались с такой проблемой в отношениях с детьми и родителями, партнерами и супругами…

Раз за разом Канако приходилось слышать в трубке перемежаемое тяжелыми вздохами признание: «Не могу больше притворяться».

— У вас не ладится с кем-то конкретным? — уточнила осторожно Канако. — С кем?

— Со всеми.

— Всеми?

— У всех нас друг с другом не ладится.

— То есть речь о группе?

— Да. Одиннадцать человек, и все девочки.

«Девочки?»

Эко начала успокаиваться, но голос у нее охрип от слез, поэтому было сложно определить по нему возраст. Вероятно, она тоже одна из этих «девочек»?

Подумав, Канако начала издалека:

— А что за девочки?

— Нас выбрали.

«Хм?»

Канако потерла указательным пальцем подбородок. Иногда ей приходилось слышать от звонивших что-то вроде: «Я избранный» или: «Я был избран для великой цели, но ничего не получается». Однако по мере диалога выяснялось, что «избранность» самопровозглашенная и в реальности никто этих людей не выбирал ни для

каких целей.

— Кто выбрал?

— Люди со студии. Для кино.

Канако вся обратилась в слух.

— Значит, вы актриса?

— Не совсем. Это мой дебют. Но среди нас есть и актрисы с опытом. Возможно, разница в навыках стала одной из причин разлада…

«О, разговорилась», — Канако исправила пометку в блокноте с треугольника на кружок. Кружок значил «беседа идет бодро», треугольник — «со скрипом», а крестик — «ничего не понятно».

— Получается, одиннадцать девочек, включая вас, прошли прослушивание на роли в одном фильме, но отношения у вас не ладятся? — подытожила Канако.

— Да.

— Но вы притворяетесь, что все в порядке?

— Не только я. Все остальные тоже.

— А давно состоялось прослушивание?

— Месяц назад.

— И как все продвигается? Съемки уже начались?

— Нет, пока идут репетиции.

— Значит, не ладится во время репетиций?

— Да нет, там все очень собранны и нет вре-

мени думать о постороннем, но вот когда мы возвращаемся в общежитие…

— Общежитие? Вы живете в общежитии?

— Да. Все вместе.

«Вот оно что», — Канако быстро добавила еще одно примечание в записи. Проблема вырисовывалась непростая, но ничего такого, с чем не приходилось бы сталкиваться прежде.

— А что за общежитие? Вы и сейчас там?

— Да.

— А рядом есть кто-то из ваших коллег?

— Нет, я в своей комнате.

— Значит, вы живете поодиночке?

— Ага. Мы почти все из провинции.

«Ясно-ясно… Понимаю», — кивнула себе Канако, строча в заметках.

— И вы обычно предоставлены сами себе, взрослых рядом нет?

— Ну… Есть смотрительница общежития.

— И все?

— Да.

— А лидер у вас есть? Кто-то вроде капитана команды?

— Нет. Нам сказали, что все мы должны быть равны.

— Кто сказал?

— Взрослые с площадки. Продюсер, режиссер, менеджер и остальные…

— Площадки?

— Я имею в виду съемочную площадку. Съемки начнутся через две недели, и мы постоянно курсируем между съемочной площадкой и общежитием… Но, если так дальше пойдет, думаю, некоторые из нас решат уехать… Да и я не уверена, что долго продержусь.

— Понимаю… — Канако еще раз окинула взглядом заметки, которые успела сделать. — А смотрительница общежития чем занимается?

— Убирается и готовит для нас.

— О, а кушаете вы все вместе?

— Ага. В общежитии есть столовая, там мы и собираемся.

«Вот оно», — осенило Канако.

— Именно.

— Тогда вам стоит побеседовать всем вместе после еды.

— Но все сразу расходятся по комнатам, как только поедят.

— Значит, вам нужно будет их остановить. И предложить поговорить.

— Не выйдет. Некоторые старше меня, и вообще, все очень независимые и смотрят на других

как на соперниц.

— Но ведь, — Канако пошла в наступление, — разговор — это очень важно. И раз у вас нет лидера, вы так и останетесь разобщенной группой, пока кто-то не сделает первый шаг.

— Вы так думаете?

— Попробуйте набраться смелости и начать разговор.

Это был единственный совет, который Канако могла дать. Наверняка у каждой из одиннадцати девочек свои переживания, и пока кто-то не подаст голос первым, напряжение так и не найдет выхода.

После долгого молчания Эко ответила:

— Хорошо. Постараюсь.

«Ну и замечательно», — выдохнула Канако. Конечно, это было ложное облегчение, принадлежащее лишь ей, — радость, что разговор пришел к логическому завершению. На самом деле ничего не разрешилось, и никакого повода для реального облегчения не было.

Эта дилемма постоянно вставала перед Канако. Можно ли предаваться этой маленькой ложной радости, когда проблема не решена? Нормально ли это?

Распрощавшись и положив трубку, Канако

какое-то время размышляла об этом, но вскоре в наушниках раздался новый голос.

Перья, парящие в ночи

Пришел час ночи.

— О, Эйко? — окликнули ее у дверей общей ванной комнаты. Услышав голос Харуки, Эйко облегченно выдохнула и подошла.

Харука была единственной, с кем можно поговорить по душам. Она была самой старшей среди одиннадцати девушек, но этого совсем не ощущалось — в хорошем смысле. Харука со всеми держалась доброжелательно, не зазнавалась и охотно брала на себя то, чем не хотели заниматься остальные. Уборка общей ванной была одним из таких дел. По задумке, они должны были делать это по очереди, распределив дежурства, но постепенно инициатива сошла на нет и все легло на плечи Харуки.

Вообще за уборку отвечала смотрительница общежития, но, когда Харука узнала, что у той болит спина, она сама предложила: «Давайте хотя бы ванную мы будем убирать сами».

Эйко узнала об этом две недели назад. С тех пор она старалась заглядывать в свободное время в ванную и, если находила там Харуку за уборкой,

присоединялась к ней.

— Да ладно, Эйко, оставь мне. Завтра рано вставать.

— Но почему не работает система дежурств?

— Так ведь некоторые заявили, что ванной вообще не пользуются. А если устраивать дежурства — убираться придется и тем, кто сюда и не заходил ни разу.

— Ну да…

И все равно это не причина, чтобы Харука взвалила все на себя. Но, похоже, та считала, что лучше потерпеть неудобства, если это поможет сохранить «худой мир». Ей плохо давались споры и склоки, и она чувствовала себя не в своей тарелке, когда кто-то с кем-то ссорился.

К тому же кое-какие выгоды от уборки в одиночестве Харука все же получала. Оттерев все до блеска, она в таком же одиночестве могла насладиться горячей ванной.

— Возможно, это немного эгоистично, но я ведь могу себя порадовать в награду за ежевечернюю уборку? — как-то по секрету призналась Харука Эйко.

— Конечно! — Эйко даже немного рассердилась. — И пусть никто и не думает жаловаться! Тем более такие неряхи!

Здешние обитательницы следили за внешностью и манерами, но аккуратно использовать общую ванную почему-то напрочь отказывались. Те из девочек, кто не довольствовался душем в личной комнате и желал отмокнуть в горячей ванне, сплошь были натурами импульсивными и неорганизованными. Они оставляли на полу ошметки пены от мыла и шампуней, бесцеремонно разбрасывали повсюду пустые упаковки от кондиционеров и пакетики из-под пробников уходовой косметики. Конечно, не все так себя вели. Наверняка среди приверженцев индивидуальных душевых скрывались девочки почистоплотнее.

Эйко и Харука сами предпочитали душ, но они также любили иногда расслабиться в ванне, где можно поваляться в горячей воде, вытянув ноги.

— Хочешь принять ванну? Я приму душ у себя, но свежей воды набрала.

— Да ладно, не нужно мне таких роскошеств.

— А почему нет? Никаких особых правил насчет общей ванной у нас нет, да и все уже закончили с умываниями и ушли к себе, завтра ведь вставать рано. Наверняка давно спят.

Подумав, Эйко решила, что и впрямь в настроении принять ванну. Погреться, расслабиться.

Хотя в ванне и можно было вытянуть ноги, она была не такой уж большой. Одной девушке в ней просторно, но вдвоем уже не залезешь. Поэтому те, кто хотел поплескаться, вынуждены были разыгрывать очередность в «Камень, ножницы, бумага» и купаться по очереди. Эйко это казалось слишком утомительным, поэтому в последние две недели она обходилась душем.

— Ладно, спасибо.

— Ага! Только убери за собой, хорошо?

— Конечно.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной.

Когда шаги Харуки стихли, Эйко выглянула наружу и прислушалась.

Свет в коридоре уже не горел, только в конце тускло мерцала зеленым табличка «Запасной выход».

Кроме ванной, на втором этаже располагались столовая, комната смотрительницы общежития и учебный зал. Но сегодня был день, когда смотрительница уходит ночевать к себе домой, поэтому на втором этаже никого не было. С других этажей тоже не доносилось ни звука — все общежитие погрузилось в звенящую тишину.

Даже если кто и услышит плеск в ванной — ре-

шит, что в такое время там может находиться только Харука. Осознав это, Эйко наконец смогла расслабиться. Она разделась, приняла душ и впервые за долгое время погрузилась по шею в горячую воду. Температура была идеальной, вдобавок вода приятно пахла сливовой солью для ванн. «Харука, как всегда, на высоте», — почти с благоговейным трепетом подумала Эйко.

Глубоко вздохнув, она подняла взгляд на потолок.

Эйко успешно прошла кастинг и получила возможность жить в условиях, которые и присниться могли не каждому. Маленькие, но индивидуальные комнаты с душем, трехразовое сытное питание в просторной столовой…

«Грех жаловаться», как говорила бабуля.

Эйко прикрыла глаза.

Бабушка скончалась месяц назад в больнице в родном городе Эйко. В отличие от внучки, которая легко впадала в уныние, бабушка была женщиной уверенной в себе и статной. Как-то раз, когда Эйко уже готовилась уезжать в Токио, они вдвоем лепили на кухне гёдза и бабушка призналась ей, понизив голос:

— Только тебе скажу, по секрету. Я тоже в молодости мечтала стать актрисой.

Вскоре после того, как Эйко уехала, бабушка слегла. Мама сообщила об этом по телефону и сдавленно добавила: «Едва ли ей много осталось». Эйко очень хотела сорваться домой, но, сколько ни сверлила взглядом плотное расписание, времени на поездку не нашла.

В результате она так и не смогла повидаться с бабушкой напоследок и о ее смерти тоже сообщила мама по телефону. До сих пор Эйко не до конца осмыслила случившееся. Единственное, что зацепилось в памяти из того разговора: за день до смерти бабушка неожиданно заявила, что хочет выпить колы. И почти сразу впала в кому, так и не успев угоститься, хотя кто-то бросился в магазин за колой и бутылку положили бабушке возле подушки.

— Я уже и забыла, что кола такая черная, — тихо добавила мама Эйко.

*

— Вот оно как! Ну и ну… — погрустнел Маэда, стараясь выразить сочувствие. И снова коротко зашипел, втягивая воздух через щель между зубов: «Фшп». — Значит, режиссера тот вариант не устроил?

— Ага. Сказал: «Это ведь обычные пассатижи».

Ну, тут он, вероятно, прав… — хмыкнула Мицуки.

Маэда нерешительно улыбнулся в ответ — он был не уверен, стоит ли смеяться.

— Но ведь эти его… фшп… как их там?

— Щипцы для колки арахиса.

— Точно-точно. Разве такие вообще существуют?

— По-видимому, да. Их даже снимали в кино. Режиссер говорит, что несколько десятков лет назад, когда он был еще помощником, такие щипцы после съемок отдали в хранилище мелкого реквизита. Я нашла этот фильм в архиве и посмотрела.

— И что, был там орехокол?

— Как бы не так. Я очень внимательно смотрела и ничего похожего не нашла.

— Уж не приснилось ли это режиссеру?

— Вот и я так подумала.

— Ну и задачку вам задали.

— Да уж… Просто беда.

— В такие моменты хочется вас подбодрить, угостив хорошей выпивкой.

Маэда скрылся в офисном помещении при реквизиторской. Хлопнула дверца холодильника. Пока Мицуки задавалась вопросом, находился ли

в холодильнике алкоголь, Маэда уже вернулся с охлажденными бокалами. Такими холодными, что на воздухе стекло сразу запотело, и, хотя внутри ничего не было, казалось, что там уже плещется что-то вкусное.

— Наверное, глядя на меня, и не скажешь… — Маэда расправил плечи и выпрямился, — но когда-то я работал барменом в прекрасном баре в Гиндзе.

— Правда? Я и не знала.

— Но меня переманили… фшп…

Маэда имел в виду кинокомпанию, название которой красовалось и на визитке Мицуки.

— Правда, не в качестве актера, — горько усмехнулся он. — Вы, думаю, не в курсе, но раньше рядом с нынешней столовой был лаунж с маленькой барной стойкой. Хорошие были времена. Каждый вечер люди из студии приходили выпить… фхшп… Всегда царило оживление. Все говорили: «Благодаря вам, Маэда, нам больше не нужно ездить в Гиндзу, чтобы расслабиться».

— Вот оно что.

— Чаще всего я тогда мешал хайболы и виски-колу, ведь редкого и интересного алкоголя у меня в распоряжении не было.

— О, давненько я не слышала о виски-коле.

Какая ностальгия.

— На первый взгляд этот коктейль выглядит незатейливо, но мне кажется, что, несмотря на свою простоту, это один из самых вкусных напитков.

Тон Мацуи и то, как тщательно он подбирал слова, расхваливая коктейль, заставили Мицуки невольно облизнуться. Наверняка этот коктейль воистину прекрасен. И тут Маэда предложил:

— Хотите попробовать?

Он еще раз залез в холодильник и достал оттуда хорошо охлажденную бутылочку виски и маленькую бутылочку кока-колы. Поставил на подоконник регистрационного окошка, словно на барную стойку, и добавил:

— Только это секрет. Я это храню в тайне, для себя… Смешивание коктейля оказалось очень простым. В охлажденный бокал Маэда насыпал крупно наколотого льда и быстро покрошил его мадлером. Убедился, что бокал достаточно холодный — настолько, что губы замерзнут, если его коснутся, и высыпал лед, а взамен налил виски и колу в пропорции два к одному.

— Готово!

В повадках и голосе Маэды отчетливо проявилось его барменское прошлое.

По правде говоря, Мицуки не дружила с алкоголем. Всего лишь от полбокала пива она уже краснела до кончиков ушей и теряла координацию. Затем становилась смешливой и болтливой, а в конце бледнела до синевы и со словами «мне нужно прилечь» падала без сил. Поэтому к выпивке она относилась чрезвычайно осторожно.

Но после разговора с Маэдой Мицуки понимала — если сейчас она не попробует его виски-колу, то будет жалеть об этом до конца жизни.

И она оказалась права. Стоило сделать маленький глоток, пришла мысль: «Какая досада, что я не пробовала его прежде!» А через мгновение досада сменилась радостью: здорово, что я попробовала этот напиток! И предвкушением: теперь у меня есть возможность в будущем снова насладиться им при случае.

— Вкусно!

Мицуки искренне порадовалась, что в мире есть такое хорошее слово, как «вкусно». Иначе как она смогла бы выразить наслаждение, которое испытала?

Люди, причастные к миру кино, часто заявляли: «Нельзя бездумно использовать слово „красиво“ направо и налево».

В какой-то момент определение «красиво»

стало штампом и потеряло свой вес. Целый букет предпочтений, ощущений и впечатлений впихнули в одно-единственное удобное слово, и в итоге оно утратило нечто важное и придающее ему значимость. Поэтому старшие коллеги наставляли Мицуки: тот, кто посвятил себя сфере искусства, не должен бездумно применять «красиво» ко всему подряд.

Но на опыте Мицуки узнала: каким бы избитым ни было это слово, есть то, что можно описать только им, и никакие синонимы, никакие эвфемизмы не способны заменить его в таких случаях, так как прозвучат низменно и фальшиво.

Поэтому порой Мицуки игнорировала мудрые наставления коллег и искренне, от всей души произносила: «красивый цветок», «красивое лицо» и так далее.

Именно с таким чувством она сейчас выдала свое «вкусно».

— Так вкусно, что голова идет кругом.

Маэда довольно кивнул и отпил из своего бокала. Удивленно выгнул бровь.

— И впрямь голова чуть кружится.

— Ага. Словно весь мир подрагивает.

*

Эйко сама не знала, что было первым — ощущение дрожи под ягодицами или рябь, побежавшая по поверхности воды в ванне.

— А? — пискнула она. Расслабилась, позволив телу немного всплыть, подняла глаза к потолку и еще раз взглянула на воду.

Точно. Непонятная рябь.

И тут вся ванная вдруг содрогнулась и принялась покачиваться.

Поначалу Эйко не поняла, что происходит, и лишь услышав, как дребезжит стекло в мансардном окошке на потолке, осознала: «Землетрясение».

«Это уже сильное? Или не особо?»

Обнаженная, она чувствовала себя ужасно беззащитной и не могла как следует оценить силу толчков. К тому же на малой родине Эйко землетрясения случались редко. Она попыталась встать, но потерпела неудачу. Оставалось лишь вцепиться в бортики ванны и беспомощно наблюдать, как плещется и переливается через край вода.

Вероятно, длилось это не более полминуты, но Эйко землетрясение показалось ужасно долгим

еще и потому, что, когда оно закончилось, вода в ванне бурно плескалась какое-то время.

Наконец Эйко кое-как смогла выбраться — уж больно беззащитной она чувствовала себя в ванне. Пошатываясь, она добралась до раздевалки, а как вытиралась и одевалась — даже не запомнила.

Снаружи послышались голоса.

— Ты как?

— Все в порядке?

Эйко поспешно вышла в коридор. Там было все так же темно, но в столовой горел свет. Она побрела на него.

— Ой, Эйко! Все нормально? — Харука подскочила к ней и положила руку на плечо.

— Ага. Неожиданно.

— Сильно трясло!

— Я в ванне даже не сразу поняла, что происходит.

— Еще бы… Ой, у тебя волосы мокрые, — Харука набросила на голову Эйко полотенце, что висело у нее на шее. Тонкая ткань неожиданно приятно согрела. Эйко огляделась, проверяя собравшихся.

Сава, Мидзухо, Нанами… С каждым знакомым лицом она чувствовала, как волнение отпускает.

— Все здесь? — спросил кто-то.

— Да, вроде все, — был ответ.

Так же как Эйко, другие девушки оглядывались, проверяя, все ли на месте. Потом они еще раз пересчитались, на всякий случай.

— Ох, замечательно.

— Все целы.

— Надо же, какое сильное!

— Точно.

Все уже приготовились ко сну и теперь стояли в столовой в пижамах и толстовках, с растрепанными волосами. Некоторые держались за руки. Впервые Эйко видела, чтобы девушки держали друг друга за руки не на репетициях и разминках, где этого требовала работа, а от избытка чувств и желания помочь друг другу.

— Больше трясти не будет?

— Даже не знаю… Бывают же еще афтершоки…

— Говорят, пятый уровень! — кто то уже достал смартфон и теперь вслух сообщал новости. — И эпицентр был в Токио…

— В этих местах они часто бывают, да?

— Я первый раз с таким сильным столкнулась…

— А разве система безопасности общежития не должна была известить?

— Кажется, она только на случай пожаров,

нет?

За разговорами одиннадцать девушек расселись за большим круглым словом и бросились писать и звонить близким. Эйко тоже написала сообщение матери, но та не ответила — наверное, спала.

— Неужели в Токио такие землетрясения — обычное дело? — кто-то подошел к окну и выглянул на улицу. — Так тихо, будто и не было ничего.

— Наверняка так и есть. Похоже, никто и внимания особо не обратил.

— Я бы так не смогла.

— И я!

— У меня фигурка Бэтмена с полки упала!

— Ой, Саки, тебе нравится Бэтмен?

— Ага. Он мой кумир.

— Правда? И мой!

Никогда прежде в столовой не было так оживленно.

Эйко вспомнила совет оператора «Токийской службы поддержки 03». Эта женщина предложила поговорить со всеми, когда получится собраться вместе. Сказала: «Разговор — это очень важно». Так, может…

— Послушайте… — набравшись смелости, на-

чала Эйко, но тут кто-то особо чуткий произнес: «Ой», и тут же стол, стулья и окна вновь с дребезгом затряслись.

— Опять?!

— Афтершок?

На удивление, никто не ударился в крик и панику, разве что испуганно вздохнул или ойкнул. И никто не попытался встать. Словно по заранее обговоренному сценарию, все остались сидеть за круглым столом, крепко держа соседок за руки.

*

— Погодите-ка, — поднял Маэда глаза к потолку. — Голова идет кругом не от коктейля. Это землетрясение, — хладнокровно рассудил он.

— Ой, серьезно? — Мицуки уже слегка опьянела.

Казалось, в Маэде проснулись древние инстинкты. Он весь собрался и нахмурился, прислушиваясь к ощущениям.

— Довольно сильное.

Хранилище малого реквизита было двухэтажным, но местами стеллажи проходили между перекрытиями этажей до самой крыши. Если такое рухнет — мало не покажется. А даже если и нет, хранилище забито всевозможными мелкими

предметами, для которых землетрясение — злейший враг. Однако что-либо предпринимать уже поздно. Оставалось лишь надеяться на лучшее.

Тут угловые полки, которые и раньше не выглядели устойчивыми, начали заваливаться набок. Опрокинулось все в момент. Стеллажи цепляли друг друга, словно костяшки домино, экспонаты грохочущей лавиной полетели на пол.

Мицуки окончательно протрезвела. Поспешно отставив бокал, она отвернулась, защищая лицо от взметнувшейся в воздух пыли, но все равно закашлялась, а за ней и Маэда. Мицуки увидела, что его волосы и даже ресницы присыпаны белоснежной мелкой пылью.

Толчки наконец прекратились.

Все еще кашляя, Маэда поднялся на ноги и попытался включить свет, но обнаружил, что выключатель погребен под упавшими вещами и до него не добраться.

В качестве временной меры он включил оказавшийся поблизости съемочный прожектор. Осветив место обвала, Маэда и Мицуки увидели, как что-то белоснежное парит в луче света, словно снег.

— Ничего себе, сколько пыли, — сдавленно произнесла Мицуки, прикрывая рот и нос.

— Это не пыль.

Маэда повозился с прожектором и направил его чуть правее.

— Вон, смотрите. Порвался страховочный матрас, которым пользуются каскадеры. Это перья.

Крохотные белые перья разлетелись по хранилищу и теперь плавно, словно в замедленной съемке, оседали на пол. А рядом с порванным матрасом, исторгнувшим перья, что-то металлически блеснуло под светом прожектора. Мицуки пригляделась. Что-то знакомое…

— Так вот как оно выглядит!

Вещь безумно походила на то, что режиссер упорно рисовал ей в блокноте.

Две луны

Когда Мицуки посмотрела на часы, те как раз показывали час ночи.

После землетрясения прошли почти сутки, когда Мицуки со своей нежданной находкой постучалась в офис режиссера.

— Прости, что назначил так поздно, — извинился тот, но Мицуки понимала — он еще больше загружен. С первого взгляда было видно, что он не спал: щеки грустно обвисли, под глазами круги.

— Ты писала, что нашла орехокол для арахиса?

— Да.

Мицуки достала из сумочки и показала ему предмет, завернутый в пузырчатую пленку.

— Вчера во время землетрясения рухнули стеллажи, и он выпал откуда-то из глубин хранилища.

Режиссер поспешно сорвал пленку и с изумлением оглядел вещь.

— О! — воскликнул он с восхищением. — Точно, это оно!

Когда несколько дней назад Мицуки принесла ему пассатижи, режиссер был недоволен. Но

орехокол для арахиса, найденный в хранилище, внешне был очень похож на пассатижи. Только клешни не такие узкие. Плоские, широкие, они идеально подходили для того, чтобы положить между ними продолговатый орех и раздавить скорлупу. Сразу видно, для чего предназначены.

— Мне его подарили в путешествии.

— В путешествии?

— Да. Еще в студенчестве.

— Скажите… — с легким нажимом спросила Мицуки, — он и правда был в том фильме, о котором вы мне говорили?

— Да, точно.

— Понимаете, я его сегодня еще раз посмотрела и так и не увидела ничего похожего…

— О, он появляется буквально на мгновение. Секунда, может, две. И все равно я был ужасно рад тогда, что они попали в фильм.

— Но почему?

— Вещь очень памятная. Как бы сказать… Это все равно что душа самого моего первого фильма, который я снял еще в студенчестве.

— Душа? — непонимающе нахмурилась Мицуки.

И тут режиссер пустился в пространное повествование. Темп его речи ускорился, будто своим

вопросом Мицуки нажала кнопку перемотки видео.

— Я ведь попал в мир большого кино именно потому, что мой первый фильм хорошо приняли. У меня тогда был друг из Америки, и он позвал меня в гости в Джорджию, это штат далеко на юге от Нью-Йорка. Очень большой, прямо дух захватывает от тамошних просторов.

Рассказ грозил затянуться надолго.

— Так вот, фильм снят там и называется «Южный пес». Вообще-то я ехал в США не для того, чтобы снимать кино, а как турист. И камеру захватил для съемок на память. Так как снимал я, меня самого в них нет — только голос. Зато постоянно мелькает мой американский друг, выросший в Джорджии. А он очень хорош внешне и в кадре смотрелся здорово. Да и природа вокруг была прекрасная. Поэтому стоило начать снимать, и сам собой стал получаться фильм, что-то вроде документальной короткометражки.

— Ого… — вставила Мицуки дежурное междометие, чтобы поддержать разговор.

— Ну, мне кажется, оператор из меня вышел неплохой. И местные попались очень фотогеничные. Они там выращивали арахис. Я оказался там как раз во время сбора урожая и помогал соби-

рать орехи, высыпать их в грузовичок, а потом вместе с ними долго, до ночи, трясся в нем, везя урожай до фабрики. Причем все это время почти не выпускал из рук камеру. И тогда…

Режиссер неожиданно замолчал на мгновение и прикрыл глаза.

— Что-то вдруг бамкнуло… Даже не так, скорее грохнуло. С такой силой, будто машину снесло с дороги. Я хоть и сказал «грузовик», но он был небольшим, поэтому если сталкивался с чем-то или камешек с дороги бил по корпусу, звук получался громкий, но этот… Он был из другой категории. Почти как оружейный выстрел. Я испугался, тем более что непонятно было. И тогда сидящий рядом друг объяснил: мы собаку сбили. Собаки там в основном дикие, большущие, так что речь не про чьего-то питомца…

Режиссер открыл глаза.

— Тот момент я умудрился очень четко заснять на камеру. Грохот, то, как грузовик вздрогнул от удара. Именно эта сцена стала кульминацией моей короткометражки, и мне от этого всегда было не по себе. Конечно, собаку сбил не я, но ведь я использовал ее смерть для фильма, который открыл мне дверь в мир кино… Нехорошо вышло.

— Ага… — Мицуки успела втянуться и слушала

уже с интересом.

— Поэтому я и фильм назвал «Южный пес», и подпись добавил: «Посвящаю его тому безымянному псу», но и этого мне показалось недостаточно.

Режиссер погладил орехокол, словно собаку.

— И тогда я решил: если стану профессионалом и когда-нибудь начну снимать настоящее кино, нужно обязательно спрятать в фильме особый символ, напоминающий о той собаке, чтобы почтить ее память. А в качестве символа выбрал эти вот щипцы для арахиса, подаренные мне другом из Джорджии. В те времена я был лишь помощником режиссера, так что тайком от него сговорился с Ямато, которая тогда работала с мелким реквизитом, и попросил ее подложить орехокол где-нибудь с краю, чтобы хоть на мгновение он попал в кадр. И все получилось. Тогда мне было достаточно и этого, но теперь я уже сам режиссер и получил возможность снимать большое кино с хорошим бюджетом, поэтому хочу снять щипцы не украдкой, а так, чтобы они основательно попали в кадр. Нынешний фильм идеально подходит, так что я бросился искать щипцы, но никак не мог их найти. Подумал, наверняка Ямато тогда сдала их в хранилище

мелкого реквизита, значит, там они и лежат до сих пор. Пробовал сам поискать, но не нашел…

— И поэтому попросили меня найти их?

— Ага. На самом деле мне нужны были именно эти щипцы, но съемки — это всегда битва за скорость, и я не мог задерживать процесс из-за своих личных обстоятельств. Вот и решил — ну пусть хоть что-то похожее будет. Как здорово, что они нашлись! — выдохнул режиссер. Мицуки невольно кивнула. — В общем, для меня этот орехокол на съемках все равно что панихида для безымянного пса.

Голос режиссера зазвучал тише:

— Это ведь те ребята из Джорджии сказали мне, что щипцы предназначены для колки арахиса. А я и не знаю толком, как ими пользоваться. Если подумать, выглядят они как обычные пассатижи.

— Есть такое.

— Может, они меня просто пожалели. Они умели и голыми руками арахис колоть, без всяких приспособлений. А мне даже для такого дела поблажка нужна была. Но я уверен — в этих щипцах дремлет душа сбитого пса, и ради него я хочу снять их в кино.

«Хм, — подумала Мицуки. — Такое ведь уже было».

Ее пронзило ощущение дежавю. Кто-то уже рассказывал ей что-то о «панихиде», «душе»… Мицуки задумалась.

Когда же это было?

Покинув офис режиссера и выйдя во внешний коридор, она продолжала гадать: «Когда это было? С кем же я тогда говорила?» И так, сама того не заметив, дошла до хранилища мелкого реквизита.

«Точно, надо поблагодарить Маэду», — переключилась она.

*

— Что вы, я ведь ничего не сделал. Это мне нужно вас благодарить. Вы с таким удовольствием пили мой виски с колой, что я ударился в ностальгию, — с улыбкой принялся отнекиваться Маэда.

— Значит, вам было приятно вспомнить прошлое? — спросила Мицуки.

— Хм… — задумался Маэда и кивнул. — Да, думаю так.

— А нынешняя работа вам не нравится?

— Не то чтобы. В реквизиторской уютно… фшх… Тут столько всякой всячины, что ощущаешь себя хранителем всего сущего. Но…

Улыбка Маэды слегка погасла.

— Понимаете, я все же… Как бы сказать… Люблю людей. Потому и готовил каждый день алкоголь для других… фшх… Ведь когда мешаешь клиентам алкоголь, те хоть и незнакомцы, и встреча лишь на один вечер, а все равно с каждым поговоришь. Весело тогда было. Хорошие времена, и вспомнить их приятно.

— Но тогда, — вырвалось у Мицуки, — почему бы вам снова этим не заняться?

— Чем?

— Работать барменом.

— Барменом? — Маэда изумленно уставился на нее. — Но я ведь уже ушел из профессии…

— Насовсем?

— Ага.

— Просто по вашему рассказу кажется, будто вы случайно попали на работу в хранилище, а вовсе не по велению сердца.

— Да я ведь и немолод уже…

— И что? Конечно, хорошо, когда за барной стойкой молодой красавчик, но мне кажется, еще лучше, если коктейль готовит умудренный опытом джентльмен с сединой в волосах.

— Правда?

— Я бы каждый день в такой бар ходила.

Конечно, Мицуки слукавила. Она почти не пи-

ла спиртного, поэтому вряд ли ходила бы в любой бар каждый день. Но вчерашний виски с колой показался ей сказочно вкусным — куда вкуснее, чем представлялось, несмотря на простоту ингредиентов.

— Вы ведь настоящий профессионал своего дела.

Маэда гордо вскинул голову.

— Думаете?

— Уверена.

— Вот как…

*

На следующий день, благодаря тому что щипцы для арахиса нашлись, Мицуки смогла с чистым сердцем взять выходной и воспользоваться возможностью заглянуть в комиссионный магазинчик «Ибараки». Пусть пассатижи и не подошли, она решила поблагодарить продавца. Хотя, если честно, это был лишь предлог и на самом деле Мицуки просто хотела еще разок заглянуть в странный магазинчик уже не ради работы.

В прошлый раз она взяла визитку, где было написано, что магазин открывается с девяти вечера. Мицуки горела предвкушением, поэтому пришла немного раньше, около восьми сорока, и

обнаружила, что «Ибараки» уже открыт — вывеска над ним неярко светилась.

Когда Мицуки вошла внутрь, владелец так же, как и в прошлый раз, сидел за стойкой в глубине. Вид у него был сонный — он тер глаза, словно только-только проснулся.

— Здравствуйте, — подала голос Мицуки.

Ибараки поднял на нее заспанный взгляд.

— О, снова вы? — вспомнил он.

Это ее порадовало. Глаза как раз привыкли к тусклому освещению, и она увидела, что большой палец правой руки Ибараки забинтован, а сама рука лежит на подушечке, водруженной на стол.

— Простите, — почему-то склонил голову Ибараки.

— Что вы, что вы, — только и смогла ответить Мицуки.

Извиняться тут явно было не за что, но раз уж извинение последовало, ей пришлось спросить: «Что-то случилось?»

— Тендосиновит, — равнодушно ответил Ибараки. — Я недавно вот что отыскал. — Он показал на небольшую подзорную трубу на столе. — Назвал ее усилителем лунного света и взялся отчищать. Так увлекся — не остановиться, и вот до чего дочистился.

— Надо же…

— Напомните, как вас зовут? Кажется, вы в прошлый раз оставили визитку и рассказывали, что работаете с реквизитом…

— Мицуки Саватари.

— Мицуки? Какое славное имя. Давайте я так и буду вас звать?

«Чего?» — неожиданная фамильярность привела Мицуки в замешательство[15], но посте того, как похвалили ее имя, возражать уже было неловко.

— Если вас устроит… — невпопад ляпнула она и ощутила, что заливается краской.

— Скажите, Мицуки, — подхватил Ибараки, — а как вы обычно на рабочую руку наносите лекарство или пластырь наклеиваете?.. О, или вы не одна живете?

— Одна.

— Вот как. У меня, как видите, не пластырь, а бинт, но я один живу, вдобавок истинный правша.

— Ясно… — Мицуки едва не прыснула от смеха,

---

[15] Примечания: 15

В Японии принято обращаться к малознакомым людям по фамилии, поэтому неожиданный переход на обращение по имени выглядит как резкое сокращение социальной дистанции. Кстати, имя Мицуки значит «прекрасная луна».

до того неожиданную тему поднял Ибараки. И что еще за «истинный правша»?

— Сложно говорить за всех, но мне кажется, правая рука у меня очень ловкая — ловчее, чем у многих. При этом левая ужасно неуклюжая, я почти ничего не могу ею делать. Поэтому, когда нужно забинтовать правую руку левой… Сложно передать словами, как мне приходится ухищряться, какие кульбиты совершать…

— Вот как, — Мицуки уже не смогла сдержать улыбку.

«Что он несет… Но он забавный. Такой чудак».

— Времени я потратил ужасно много. Полчаса, не меньше. Мне они и вовсе вечностью показались. А ведь правая рука — мой главный рабочий инструмент. Когда я все делаю левой, кажется, будто начинаю двигаться как в замедленной съемке.

— Понимаю, — на самом деле Мицуки не очень-то его поняла, но решила из вежливости поддержать разговор.

— За что ни берись — всюду не успеваешь. Поэтому сегодня я пришел на полчаса раньше, чем обычно, чтобы поднять жалюзи левой рукой. К открытию подготовился быстрее, чем ожидал, вот и открылся раньше. Но ради этого

и встать пришлось раньше обычного, поэтому спать хочется жутко. Понимаете, у меня синдром колыбельной. А сегодня я не выспался, поэтому ужасно сонный.

— Это заметно.

— Правда? — почесал затылок Ибараки. — Но я хоть и медленно, а всю работу сделал. Усилитель лунного света закончил чистить и подремонтировал по мелочи. Наконец он готов к продаже.

— А что это? — спросила Мицуки на свою голову. И не скажешь сразу, было ли это роковой ошибкой или нежданной удачей.

— О, это… — Ибараки поднял усилитель лунного света, осторожно двигая травмированной правой. — Попробуйте в него заглянуть.

Заинтригованная, Мицуки послушно поднесла трубу к правому глазу, но увидела лишь смутные тени.

— Ничего не видно, да? — предвосхитил ее реакцию Ибараки. — В помещении она не работает. Это труба для наблюдения за луной. Она раскрывается, лишь когда направлена на ночное небо. Но сегодня над магазином пасмурно, так что луны не видать.

Мицуки едва сдержала колкость: «Только над магазином?» — но Ибараки так добросовестно

объяснял, что она промолчала.

— Вот когда луна на небе — совсем другое дело! Если направить эту трубу на звездное небо, будет видно сразу две луны, представляете? Хотя невооруженным взглядом видна лишь одна. А в трубе всегда две. Разве не потрясающе?

Тут Мицуки захотелось уже не шпильку вставить, а честно переспросить: «Чего-чего?»

«Это ведь просто расфокусировка. Когда увеличительный прибор расфокусирован, предметы в линзе двоятся. Только и всего…»

— Вы понимаете, что значат эти две луны? Вполне возможно, и наша планета, и этот город, и мы с вами — и все в мире дублируется где-то.

«Не думаю, что такой вывод уместен… Или возразить будет грубо? Он правда так считает или просто мелет языком, чтобы набить цену сломанной вещи? Непонятно… Но что-то в этой неопределенности мне нравится».

— А значит, даже прямо сейчас в таком же городе живет другой я, и он, может, и руку не травмировал, и синдромом колыбельной не страдает, и вместо того, чтобы вести ночной образ жизни, радостно гуляет под палящим дневным солнцем. Я в этом совершенно уверен!

Пока Ибараки рассказывал, в груди Мицуки

что-то сжалось. «Хм… А ведь что-то такое уже было. Кто-то мне уже говорил подобное». То же чувство, что и вчера, когда режиссер рассказывал свою историю, как справляет панихиду по душе сбитого пса.

«О!» — пока мысли Мицуки обретали форму, она поняла еще кое-что. Когда Ибараки спросил ее: «Или вы не одна живете?» — он посмотрел на ее пальцы не потому, что до этого речь шла о травме руки. Осознав это, она запоздало накрыла правой ладонью кольцо, блестящее на безымянном пальце левой[16].

*

К западу от Токио располагался городок Т., а уже на его западной окраине стоял маленький кинотеатр «Синемаполис-3».

Сюро остановился на тротуаре перед кинотеатром, поднял взгляд к ночному небу, затянутому тучами, и горько усмехнулся сам себе.

«Ну я и забрался. Это уже ненормально…»

Он взглянул на часы: девять вечера. До начала сеанса еще есть время. Билет Сюро уже купил,

---

[16] Примечания: 16

В Японии, как и на Западе, помолвочные и обручальные кольца носят на левой руке.

делать было особо нечего. Пришлось встать под светом вывески и поизучать буклет, который выдали вместе с билетом.

Фильм назывался «Пропавший». Имена режиссера и актрисы в главной роли ни о чем не говорили Сюро. В буклете было написано, что, вероятно, даже заядлые киноманы не знают о существовании этой кинокартины, снятой около полувека назад.

По всей видимости, фильм ни разу не показывали публике, а пленку недавно случайно обнаружили в архиве этого маленького старого кинотеатра. «Насколько нам известно из архивных записей, этот показ станет премьерой. Мы не знаем, почему уже готовый фильм не увидел свет и как пленка попала к нам. Это еще предстоит выяснить», — значилось в буклете.

Сюро не был киноманьяком, охочим до редких кинопленок. Фильм заинтересовал его потому, что второстепенную роль директора ветеринарной клиники в нем вроде как играл отец. Как-то раз Сюро между делом набрал его имя в поисковике, нашел информацию об этом фильме и, обнаружив подпись: «Идет в кинотеатре», бросился покупать билет. Судя по его изысканиям, полных тезок в мире кино у отца не было, по-

этому, раз уж его имя значилось в описании, это почти наверняка он.

Буклет кинотеатра был чуть больше привычного формата — простая по оформлению брошюра страниц на восемь. Но информация, напечатанная в ней, оказалась очень интересной, и Сюро увлекся.

«Действие фильма происходит в маленьком квартале у реки и начинается с того, что в захолустную ветеринарную клинику приносят неизвестного мужчину, которого едва живым прибило течением к берегу. Там его обнаружила Мицуе, медсестра из ветеринарной клиники, и с помощью работников местной фабрики его принесли в ветклинику для оказания первой помощи. Владелец этой клиники — умелый врач, но пьянчуга, вечно под градусом…»

Сюро прервался. Похоже, буклет подробно пересказывал сюжет фильма, так что Сюро решил дочитать его после просмотра. Но тут ему попалась на глаза колонка «Актерский состав», и, преисполненный надежды, он обратился к ней. Там действительно нашлась информация не только об исполнительнице главной роли, но и об актере, который, скорее всего, был его отцом.

«Директора ветеринарной клиники играет зна-

менитый актер второго плана Рюитиро Тасиро, сыгравший множество ролей — от благородного главы якудза до потомка обнищавшей аристократической семьи».

«Серьезно?» — не поверил своим глазам Сюро. Годы жизни и краткая биография в буклете не оставляли сомнений, что речь об отце. Но Сюро не то что не видел фильмов, где отец играл бы благородного главу якудза или потомка обнищавшей аристократической семьи, он слыхом про них не слыхивал.

Хотя до сеанса все еще оставалось время, Сюро показал билет на входе и прошел в здание кинотеатра. Холл был крошечным. Оглядевшись, Сюро нашел взглядом сотрудника в черном брючном костюме.

— Извините, — окликнул он его и показал буклет. — Скажите, а кто это написал?

Мужчина окинул Сюро взглядом, кивнул куда-то в сторону: «Вот он» и коротким «эй» подозвал молодого человека, который неловко мялся в уголке.

— Да? — поднял голову юноша. Стоило ему встретиться с Сюро глазами, как его лицо приобрело сложное выражение, будто он увидел нечто хорошо знакомое, но при этом диковинное.

Беззвездная ночь

Время близилось к часу ночи.

Они так увлеклись разговором, что совсем перестали следить за временем. Сюро был очень доволен и просмотренным фильмом, и знакомством с юношей из кинотеатра.

Когда после одиннадцати показ завершился и Сюро вышел из зала, молодой человек все еще был в холле.

Сюро редко заговаривал с незнакомцами без необходимости. Но уж больно заинтересовал его текст, написанный этим пареньком.

Судя по всему, тот знал о Рюитиро Тасиро, отце Сюро, куда больше его сына. Конечно, Сюро хотелось о многом его расспросить: где тот раздобыл столько информации, в каких фильмах отец играл благородного главу якудза и потомка обнищавшей аристократической семьи, видел ли юноша сам эти фильмы, если да, то где их можно было бы посмотреть… Раньше Сюро и подумать не мог, что существует кто-то, больше него знакомый с работой отца, ведь тот всегда играл второстепенные роли. И никогда прежде

ему не выпадало возможности поговорить об отце с кем-то еще.

Но не успел он подступиться с расспросами, как юноша прервал его и тихо объяснил:

— Прошу прощения, я еще на работе. Если вы подождете полчаса, я с радостью отвечу на ваши вопросы. И еще жаль вас разочаровывать, но фильмы «До небесных врат», где Тасиро играл главу якудза, и «Завтрашний закат», где он в роли аристократа, я не смотрел лично, хотя и написал о них в буклете…

Для Сюро поразительно было уже то, что юноша помнит названия фильмов. Он дождался в холле окончания рабочего дня парня, а затем тот повел его в местный бар, работающий допоздна.

— Он очень сумрачный, — пояснил юноша по пути к бару под названием «Калейдоскоп». Судя по всему, он вообще любил и умел давать пояснения. — Не в смысле обстановки, просто внутри царит полутьма. Настолько, что, когда заходишь внутрь, не сразу можешь на расстоянии вытянутой руки что-то рассмотреть. Я в кинотеатре работаю и то удивился, когда впервые сюда попал.

Так все и оказалось. Сюро по работе приходилось бывать в сомнительных местах и порой

ночью, он был привычен к темноте, в которой сложно что-либо рассмотреть. Но все равно, зайдя в бар, он на мгновение ошеломленно замер. Не только вытянутой руки — в такой темноте дальше носа ничего не видно.

Сюро еще дожидался, пока глаза привыкнут к темноте, а юноша уже уверенно прошел вперед и позвал его за собой: «Нам сюда». Сюро сквозь тьму последовал за ароматом его цитрусового одеколона.

Что это за бар такой? По ощущению они прошли метров пять-шесть, а до сих пор не слышно ни звона бокалов, ни плеска алкоголя у барной стойки.

— Где же здесь…

Не успел он закончить фразу, как привыкшие к темноте глаза наконец различили барную стойку. Только она была немного освещена — в ореоле мертвенно-белого тусклого света за ней стоял бармен, вероятно владелец по совместительству.

— Добро пожаловать, — вежливо поздоровался он.

— Здравствуйте, — так же вежливо ответил юноша.

— В буклете я писал уверенно, но, по правде говоря, не слишком осведомлен, так что… Тасиро,

верно?

— Да, — Сюро попытался еще раз рассмотреть юношу, но в рассеянном полумраке черты его лица никак не хотели собираться воедино.

— О карьере вашего отца я мало знаю.

На стойке появились бокалы с алкоголем. Собеседники чокнулись, отпили и одновременно выдохнули: «Вкусно».

— Тогда откуда все эти сведения?

— Нашел в местной библиотеке. Там много старых журналов о кино. Большая часть информации в буклете — выдержки из журналов. А сам я не специалист…

— Вот оно что, — кивнул Сюро, наслаждаясь сладким ароматом напитка. Как детектив, он по привычке анализировал каждое слово собеседника, стараясь больше о нем узнать.

Он назвал библиотеку «местной», значит, сам он, должно быть, не отсюда. Скорее всего, живет в этом городе недавно. И по разговору с барменом не похоже, что юноша часто бывает в этом заведении…

Сюро собрался обратиться к собеседнику и понял, что до сих пор не знает его имени.

— Кажется, ты еще не представился?

— Ой, прошу прощения, — юноша поставил уже

поднесенный к губам бокал на стойку. — Меня зовут Рэн. Рэн Фуюки.

Он вежливо поклонился, не вставая со стула.

— Рэн, значит, — повторил Сюро. — Ты недавно тут живешь?

— Да, — Рэн замолк на мгновение, а затем, словно набравшись решимости, добавил. — У меня свои обстоятельства… — Он поспешно отпил глоток из бокала. — Ничего особенного, — он чуть понизил голос. — Я ушел из дома и с тех пор странствую, подрабатывая то тут, то там.

— Ушел из дома?

— Сбежал, можно сказать, — еще тише пояснил Рэн. — А в кинотеатр устроился работать случайно. Гулял по городу и увидел объявление о поиске сотрудников…

— Любишь кино?

— Скорее даже не кино, а кинотеатры. Они всегда были моим пристанищем, куда можно сбежать и укрыться от всего. И этот бар такой же. Притягивают меня темные места.

— Значит, твоя работа — писать тексты для буклетов?

— Нет, что вы, — Рэн с удивлением воззрился на Сюро. — Я там просто на подхвате. Всем понемногу занимаюсь.

Несмотря на громкое звание великого детектива, Сюро не хватало базовых знаний о мире вокруг. Вроде того, как пользоваться прачечной самообслуживания, как работает депозитный вклад или что такое нормализованное молоко.

— Иногда билеты продаю, иногда хот-доги жарю… В общем, всякую мелкую работу выполняю. — Голос Рэна вновь зазвучал громче. — Тамошний управляющий человек неплохой, но он почти ничего не делает. Да и о кино знает мало.

— Правда? Надо же, — удивился Сюро.

— А вы чем занимаетесь по жизни? — неожиданно спросил юноша.

В такие моменты Сюро обычно выбирал одну из своих старых подработок, вроде менеджер патинко[17], помощник в магазинчике бенто или бариста в кофе-будке у станции, но в этот раз он вдруг выдал то, чего и сам от себя не ожидал:

— Я хожу на прослушивания, чтобы получить роль в кино.

— О! Так я и подумал, — мгновенно поверил юноша. Сюро даже стало неловко. — Я всегда восхищался теми, кто идет по стопам родителей.

— А сам ты по стопам родителей не пошел?

---

[17] Примечания: 17

Патинко — популярный в Японии игровой автомат или зал с такими автоматами.

— Мои родители ушли прежде, чем я успел пойти по их стопам. Я тогда учился в первом классе средней школы. Мама с папой ездили на похороны родственника, а мы остались дома. Они возвращались домой, когда их машина столкнулась с превысившим скорость грузовиком на трассе. Машина перевернулась, загорелась… Подробности я уже не слушал. После этого нас растили тетя с дядей.

— Нас?

— Меня и сестру.

— У тебя есть сестра?

— Да. Старшая. Думаю, у нее все хорошо. Она на два года меня старше, так что ей сейчас должно быть тридцать восемь.

— Что? — Сюро едва не подпрыгнул на месте от удивления. — Погодите, выходит, тебе… вам тридцать шесть?!

— Было бы, будь я жив.

— Что?..

Сюро стало жутко. Полутемный бар «Калейдоскоп» и фраза юноши начали складываться в голове в самые леденящие душу картинки.

— Простите, шучу, — замахал руками Рэн. — Да, мне тридцать шесть. Но я с двадцати четырех почти не изменился.

Сюро еще раз оглядел собеседника и понял, что тот и впрямь только выглядит юным, а на деле его юность уже на исходе.

С Сюро была та же самая история. Где-то с двадцати четырех он перестал мужать, и обычно при встрече люди думали, что ему едва ли исполнилось тридцать. Так как Сюро испытывал болезненную неприязнь к процессу старения, ему это даже нравилось, и он радовался, когда его принимали за неоперившегося юнца.

— Порой я думаю о том, чтобы удивить сестру. Заявиться к ней в квартиру и предстать в том же облике, в каком я покинул дом двенадцать лет назад.

— Значит, вы хотите вернуться? — Сюро самому стало смешно от того, как он инстинктивно перешел на вежливое «вы», когда узнал настоящий возраст собеседника.

— Не думаю, что когда-нибудь вернусь. Это лишь фантазия.

— А почему не хотите?

— О, тут все просто. Я быстро впадаю в зависимость от сестры. Такой уж она человек — всех готова выслушать, понять и принять. Возможно, это одна из причин, почему я перестал взрослеть… Хотя нет, это во мне говорит дурная привычка во

всем винить ее. В общем, мне нужно было уйти из дома, чтобы повзрослеть.

Рэн поморщился и будто через силу отпил из бокала.

— Правда, как видите, я нисколько не возмужал.

За стойкой безмолвный, как тень, бармен протирал бокалы — скрип ткани о сухое стекло вторил собеседникам, словно полноправный участник беседы.

Опасаясь, как бы Рэн не перевел тему на него, Сюро отвел взгляд, притворяясь, будто завороженно наблюдает за работой бармена. Но спроси его сейчас Рэн: «А как насчет вашей семьи?» — Сюро, наверное, ответил бы честно: что разыскивает фильмы, где играл его отец, и оценивает их.

Прежде он совершенно не интересовался работой отца, но в какой-то момент в нем проснулось желание скрупулезно изучить его наследие. Сюро сложно было самому рассудить, считать это взрослением или попыткой вернуться в детство. Как детектив, он с легкостью разбирался в перипетиях чужих жизней, но для себя самого оставался неразрешимой загадкой.

— Простите, что не смог помочь, — извинился мужчина, переступивший порог юности.

— Что вы, — помотал головой Сюро. — Зато я понял, что упустил настолько банальный способ, как изучение старых киножурналов.

— А я вот… — Рэн опустошил бокал, — …до сих пор хочу разобраться, как этот фильм попал на хранение в наш кинотеатр.

Сюро с горькой усмешкой подумал, что его новый знакомый, пожалуй, подходит на роль детектива даже лучше, чем он сам.

— Я пойду, — произнес он, обращаясь то ли к Рэну, то ли к безмолвной тени бармена, и положил на стойку деньги за выпивку. — До свидания.

— Вызвать вам такси? — спросил Рэн.

— Не надо, — обернулся Сюро и добавил что-то невнятное вроде «ну ладно» напоследок.

Царящая вокруг темнота стала мягче, но все равно Сюро старался идти по темному проходу как можно ровнее. Пройдя приличное расстояние, он наконец дошел до чего-то деревянного, напоминающего на ощупь дверь… Которая оказалась накрепко заперта.

Приложив все силы, он навалился на нее, толкая обеими руками, будто пытался вытолкнуть наружу сгустившуюся в баре тьму. Но вышло наоборот — сгусток тьмы за спиной обрел че-

ловеческое обличье, и, словно выдворенный руками этого монстра из мрака, Сюро вывалился на улицу.

Хотя, скорее всего, он просто был слишком пьян.

Так или иначе, ему удалось благополучно выбраться из бара. Оказавшись снаружи, он тут же пожалел, что отказался от предложения вызвать ему такси. Сюро пошарил в кармане пиджака, чтобы найти платок и вытереть пот, выступивший на лбу, но вместо ткани кончики пальцев нашарили прохладную карточку.

— Что такое? — вытащил он ее.

«Ночное такси Black Bird», — значилось на карте.

— А, с тех пор…

В тот день после кино ему захотелось прогуляться, поэтому он так и не вызвал такси. Время от времени вспоминал об этом — неловко вышло. Хотелось бы извиниться при случае. Но приедет ли такси в такую даль? Едва ли… А впрочем, чего бы и не попробовать? Сюро уже набрал номер с визитки и даже успел выслушать гудок, но тут на дороге впереди показалась желтая машина такси с горящей табличкой: «Свободно».

Милость небес…

Поспешно сбросив вызов, Сюро вскинул руку, чтобы остановить машину.

*

«Вот ведь… Сегодня совсем глухо», — Мацуи решил отдохнуть и остановился у одной из своих привычных точек для перерыва. Здесь располагалась разворотная площадка для автобусов, за которой прятался маленький парк с туалетом.

Несколько раз в год выпадают ночи, когда ни одного клиента не находится. Сегодня как раз такая.

Токио — загадочный город. Иногда через день случайно подбираешь одного и того же человека, а порой ночью вдруг становится так пусто, что начинаешь сомневаться — точно ли ты в мегаполисе? Даже жутко становится. Чувствуешь себя словно герой фантастического фильма, где все люди исчезли и ты остался один-одинешенек посреди огромного города.

Мацуи заглушил мотор, откинул сиденье назад и, расслабившись, засмотрелся в окно на ночное небо. Ни единой звезды. Конечно, их там всегда бесчисленное множество, но сегодня кажется, будто даже звезды покинули его.

«В такие дни главное — не слишком рас-

страиваться», — напомнил он себе и коротко вздохнул.

Зазвонил мобильный. Мацуи бросил взгляд на экран: номер был незнакомый.

— Кто это, интересно, — пробормотал он, но не успел взять трубку, как звонок сбросили.

«Кто же…»

Обычно по мобильному звонили постоянные клиенты, но их номера у него были забиты поименно, а тут имя не высветилось при звонке. Значит, либо кто-то ошибся номером, либо звонил недавний клиент, которому Мацуи дал визитку. Он вспомнил Канако Фуюки. Она была его самым новым постоянным клиентом, но и ее номер он уже успел сохранить.

«А может…»

Он взглянул на часы.

Время приближалось к двум ночи.

Рано. Слишком рано.

Работать Канако заканчивает около семи утра, а сейчас ее смена в самом разгаре, так что о встрече и думать не приходится. Но Мацуи уже замечтался о том, что неплохо было бы снова позвать ее в любимую столовую. Все равно сегодня клиентов не будет. Такая уж выдалась ночь.

Мацуи нашел номер Канако в контактах теле-

фона, открыл его…

— Нет, — помотав головой, он вернулся на заглавный экран.

Она сейчас в разгаре работы и уж точно не поднимет трубку.

Но постойте-ка… Мацуи еще раз открыл контакт и убедился: под номером личного мобильного был записан еще один десятизначный номер, начинающийся с 03.

— Если вас будет что то тревожить — звоните в любое время на этот номер, — пояснила Канако, когда они обменивались контактами.

Это был номер широко известной среди токийцев «Службы поддержки 03», прозванной «пристанищем страдальцев». Раз у Канако сейчас разгар смены, если ему повезет, именно она ответит на звонок. Тогда он может изменить голос и, не раскрывая своего имени, рассказать ей о наболевшем…

Звучит интересно. Он ведь тоже токиец. Вдобавок Канако сама говорила: «Таксисты, работающие в ночные смены, нам частенько звонят. Похоже, у вас немало забот».

С другой стороны…

Если им удастся еще разок позавтракать вместе, это ведь еще лучше! Наверняка рано или поздно

в разговоре они затронут тему пропавшего брата Канако, и тогда, воспользовавшись моментом, он как бы между делом признается: «Я тоже ищу кое-кого» и впервые поведает другому человеку о той женщине.

Звучит славно! В конце концов, Канако по работе привыкла выслушивать людей и помогать им. Несомненно, и для него у нее найдется хороший совет.

— Честно сказать, я… — начал репетировать речь Мацуи, — никак не могу забыть одну пассажирку, с которой встречался лишь раз. Мне ужасно неловко это признавать, но я мечтаю еще раз увидеться с ней. Понимаю — эти чувства нужно держать в узде. И я никогда не сделаю ничего, что могло бы пошатнуть доверие клиента. Но как мне быть со своими чувствами? Как их усмирить?

Нет уж… Едва ли Канако найдет ответ на такую исповедь. Он лишь поставит ее в неловкое положение.

Забудь.

Но все же…

Нет, надо забыть об этом.

Но все же!

*

Когда Сюро назвал водителю желтого такси свой адрес, тот сразу понял, где это:

— О, знаю-знаю! От полицейского участка в сторону пиццерии, проехать комбини и идзакая, а потом повернуть направо. У меня там раньше друг жил.

На табличке с именем водителя значилось: «Дайске Нагасава», и по его говору Сюро уверенно предположил, что перед ним коренной токиец. На вид водителю лет сорок восемь. Должно быть, он поздно женился и у него маленькая и ужасно милая дочка, на которую он не надышится. Лет пяти, возможно? Об этом Сюро сообщил листочек бумаги, приклеенный к приборной панели, на котором рядом с простеньким рисунком детским неровным почерком было написано: «Папе с любовью».

В свободное время водитель увлекался заучиванием наизусть дорожных карт: он прекрасно знал не только Токио, но и соседние города и даже префектуры и ориентировался на местности так, словно все вокруг было его личными угодьями. Более того, он держал в памяти информацию, полученную из журналов, радиопередач и бесед

с клиентами, благодаря которой мог комментировать места, мимо которых проезжает: где что находится, где что происходило. Это было поразительно — казалось, матерый водитель знает все на свете. Одно за другим он представил Сюро примечательные места по дороге: лавку со вкусным раменом, круглосуточный супермаркет и личную резиденцию известного политика с консьержем при входе.

— А лавку собы «Даймон» вы знаете? — назвал Сюро место, куда раньше часто заглядывал.

— Конечно, — мгновенно ответил водитель.

— А кафе «Флаг»? — продолжил Сюро.

— Разумеется, — водитель назвал по памяти не только адрес заведения, но даже его телефон.

— А как насчет столовых?

— О, я помню более шестисот разных столовых. Если назовете ваши предпочтения — могу выбрать подходящую и отвезти вас туда.

— Правда? — Сюро не собирался никуда заезжать, но следующие слова сами сорвались с губ: — Есть такая столовая в районе станции Акабанэ-Ивабути, «Кухня Аи». Я давненько там не бывал, но хотел бы еще раз поесть их комбо с яйцом и ветчиной…

— О, то заведение закрылось, — уверенно от-

ветил водитель. — Женщина, которая держала «Кухню Аи», открыла новое место вместе с тремя подругами. Отличная столовая. Находится на перекрестке в районе Кататоки, поэтому так и называется: «Перекресток».

Вообще-то Сюро уже знал, что заведение Аяно закрылось. Он обнаружил это, когда бродил по своим старым адресам, и эта новость его обескуражила. Почему-то он вбил себе в голову, что «Кухня Аи» по-прежнему работает и Аяно до сих пор бодро готовит где-то комбо с яйцом и ветчиной. То есть она наверняка до сих пор готовит. Просто открыла где-то новое заведение. Сюро искренне верил в это.

— Кататоки, значит…

— Хотите заехать? — подхватил водитель. — Место замечательное. И работает в ночь, поэтому популярно у водителей. Я сам иногда заглядываю туда.

— Раз так… Давайте туда, — ответил Сюро, изобразив сомнение.

Он уже успел основательно проголодаться, и разговор с водителем только подогрел аппетит… Хотя и это лишь предлог. На самом деле Сюро хотел еще раз увидеться и поболтать с Аяно.

Выглянув в окно, он поднял глаза на темное

токийское небо.

Ни звездочки.

Синяя лестница

Уже час ночи.

Во сколько ложиться, во сколько вставать? Когда день начинается, а когда заканчивается? Если работаешь ночными сменами, границы времени размываются. Аяно уже привыкла работать в столовой ночами, но в выходные чувствовала себя совершенно потерянной. Она высыпалась к вечеру, и, пока переделывала скопившиеся дела, время подходило к полуночи. В результате повидаться с друзьями толком не удавалось.

Если Аяно обязательно надо было с кем-то встретиться на выходных, она дремала совсем чуть-чуть и заставляла себя бодрствовать днем. Но стоило ослабить самоконтроль — и ты уже все проспала. Тем более что в выходные она спала дольше обычного. В итоге, когда выпадало свободное время, уже наступала ночь, а в такое позднее время не спала лишь одна ее подруга — Итико.

Итико жила в Симокитадзаве и зарабатывала на жизнь тем, что мастерила украшения на дому. Часто она работала до поздней ночи, потому и выбрала этот район — в Симокитадзаве можно

перекусить в любое время суток, и рядом с ее домом располагалась оживленная торговая улочка.

Аяно на автомате покинула квартиру и вышла на улицу. Хотелось повидаться с Итико, да и поесть тоже. Но больше всего просто пройтись.

От района Сасадзука, где жила Аяно, до Симокитадзавы минут двадцать быстрым шагом. Кратчайший путь шел по прямой на юг через жилые кварталы, но эти улицы почти не освещались и ночью там было темно и неуютно, поэтому обычно, когда Аяно шла к Итико, они созванивались и Аяно докладывала в реальном времени: «Я уже вышла», «Подхожу к улице Инокасира», и так до конца пути.

Вот и теперь она достала телефон и привычно нашла в контактах номер подруги.

— Да? — сонно ответила Итико.

— Не спишь? — уточнила Аяно.

— О, привет. Где ты? — голос Итико звучал так близко, словно она шагала рядом.

— Подхожу к Инокасире.

— Дождя нет?

— Дождя?

Аяно подняла голову к небу. На нем не было ни облачка, ни звезды — полная пустота.

— Нет…

— У тебя сегодня выходной?

— Ага. Проснулась уже к ночи, когда идти особо некуда…

За беседой Аяно вышла на улицу Инокасира, по которой туда-сюда проезжали машины.

— О, уже на Инокасире, да? — радостно заметила Итико. — Слышу шум машин.

— Как раз перехожу, — сообщила Аяно, ступая на перекресток. Затем доложила: — Перешла.

Шум машин остался позади. Не сбавляя шага, Аяно продвигалась вперед.

— Слушай… Я и раньше об этом думала. Не опасно ли идти вот так, за разговором? — заметила Итико.

— Все нормально. Я внимательно смотрю по сторонам.

— А со мной болтаешь на автомате?

— Ага. Не переживай.

Аяно старалась поддерживать диалог беспрерывно. Едва он стихал, как темнота вокруг начинала сжиматься, подступая со всех сторон.

— А я вот сделала паузу в работе, — со вздохом призналась Итико.

— Правда?

— Устала что-то… И заказов стало сильно меньше. Если и дальше так пойдет, станет нечем

платить за аренду квартиры. Скоро надо будет что-то решать.

— Значит, ты сейчас не за работой?

— Ага. Спала. Ой, я же сейчас дома, в Сикоку!

— Как?..

— К родителям вернулась. Решила обсудить с ними будущее, раз уж с работой не складывается.

— Погоди. То есть ты не в Симокитадзаве?..

— Ага…

— Но ведь только что про Инокасиру говорили…

— Прости. Со сна запуталась. Меня твой звонок разбудил, и я по привычке болтать принялась, совсем забыла, что ночую у родителей.

Аяно показалось, что на улице резко похолодало. Она еще ускорила шаг.

До торговой улицы осталось немного, однако пока ее окружали тихие жилые кварталы. Аяно разрывало желание продолжить беседу, но она растерялась, не зная, о чем говорить. Обычно за беседой ни о чем она доходила до квартиры Итико. «Все, я пришла. Поднимаюсь к тебе. Уже почти у двери. О, все, вижу тебя», — Итико всегда встречала ее, распахнув дверь, и Аяно охватывало спокойствие, когда она приближалась к залитой

светом квартире подруги. Слова «Я сейчас в Сикоку» застали ее врасплох, как гром среди ясного неба. Она вдруг ощутила себя брошенной.

— Подожди, — осмыслила происходящее Аяно. — Не клади трубку, пожалуйста, пока я не дойду до торговой улочки.

— Конечно-конечно.

Итико лучше всех знала, как тревожно Аяно ходить по темным улицам одной.

— Ты в последнее время встречалась с друзьями?

— Ага. Недавно с Харукой пересекались. Так удивительно. Она теперь настоящая актриса.

— Уже дебютировала?

— Нет, но ее взяли на роль, и съемки скоро начнутся.

«Ну и темный же район», — захотелось посетовать Аяно. Она с рождения страдала ночной слепотой и поэтому в темноте ничего толком не видела.

— Большое кино, значит… Потрясающе.

— Но, похоже, все непросто. Она очень волнуется.

— А у тебя как все идет?

— У меня? Ты про работу?

— А есть еще новости?

— Мм?

Аяно осознала то, о чем прежде как-то не задумывалась. А ведь Итико права. С тех пор как Аяно занялась своим делом, она рассказывала друзьям только о работе и ни о чем больше. Прежде они болтали и о личной жизни, но в последнее время фраза «Как все идет?» у нее соотносилась только со столовой. Но сегодня-то Аяно захотелось увидеться с Итико и поболтать совсем по другому поводу. На работе у нее все шло гладко — и обсуждать нечего.

— Все нормально? — Итико чуть повысила голос, встревоженная паузой.

— Да-да, все хорошо. Немного задумалась.

— О чем?

— Пыталась сообразить, о чем я думала только что.

— Ну ты даешь!

— Да уж…

Аяно вдруг вспомнила Тасиро, который когда-то заказывал в ее старом заведении комбо с яйцом и ветчиной.

— Ой, подожди-ка…

— Что еще? — в голосе Итико зазвенело беспокойство.

— Я, похоже, заплутала…

— Как? Тебе ведь до торговой улицы все время прямо идти!

— Ага. Но я все иду, иду, а ее никак нет, и рядом какое-то странное темное… заведение… Я его раньше не видела. О, и оно работает, похоже.

— Кафе или бар?

— Нет, что-то другое.

Аяно подошла ближе и рассмотрела вывеску.

— Написано «Ибараки». Знаешь такой магазин?

— Впервые слышу. Куда это ты забрела?

— Понятия не имею…

Загадочный магазин «Ибараки», появившийся словно ниоткуда, захватил внимание Аяно. Ей стало любопытно.

*

— Ладно, до связи.

Услышав с улицы женский голос, Ибараки поднял голову и обнаружил в дверях миниатюрную незнакомку со встревоженным выражением лица. Эта женщина в его магазине впервые.

— Добро пожаловать, — мягко поприветствовал он.

Женщина вздрогнула и повернулась на голос, но темнота в магазине для нее не слишком отли-

чалась от тьмы на улице.

— Здравствуйте, — тихонько пискнула она в ответ и коротко поклонилась вслепую.

Ибараки, как обычно, незаметно окинул клиентку коротким оценивающим взглядом.

«Скорее всего, она понятия не имеет, что это за магазин».

Погладив забинтованный большой палец, он заговорил с женщиной, хотя редко первым вступал в беседу с посетителями.

— Понимаете, у меня тут…

— Магазин подержанных вещей, да? — Аяно с интересом оглядела полки, хотя с трудом могла рассмотреть их.

«Надо же», — Ибараки невольно собрался, подметив, как точно Аяно подобрала слова.

Чаще всего клиентки выбирали выражение «антикварная лавка», но Ибараки никогда не позиционировал свое заведение таким образом. Он и сам не знал толком, как его назвать, но, если уж выбирать, использовал бы именно «магазин подержанных вещей». Вещи он продавал действительно подержанные. Потому Ибараки и грезил о том, чтобы дарить им новую жизнь, новое назначение. И именно в этом видел миссию своего магазина. Эти мечты и вдохновили его

открыть свое дело.

Тем временем Аяно гадала, не затянуло ли ее в сюжет загадочной истории.

«Я ведь была так близко к торговой улице…»

Разве не странно обнаружить в темном жилом квартале магазин подержанных вещей, открытый посреди ночи? Уж не сон ли это?

Учитывая накопившуюся усталость и то, как быстро она проваливалась в сон… Аяно совсем не чувствовала себя проснувшейся, когда покинула дом и позвонила Итико. Еще и странная история с отъездом подруги. А ведь Итико всегда категорично заявляла, что ни за что в родной город не вернется.

— Скажите… — глаза Аяно немного привыкли к темноте, и она разглядела белеющее во мраке лицо Ибараки за стойкой. Как бы сформулировать поосторожнее… — Это место, ну… Оно словно ночные грезы…

— Да? — внутри Ибараки все сжалось, но он сохранил внешнее спокойствие.

«Какая проницательная!»

Он ведь как раз размышлял о том, как его грезы о благородной миссии стали отправной точкой для открытия магазина. Формулировка немного странная, но, по сути, незнакомка попала в

цель[18].

— Да, все так и есть, — просто ответил Ибараки.

— Так я и думала.

Ответ Ибараки успокоил Аяно. Точно, она спит и видит сон. Будь происходящее реально — впору было бы испугаться. В глубине магазина за стойкой сидел мужчина с белой повязкой на правой руке — только она и выделялась в окружающей полутьме. А ведь у Аяно на той же руке почти такой же бинт. На палках расставлены диковинные вещи — толком не разглядеть, но явно старинные. Все слишком напоминает сон. Не может такого происходить в реальности.

А вот Ибараки воспринял просветлевшее лицо Аяно и ее слова «Так я и думала» совершенно иначе.

«Наконец-то», — с горячностью подумал он. Как давно он мечтал об этом дне! Как долго искал!

Образ мышления и поступки Ибараки выглядели чудаковато в глазах большинства. Но он всегда надеялся, что найдется кто-то, кто поймет его. Кто станет сподвижником, а если то будет женщина — даже потенциальным партнером по жизни.

---

[18] Примечания: 18

Диалог построен на том, что в японском языке, как и в английском, есть общее слово для понятий «сон» и «мечта» (юмэ).

Эта посетительница не просто поняла его. Она даже не удивилась! Слова слетели с ее губ так легко, будто те же мысли уже давно занимали ее саму и она искала того, кто разделяет их.

— Но тогда… — Аяно сделала шаг вперед, подходя ближе. — Получается, мы… А, простите… Как вас зовут?

— Ах да. Ибараки.

— Как магазин, значит! Получается, мы с вами грезим об одном?..

— Полагаю…

Сердце Ибараки заколотилось еще быстрее. Какой тонкий выбор слов! «Грезы об одном». Точно! Те, кто идет по жизни вместе, должны грезить об одном и том же. Лучше и не скажешь.

— Думаю, так и есть, — кивнул Ибараки. Кажется, голос его при этом предательски дрогнул.

— Надо же…

Сощурившись, Аяно заметила что-то большое рядом с Ибараки. Ее взгляд невольно переместился туда. С волнением отследив его, Ибараки подхватил:

— Ах, это. Это лестница.

— Лестница?

— Ага. Точнее, ступени лестницы. Доски, на которые мы наступаем, когда поднимаемся и

спускаемся. Мой знакомый снес свой старый дом, и лестница стала ему не нужна, вот я ее и забрал. Уверен, они будут хорошо продаваться.

— Ступени лестницы?..

— Да, — Ибараки приподнял одну из досок и показал Аяно. — Их всего четырнадцать. Я пронумеровал их снизу вверх, вот, взгляните.

Он продемонстрировал число «14», написанное карандашом на краешке доски сантиметров шестьдесят длиной.

— Это четырнадцатая ступенька. Последняя перед пролетом второго этажа.

— Значит, дом был двухэтажный?

Аяно зачарованно осмотрела доску.

«Вот это сон», — покачала она головой. Теперь сомнений не оставалось. Разве будет кто-то в реальности продавать ступеньки от лестницы?..

Она подметила, что время на местных часах приближается к двум ночи. Часы висели на стене, и, присмотревшись, Аяно заметила: у них две секундные стрелки. Ничего удивительного для сна. Она с любопытством поинтересовалась:

— Скажите, а зачем у этих часов две секундные стрелки?

«Браво!» — возопил про себя Ибараки. Никто прежде не замечал эту деталь. Иногда кто-то

интересовался ценой часов, но даже эти клиенты не обращали внимания на две стрелки.

— Ах, эти часы, — от волнения голос Ибараки зазвучал чуть выше обычного. — Я назвал их «двойные часы». В них два механизма совмещены в одном корпусе.

— Два механизма?

— Да. Изначально эти часы все время отставали на пятнадцать минут, как ни бейся. Поэтому я попробовал добавить к ним механизм от других часов и дополнительную секундную стрелку. Те часы, которые я добавил, всегда спешат на пятнадцать минут. По моей задумке, если совместить часы, которые опаздывают на пятнадцать минут, с теми, что спешат на пятнадцать минут, получатся часы, показывающие идеально точное время.

— Вот оно что.

Все в этом сне было чудным, но, когда понимаешь, что спишь, легко примириться с любыми странностями.

— Совместными усилиями два механизма показывают правильное время.

«А ведь логично!» — восхитилась Аяно. Когда плюс встречается с минусом, на выходе получается ноль. Так же и когда встречаются люди

с разными характерами, они могут идеально дополнить друг друга. Вовсе не обязательно быть похожими во всем, чтоб ладить.

От этой мысли на душе стало веселее.

Жаль только, что наверняка она забудет все, когда проснется. Такая уж это штука — сны. Даже когда в них вдруг осознаешь что-то важное, все равно, проснувшись, напрочь забываешь об этом. Помнишь только сам момент озарения и то, как это было приятно.

«Вот бы подольше не просыпаться…» — подумала Аяно. Как здорово было бы, будь реальность такой же интересной, как этот сон.

*

Тем временем.

Желтое такси с Тасиро, знаменитым детективом Сюро, на пассажирском сиденье подъехало к столовой «Перекресток».

Небо над головой было пустым — ни звездочки.

Слушая, как уезжает прочь желтая машина, Сюро остановился у входа и сквозь стеклянную дверь заглянул внутрь. За стойкой стояли женщины — одна, вторая, третья…

Три женщины.

Судя по рассказу водителя, столовой заправляли четыре — получается, одной на месте нет.

Чутье Сюро уже подсказало ему, что будет дальше. Он расслабился и как обычный посетитель спокойно зашел в столовую.

— Добро пожаловать!

Действительно — всего трое. Может, она на время отошла, может, сегодня у нее выходной… Но, если верить водителю, четвертая, отсутствующая сейчас, владелица столовой — Аяно.

Сюро бросил взгляд на меню, висящее на стене. Как и предполагалось. Едва сдержав радостное: «Ура!» — он кивнул сам себе и решительно подошел к стойке:

— Мне комбо с ветчиной и яйцом.

*

Тем временем.

Мацуи, который ехал не на желтом такси, а на такси цвета ночного неба, после долгих колебаний все же решился позвонить в «Токийскую службу поддержки».

Пусть он и терзался вопросом «звонить или нет» так долго, что случайный наблюдатель схватился бы за голову, он не надеялся особо, что ему ответит Канако. Она подробно рассказала ему в

прошлую встречу о том, как работает система. Операторов много, и звонки поступают беспрерывно. Поэтому вероятность, что Мацуи ответит именно Канако, чрезвычайно мала.

«Но вдруг…» — думал он.

Если трубку возьмет Канако… Если есть некое божество, что прислушается к мольбам Мацуи, и он сможет предложить ей поесть вместе еще разок… Тогда наверняка его желание будет исполнено. Ведь так и работает судьба — что-то кажется непреодолимым препятствием, но стоит прорваться одним махом через преграду, и она тут как тут — милостиво улыбается тебе.

Мацуи искренне верил в это со всем возможным оптимизмом, хотя при первом взгляде большинство сочло бы его пессимистом. Именно поэтому, когда он услышал в трубке голос Канако: «Здравствуйте, с вами говорит оператор „Токийской службы поддержки 03“», он был твердо убежден — сегодня они точно вместе поедят. Однако…

— Прошу прощения, сегодня у меня уже есть планы.

Короткий ответ Канако поставил жирный крест на слове «СУДЬБА», которое огромными буквами вспыхнуло у него в сознании.

Да уж, не зря сегодня на небе ни звездочки.

*

Тем временем.

На втором этаже «Хранилища мелкого реквизита» был запасной вход с внешней лестницы. Когда Мицуки хотелось побыть одной, она выходила на лестницу и сидела на ступеньках, дыша свежим воздухом. Вот и сегодня ей захотелось сбежать от всего в это заветное место. Открыв дверь, она вышла на лестничную площадку. Холодные металлические перила синели в темноте.

Мицуки подняла голову.

На небе ни звездочки. Вдобавок перегорела лампа, которая обычно включалась при открытии двери автоматически.

Не только лестница — воздух вокруг казался синим. Оказавшись снаружи, и Мицуки окрасилась в тот же цвет. Присев на ступени, она погрузилась в эту бескрайнюю синеву.

«Вот если бы я курила…» — подумала она.

В такое моменты Мицуки никогда не знала, чем бы себя занять. Обычно она доставала телефон, но сегодня ей хотелось сделать что-то прежде, чем звонить.

А если честно — ей вообще пока звонить не

хотелось.

Вот-вот половина третьего ночи — пора будить Коити, чтобы он успел собраться и сонным приступить к утренней доставке газет. Только вот если звонить прямо сейчас — встретишь жалобное: «А так хотелось еще пять минуточек поспать». Так что еще пять минут. Надо подождать пять минут, а потом уже звонить.

Мицуки попыталась прокрутить в голове то, что хочет сказать.

Ей о многом хотелось поговорить, но слова не складывались. Да и вообще ей никогда не удавалось самостоятельно упорядочить мысли. Гордиться тут, конечно, нечем…

Обычно Мицуки раз за разом прокручивала несвязанные мысли в голове, а приводила их в порядок, пока рассказывала что-то Коити. От него при этом говорить не требовалось. Рассказчик из него вообще был никудышный. Но вот слушать, как ни странно, он умел.

«Это все потому, что я вечно переспрашиваю его и привожу в порядок его бессвязные истории…»

Потому-то и выходит, что Коити не приходится говорить, помогая Мицуки собраться с мыслями. Она самостоятельно умеет упорядочивать их, пока что-то ему рассказывает. Но все равно

для этого ей жизненно необходим молчаливый слушатель.

И вот что Мицуки хотелось донести сегодня.

«Коити, знаешь, ты мне нужен… Но когда речь заходит о женитьбе — я впадаю в ступор. Это ведь такое важное решение, определяющее дальнейшую жизнь, и я не могу принять его вот так запросто. Но мне кажется, что судьба в основном складывается не из тех решений, которые мы принимаем, а из тех, которые мы так и не смогли принять. У меня ведь и с работой так же. Я пришла сюда, потому что хотела работать с крупным реквизитом, но как только вошла в хранилище мелкого, так тут и застряла.

Видишь ли, Коити… Я вот что хочу сказать касательно судьбы… Помнишь, когда мы впервые встретились, — я тогда пришла брать у тебя интервью, и ты отвечал на мои вопросы с такой горячностью. Поначалу твоя речь была бессвязной, но в какой-то момент ты выдал: „Возможно, вороны — это души умерших. Они собираются в Токио, потому что в этом городе умирает много людей. И живут здесь, так как скучают по прежней жизни“ Помнишь, как ты сказал это? Эти твои слова в тот же самый миг привели меня сюда — к моменту, когда я размышляю,

выходить за тебя замуж или нет.

С тех пор как кольцо застряло на пальце, я думаю — ну, значит, так тому и быть, а порой вновь начинаю сомневаться…

Я не знаю».

Мицуки повесила голову.

Пять минут прошли.

Звезды смотрят с небес

Старые часы показывали час ночи.

«Но… — задумалась Аяно. — Сейчас ведь уже больше часа… Сколько, интересно, на самом деле времени?»

Конечно, можно достать мобильник и посмотреть время… Но Аяно подозревала, что спит, а в этом случае какая разница, сколько времени?

Ибараки, владелец магазина, заявил, что «двойные часы» показывают правильное время, но и это во сне не проверишь.

— Скажите… — Аяно вознамерилась сделать все, что хочется, чтобы не жалеть по пробуждении об упущенном. — А вы продаете эту лестницу?

— Разумеется, — Ибараки чуть нахмурился, и на лице у него мелькнуло замешательство.

— Тогда дайте ей имя прямо сейчас, пожалуйста.

Обычно Аяно были несвойственны такие категоричные просьбы, но сегодня она решила отбросить робость и говорить прямо.

— А когда вы дадите ей имя, я ее куплю.

— Правда?

Тут уже Ибараки начал сомневаться — уж не спит ли он? Впрочем, он все равно как раз размышлял над именем лестницы.

— Хорошо.

Он прикрыл глаза и задумался. Это была его методика — закрыть глаза и использовать первое, что придет на ум.

«Сколько еще ступеней? — спросил он то ли у себя, то ли у Аяно, и довольно кивнул. — Идеально».

— Готово, — Ибараки открыл глаза. — У каждой ступени свое название. Они подписаны по номерам снизу, видите? Всего их четырнадцать. Поэтому двенадцатая ступень называется «До второго этажа три ступени». Соответственно, тринадцатая — «До второго этажа две ступени», четырнадцатая — «До второго этажа одна ступень» и так далее. Какую ступень вы хотели бы приобрести?

На этот раз Аяно прикрыла глаза и задумалась. Потом испугалась — а вдруг она проснется, когда откроет глаза? И затараторила:

— Знаете, я уже долго поднимаюсь…

— По лестнице? — попытался уловить нить разговора Ибараки.

— Да. Можно сказать и так. Иду по лестнице,

чтобы попасть… Ну, скорее не на второй этаж, а просто в другое место. Долго поднимаюсь…

— Вот как.

— Мне уже давно нравится один мужчина.

— А?.. — коротко ахнул Ибараки и потер занывшее основание большого пальца.

— Он пропал из виду прежде, чем я успела решиться на что-то… И мы уже давно не виделись. Но недавно я случайно узнала, чем он сейчас занимается.

Собственный голос показался Аяно чужим. Почему она рассказывает о своих чувствах незнакомцу, которого видит впервые? Это ведь совсем не в ее характере. Она всегда стремилась спрятать свои истинные чувства от всех. Пусть это и сон, все равно странно, как уверенно и ясно зазвучала ее история. Аяно сама поразилась тому, как, оказывается, сильны ее чувства. Но стоило ей заметить это, как сомнения исчезли.

— Поэтому мне нужна ступень, которая называется «До второго этажа одна ступень». Я куплю ее.

— Понимаю. Как скажете, — легко ответил Ибараки.

«Мне все пригрезилось, — смиренно подумал он и кивнул, утешая себя. — То были лишь слад-

кие грезы…»

Сейчас он стоит в самом низу лестницы. На лестничной площадке, обозначенной: «До второго этажа четырнадцать ступеней». Наверняка эта самая далекая ступень останется непроданной. Ну и пусть. Он продолжит грезить, и грезы эти поддержат его на нелегком пути. Продает он пусть подержанные, но вещи, которые еще могут послужить кому-нибудь верой и правдой, и пока он помнит об этом и жаждет найти применение каждой, его дело будет дарить радость.

Ибараки наклеил на ступень «До второго этажа одна ступень» ценник в пятьсот иен.

— Вот, прошу.

Специально для Аяно, сияющей предвкушением, он завернул доску в синюю оберточную бумагу, хотя из-за больной руки это заняло больше времени, чем обычно.

— Она ваша, — протянул он доску покупательнице, закончив с оберткой.

Аяно все больше удивлялась тому, что никак не просыпается. Она достала монетку в пятьсот иен. Подумать только, всего за одну монету она получила последнюю ступеньку перед вторым этажом.

«Ну, это ведь сон», — подумав так, она приняла

синий сверток.

— Спасибо огромное!

— Не за что.

Провожаемая взглядом Ибараки, Аяно вышла на улицу и, прижав к груди ступеньку «До второго этажа одна ступень», подняла глаза к темному пустому небу. Присмотревшись к темно-синей, на границе черного, глади, она нашла на западе крохотную звездочку, тускло мерцающую во мраке.

«Как раз над „Перекрестком“», — осенило ее.

Раз уж Итико нет дома, единственное пристанище, куда она может пойти посреди ночи, — это «Перекресток». Да и направление понятно. Только вот Аяно совершенно не понимала, как через закоулки Симокитадзавы добраться до района Кататоки, где находилась столовая. Единственным ориентиром оставалась одинокая звездочка в небе.

«Попробую идти к ней», — зашагала вперед Аяно. Подспудно ее терзала мысль: «Что я вообще творю?» Она ведь всегда боялась ходить по темным улицам, потому и отвлекала себя болтовней по телефону. Но сейчас голос Итико не сопровождает ее. Вдобавок пройти придется куда более длинный путь, чем обычно. Какое безрассудство!

«Но у меня ведь есть последняя ступенька, —

напомнила она себе. — Последняя до второго этажа».

Пусть ступенька была всего одна, она оказалась весьма увесистой. Тяжелая ноша и приличное расстояние стали немалой нагрузкой, быстро отозвавшейся в ногах и спине. Вдобавок вокруг было ужасно темно. И ладно бы только это… Идти по темным, но хорошо знакомым местам это совсем не то же самое, что идти во тьме по абсолютно незнакомым улицам.

Возможно, сказался страх, но Аяно казалось, что фонарей вокруг гораздо меньше, чем обычно. Все, кроме нее, словно утонуло в непроглядной тьме, и она шагает по единственной дорожке, едва различимой во мраке.

*

Сколько она так идет?

Усталость охватила все тело, и Аяно уже пожалела о решении идти пешком, когда неожиданно вышла из лабиринта жилого квартала на широкий проспект — будто туман вокруг неожиданно расступился.

Даже в это позднее время по улице проносились туда-сюда машины.

Знакомый светофор с подписью «Район Катато-

ки» на столбе привычно мерцал на перекрестке, сменяя цвет с красного на зеленый и обратно.

Аяно всегда приезжала сюда другой дорогой на велосипеде, и теперь, когда вышла на столовую с непривычной стороны, облик «Перекрестка» показался ей незнакомым. Здание выглядело с этого ракурса таким маленьким и хрупким… И все равно уверенно стояло на своем месте, и окна его приветливо светились. Сердце Аяно наполнилось гордостью и нежностью.

Она пересекла дорогу, подошла к столовой и, толкнув раздвижную дверь, заглянула внутрь. Надеялась проскочить тихо, чтобы никто не заметил, но тут же встретилась с изумленными взглядами Фумины и Кисы за стойкой. Затем ее заметила и Ёриэ, прибиравшая на столах. На лице ее отразилось то же удивление.

— Чего это ты? — почти одновременно произнесли женщины.

— У тебя же сегодня выходной?

— Что-то случилось?

— Ты такая растрепанная, все нормально?

— Все хорошо, — Аяно то кивала, то качала головой, пытаясь ответить сразу на все. — Сама не знаю, как так вышло. Просто захотелось прийти.

— Как жаль, — цыкнула языком Киса. — К тебе

приходили, но вы разминулись.

— Да? А кто? Харука?..

— Мужчина. Он с аппетитом съел комбо с яйцом и ветчиной и оставил визитку. Вот, держи.

— Как?.. — когда Аяно увидела визитку с именем Тасиро, время вокруг словно остановилось. Она не сразу поняла, что произошло, и замерла на месте, глядя на бумажный квадратик у себя в руках.

— Он попросил передать тебе, что будет рад, если ты с ним свяжешься. Такой красавчик! Кто это?

Перевернув визитку, Аяно нашла на ней адрес и номер телефона.

«Неужели это все же сон?.. Он с аппетитом съел комбо с ветчиной и яйцом?..»

Аяно с благоговением подумала о крошечной звездочке, сияющей над ее головой.

*

«Если бы…»

Сев за барной стойкой и отпив любимого сауэра с лимоном, Канако прислушалась к своим чувствам.

Если бы сегодня она не заканчивала смену пораньше, она без сомнений согласилась бы на

предложение Мацуи поесть вместе. Да, точно. Он ведь такой приятный мужчина — настоящий джентльмен, готовый примчаться за ней куда угодно по одному телефонному звонку.

Как не очароваться?

Вдобавок он позвонил как обычный пользователь службы поддержки и — кто бы мог подумать — попал именно на нее. А ведь вероятность такого совпадения была ужасно мала. Может, говорить о судьбе пока рано, но, несомненно, она тут свою роль сыграла.

К тому же в той столовой действительно была очень вкусная еда — еще один повод с радостью согласиться на предложение.

А может, все дело в том, что Мацуи вез ее на своей красивой машине и рассказывал о том, в какое замечательное место они направляются? Потому все и показалось таким вкусным?

Даже если так. Все равно было вкусно. Канако с удовольствием поела бы там еще раз, и еще. Поэтому отказ дался ей нелегко. Но именно этой ночью…

— Мне кажется, безответственно было бы не прийти сюда.

— Да? — барменша слушала Канако вполуха. — Я не все поняла, но разве дело в этом? Может,

ты просто растерялась, услышав неожиданное приглашение? Там и без тебя управились бы.

— Правда?

— Конечно. Подумаешь, утилизация телефона.

Примерно неделю назад барменша завела с Канако разговор о здешнем стационарном телефоне — розовом и миленьком. «Им уже никто не пользуется, надо бы избавиться», — объяснила она и спросила:

— Ты, случайно, не знаешь, к кому обращаться в таких случаях? Он ведь у нас приметный, такой никому не нужен. Я поспрашивала, конечно… Но сама на него посмотри, — она ткнула пальцем в яркий аппарат. — Он мне еще от прошлой владелицы достался. Судя по всему, она приобрела его с рук, а не арендовала у телефонной компании, поэтому и мне туда не обратиться… Короче, я подумала, что наверняка ты в курсе, что и как делают с телефонами.

— Хм… — задумалась тогда Канако. — Вообще я не слишком разбираюсь в таком, но совсем недавно у нас как раз утилизировали один старый телефонный аппарат.

— Ой, правда?

— Ага. Его забрала женщина из компании, которая занимается чем-то вроде телефонных

похорон.

— Ого. Звучит любопытно.

— Да. Наверное, можно обратиться к ней…

Канако передала хозяйке бара контакты Мориидзуми из компании по утилизации телефонов, та связалась с ней, и в итоге на сегодняшнюю ночь было назначено время визита. Ради него Канако заранее договорилась уйти со смены пораньше и обещала заглянуть в бар.

Конечно, от нее здесь ничего не требовалось. Она лишь передала контакты нужного человека, поэтому речи об ответственности тут были бы не к месту. Канако могла спокойно позвонить в бар и сообщить, что прийти не сможет, так как появились дела. Скорее всего, она и впрямь, как подметила барменша, использовала чувство ответственности как предлог, чтобы отказаться от неожиданного приглашения, потому что не знала, как на него реагировать.

— Сколько там времени?

— Вот-вот придет.

Когда Канако допила лимонный сауэр, барменша шустро приготовила вторую порцию и со звяком поставила ее на стойку перед ней. Этот звяк словно послужил условным сигналом — почти одновременно с ним дверь бара отворилась.

— Здравствуйте, — поздоровалась Мориидзуми из компании по утилизации телефонов.

— О!

Канако подняла руку и на автомате помахала ей. Мориидзуми ответила коротким «А!» — и приветственно кивнула без особых расшаркиваний.

— Вы ведь из операторского центра, да?

— А вы сегодня не в траурной одежде, — в тон ей заметила Канако и указала на место по соседству. — Хотите выпить?

— Нет, я ведь на работе, — энергично помотала головой Мориидзуми.

— Прошу, не стесняйтесь.

— Увы, но нет.

Спустя какое-то время препирательств Мориидзуми не выдержала напора Канако и со словами «Ладно, если только безалкогольное» присела рядом у стойки.

— А вы, Фуюки, смотрю, уже давно тут сидите, — неожиданно строго заметила она.

— Ой, вы помните, как меня зовут? — радостно заулыбалась Канако.

Мориидзуми была совершенно права — Канако уже успела слегка опьянеть, и эта улыбка невпопад лишь подтверждала это.

— Наверное, — сообразила Мориидзуми. — Это

вы подсказали мои контакты?

— Ага!

Канако была так рада, что Мориидзуми запомнила ее имя, несмотря на то что едва ли их первая встреча была такой уж приятной, что, поддавшись порыву, спросила невпопад:

— Как идут дела? Компания процветает?

— Все ровно.

Быстро сориентировавшаяся хозяйка заведения уже поставила для Мориидзуми на стойку тот же коктейль, что пила Канако, но без алкоголя. Они чокнулись. Мориидзуми сначала принюхалась к стакану, чтобы проверить, есть ли там спиртное, бросила подозрительный взгляд на барменшу и только после осторожно отпила.

«Вот поэтому я и не люблю работать с барами», — подумала про себя Мориидзуми. Впрочем, не то чтобы ее все время приглашали выпить. Да и заказ на сегодня был последним…

— Вот я и дала слабину, — пробормотала она себе под нос.

— М? — переспросила Канако.

— Дела идут не то чтобы блестяще. — Мориидзуми поставила бокал на стойку. — Но заказы на утилизацию телефонов поступают стабильно.

— Да? — барменша бросила короткий взгляд на

розовый телефон на краю стойки.

— Этот, значит? — проследила Мориидзуми за ее взглядом. — Раньше они у всех были…

Барменша и Канако были немного младше, но тоже засмотрелись на телефон.

— Любопытное дело, — заметила барменша, переводя взгляд с Канако на Мориидзуми и обратно. — Получается, одна из вас целыми днями работает, отвечая на телефонные звонки, а другая занимается тем, что обрывает телефонную связь.

— О… — одновременно отреагировали обе.

— Я вот понимаю тех, кто хочет сохранить стационарный телефон. Ате, которые заказывают утилизацию, какие это люди обычно? Хотя я и сама в их числе…

— Ну, — неловко хмыкнула Мориидзуми. — Очень разные, да и обычно я не вдаюсь в причины, по которым люди хотят отказаться от телефона… По моему ощущению, большинство просто перешло на мобильные, и стационарный аппарат занимает место без надобности. Хотя многие сомневаются в своем решении до последнего.

— А кто-то, наоборот, твердо решил избавиться от телефона?

— Да. Некоторые заявляют, что хотят таким образом оборвать контакты.

— Вот, значит, как…

— Те же, кто сомневается, в глубине души жаждут сохранить старые связи. Остаться в доступе.

— Понимаю!

— Недавняя моя клиентка была из таких. Но она заявила, что, если не разорвет связь, не сможет двигаться дальше.

— Куда же она движется, интересно?

— Кто знает…

Слушая краем уха Мориидзуми, Канако вдруг поняла, что, возможно, нашла тот самый последний кусочек пазла, что так давно искала.

«Неужели это оно?»

Есть те, кто жаждут встречи и потому идут прямиком к тому, кого хотят повидать. Есть те, кто жаждут встречи, но откладывают ее на потом. Есть те, кто жаждут встречи, но запрещают себе даже думать о ней. И те, кто жаждут встречи, но больше не могут увидеться…

Если так подумать, то и желание увидеться у всех проявляется по-разному. Вот, например, сегодня она хотела повидаться с Мацуи, но, когда он предложил встретиться, не смогла ответить согласием. Не потому, что не желала встречи, — просто ей показалось, что, если она прямо сейчас увидится с ним — потеряет контроль над собой,

и неясно, как все в итоге обернется.

«Вдобавок…» — Канако вернула мысли в прежнее русло.

Порой ты и хочешь встречи с кем-то, но этот «кто-то» испытывает другие чувства.

Они с Рэном с детства были очень близки, но, когда перед ними встало воображаемое «дальше», подумали они об одном и том же? Или, может, Рэн представлял свое «дальше» совсем иначе?

Может, пазл, который он собирал… и для которого ему не хватало последнего фрагмента, это и есть его «дальше»? Да, наверняка. Канако ведь и сама такая. Боится последнего шага… Даже не так. Когда дело подходит к завершению, ей становится скучно, и она останавливается, хотя до финала рукой подать.

«Дальше, значит… Хорошо бы и дальше все шло как есть…»

Канако рассеянно засмотрелась на розовый телефон на краю барной стойки и механически прикусила губу, как когда-то в детстве.

*

— Что это такое? — Киса указала на голубой сверток, прислоненный к стене.

— А, это… — Аяно потянулась к нему и приня-

лась разворачивать обертку. — Купила, поддавшись порыву.

Она продемонстрировала доску.

— Что это? Разделочная доска?

— Что-то она великовата.

Киса, Фумина и Ёриэ принялись гадать о назначении предмета.

— Это ступенька от лестницы.

Пояснение Аяно вызвало лишь новые вопросы.

— Как-как?..

Хотя из уст подруг и прозвучало: «Что-то она великовата», Аяно, глядя на ступень при ярком свете, подумала совсем иное: «До чего маленькая...»

Если это и впрямь ступенька лестницы, по которой она поднимается прямо сейчас, то опоры тут немного. Плакать хочется от того, как мало места для маневра. Но пусть ступенька и выглядит до слез жалкой — может, Аяно именно столько и нужно?

«К тому же ведь здесь и сейчас мне вовсе не плохо», — осознала она.

*

«Бывают и такие ночи...» — в который раз напомнил себе Мацуи.

Сегодняшняя казалась куда темнее, чем обычно. Ночами даже в небе Токио можно увидеть на удивление много звезд… Но сегодня не светит ни одна.

«Неужто наступил конец света?»

Совсем как в одном фильме, где главный герой — таксист, который бесплодной ночью остановил машину в закоулке парка и задремал. Он поспал всего час, а когда проснулся от холода и вернулся к работе, обнаружил: все люди в мире словно испарились. Ни души. Лишь темная бесконечная дорога впереди.

И у Мацуи сегодня так же.

Светофоры и ночные огни рассеянно сияют, но других машин нет, а вокруг лишь пустые школы, кладбища да пустыри. Четыре утра как они есть.

Но тут Мацуи заметил, что на востоке в небе все же горит крохотная звездочка — такая робкая, что сначала он даже решил, что ему показалось. Словно отвечая на ее приглашение, он двинулся в ту сторону, и телефон в кармане вдруг зазвонил.

Остановившись у обочины, Мацуи достал мобильный так поспешно, что едва не выронил, и посмотрел на экран.

Подпись контакта «Канако Фуюки», подрагивая, мерцала в темноте.

Последний кусочек пазла

В Токио пробил час ночи.

Пусть несколько сезонов успело сменить друг друга, час ночи всегда остается часом ночи. Вот и теперь он настал как положено.

Место действия — закоулки Гиндзы. Узкие и извилистые, они переплетаются, словно в лабиринте.

Эйко толкнула дверь бара с вывеской, на которой значилось лишь лаконичное «М», и робко заглянула внутрь, стараясь не привлекать внимание. Как ей и рассказывали, бар оказался маленьким — внутри лишь скромная стойка, но интерьер выглядел новым и свежим, не под стать неказистому виду самого здания.

— Добро… фхш… пожаловать!

За стойкой стоял Маэда. Впрочем, Эйко про него ничего не знала. Ей бы любой бар подошел.

«Если все же… — множество раз загадывала про себя она. — Если все же „Одиннадцать Марий“ благополучно увидят свет, я обязательно схожу в одиночестве в настоящий бар и выпью бокал за бабушку. Скажу ей спасибо».

Наконец этот день настал, но Эйко не знала ни одного «настоящего бара» в Токио. Только однажды, во время презентации фильма, она подслушала разговор членов съемочной площадки: «Ты уже был в „М“?» — «А, бар Маэды?» — «Отличное место. Туда обязательно стоит заглянуть». За беседой советчик объяснил, как пройти в бар, и Эйко сразу запомнила все. Из всех актрис у Эйко оказались самые длинные реплики, и она научилась быстро запоминать предложения и фразы, пока зазубривала роль.

— Что вам… фшх… приготовить?

— Скажите… — Эйко решила даже не листать меню, все равно ничего не поймет. — А есть какой-нибудь напиток с колой?

Ей хотелось выпить то, что бабушка просила перед смертью.

— Разумеется!

Маэда вспомнил разговор с Мицуки в хранилище мелкого реквизита. Именно ее слова подтолкнули его к тому, чтобы вернуться за барную стойку.

Очень кстати он нашел тогда разорившийся бар, выставленный на продажу, а кинокомпания пообещала помочь с выкупом… Но именно фраза Мицуки: «Еще лучше, если коктейль готовит

умудренный опытом джентльмен с сединой в волосах» стала для него решающей. А когда она добавила: «Я бы каждый день в такой бар ходила», все сомнения отпали.

— Как насчет… фшх… виски с колой?

Как странно… В ту ночь перед землетрясением он впервые за долгое время приготовил для Мицуки именно этот напиток.

— Да, давайте. Спасибо.

Эйко никогда не пробовала виски-колу, да и вообще в коктейлях не разбиралась. Ей только-только исполнилось двадцать[19], так что она и в баре-то была впервые в жизни.

Видимо, из-за того, что время позднее, кроме нее, в баре никого не оказалось.

Стоя перед юной незнакомкой, Маэда старательно, с душой готовил виски-колу, раз за разом прокручивая в голове слова Мицуки: «Я бы в такой бар каждый день ходила». Кладовщиком он постоянно сутулился, но стоило встать за барную стойку — и, к его удивлению, спина распрямилась, а плечи расправились, как в молодости.

Коктейль виски-кола он всегда делал максимально холодным. Это было его личным

---

[19] Примечания: 19

В Японии алкоголь по закону можно употреблять с двадцати лет.

предпочтением: напиток должен быть настолько ледяным, чтобы, когда ставишь его на стойку, вокруг него появлялся легкий белый пар от конденсата.

— Прошу, — мягко и тихо окликнул он Эйко.

Она потянулась к бокалу, коснулась его кончиками пальцев и на мгновение замерла, пораженная тем, насколько он ледяной. Почти до черноты темный, с янтарным оттенком, напиток был украшен долькой лимона, похожей на полумесяц.

Плененная его сладким ароматом, Эйко поднесла бокал ко рту и, коснувшись губами холодного стекла, сделала маленький глоток.

Ей показалось, что она пьет не алкоголь, а саму атмосферу этого уютного тихого бара, пустого в столь поздний час.

— Вкусно, — невольно выдохнула она. Сердце наполнилось радостью: Эйко чувствовала себя так, словно пригубила токийскую ночь.

*

В то же время в Кататоки, в столовой «Перекресток» Мицуки с Коити сидели за стойкой и с аппетитом уплетали комплексный обед. Коити там был впервые, а Мицуки — второй раз.

— Отличное место, правда? — спросила Мицу-

ки, словно давно была постоянным посетителем. Со стойки они могли увидеть хозяек заведения, хлопочущих на кухне, и почему-то это зрелище наполняло спокойствием и такой радостью, что хотелось в голос заявить: «Как хорошо жить на свете!»

— Это Мацуи мне про него рассказал.

— А, тот водитель такси? — Коити с трудом припомнил имя, которое Мицуки уже упоминала в своих рассказах.

— Ага. Из компании Black Bird. Службы ночного такси. Мацуи меня постоянно по работе выручает, но про эту столовую только недавно рассказал. До сих пор немного на него дуюсь из-за этого. От меня держал в секрете, а Канако сразу сюда привез. Это еще обиднее!

— Они и вчера заглядывали, — подала голос стоящая за стойкой Аяно. — Мацуи с Канако. Такие дружные.

— Канако?.. — Коити попытался нашарить в памяти имя, но попытка не увенчалась успехом.

— Помнишь, та женщина… — принялась пояснять Мицуки, отложив карааге[20] в который только что вгрызалась. — Похитительница муш-

[20] Примечания: 20

Карааге — блюдо японской кухни, обжаренное в панировке мясо (обычно курятина).

мулы.

— А, да-да, припоминаю, — кивнул Коити.

— Похитительница мушмулы? — переспросила Аяно. — Кто это?

— Это долгая история, — Мицуки вернулась к курице. — Канако и Мацуи познакомились именно благодаря мушмуле, и оказалось, что у них много общего, несмотря на разницу в возрасте…

— Оба любят мушмулу?

— Скорее, оба ищут кого-то. — Мицуки многозначительно посмотрела на Аяно: — Это тоже длинная история, но Мацуи как-то познакомился с одним известным детективом… — Мицуки снова окинула Аяно внимательным взглядом. — И Мацуи с Канако задумались над тем, не обратиться ли к нему за помощью… Чем там все закончилось, напомните?

— Ах… — Теперь уже Аяно, протирая посуду, начала рассказ: — Об этом…

*

— Нет, — покачал головой Сюро. — Я не получал просьб о поиске людей ни от Мацуи, ни от Канако.

— Ой, правда?

Переговариваясь с Сюро, Аяно не уставала

удивляться тому, как все обернулось. До чего причудливо порой переплетаются связи между людьми!

Сюро теперь периодически заглядывал в «Перекресток», чтобы съесть комбо с яйцом и ветчиной. Аяно и не надеялась, что однажды такое время снова настанет, и, конечно, была благодарна Мацуи и Канако за то, что подарили ей эту возможность. Одновременно ее терзало любопытство: чем же закончились их поиски?

— Насколько я знаю, Мацуи влюбился с первого взгляда в женщину, которую подвозил. Думаю, она была похожа на его прежнюю возлюбленную… Он говорил, что мечтает снова встретиться с той незнакомкой.

— Вот как. — Сюро уже закончил с едой и теперь попивал горячий чай.

— А у Канако двенадцать лет назад ушел из дома и не вернулся младший брат. Она до сих пор его ищет. Наверняка это и сблизило ее с Мацуи — оба отчаянно жаждут встретиться с теми, кто пропал из их жизни.

— Ясно, — кивнул Сюро, прихлебнув чаю. — Но, думаю, их стремления изменились после встречи друг с другом.

— Правда?

— Ага. Особенно у Мацуи. Благодаря встрече с Канако ему больше нет нужды искать свою таинственную незнакомку.

— А… Понимаю.

— Что касается Канако… Есть у меня догадка насчет ее младшего брата.

— Какая?

— Возможно, я знаю, где он.

— Серьезно?

— Конечно, я не могу быть уверен на все сто, пока не поговорю с Канако подробнее. Ведь мы с ней лишь разок мельком тут переселись… Но Канако тогда рассказала о своей работе, и я ей сообщил, что работаю частным сыщиком и ко мне можно обращаться по беспокоящим вопросам.

— Сразу видно — настоящий детектив! — воскликнула Киса, которая крутилась рядом, прислушиваясь к разговору. — Мигом понял, что ее что-то беспокоит.

— О, не совсем. Я ведь сюда часто захожу, и порой невольно услышишь, о чем завсегдатаи болтают. Такие вот тихие обрывки разговоров постепенно срастаются воедино, словно кусочки пазла, и вырисовывается картинка… Так что я еще до встречи с Канако успел кое-что узнать о ее пропавшем больше десяти лет назад брате.

— И ты знаешь, где он?

— Лишь предполагаю. Вполне возможно, что именно в моем кармане кроется последний кусочек пазла, рисующего картину этой истории, а я только что это заметил…

*

Сюро завоевал звание великого детектива во многом благодаря своему отменному чутью, которое редко его подводило. Это нельзя назвать особой, недоступной другим способностью: Сюро просто умел ловко подмечать незаметные связи между событиями и явлениями и делать из этого правильные выводы.

С той поры прошел уже почти год, но Сюро не забыл, как ездил в маленький кинотеатр на отшибе Токио, чтобы посмотреть фильм, в котором снимался отец. И не забыл юношу, которого там встретил… Точнее, мужчину, который лишь казался юношей, — Рэна Фуюки тридцати шести лет от роду. Сюро уже догадался, что, скорее всего, Рэн и есть младший брат, которого ищет Канако.

«Повидаться бы с ним еще раз» — это желание принадлежало не только Канако, но и самому детективу.

Причина была проста: сейчас, год спустя после

первой встречи, в том кинотеатре крутили сразу два фильма, в которых играл отец Сюро, причем крутили на постоянной основе. Сюро хотелось и фильмы посмотреть, и у Рэна узнать, не он ли выбрал их для показа? А если да, то как он сумел это сделать, будучи лишь помощником на подработке?

Вскоре Сюро действительно добрался до кинотеатра и, перекинувшись с Рэном парой слов, к своему изумлению, узнал, что тот успел вырасти до целого управляющего кинотеатром. Из-за неуклонно снижающегося потока зрителей прежний управляющий сбежал, а Рэну досталось его место. Приняв пост, он начал крутить в кино фильмы, которые сам хотел посмотреть, и, вопреки ожиданиям, новый репертуар привлек людей, причем так основательно, что финансовый кризис удалось преодолеть и кинотеатр был спасен.

— Эту пару фильмов тоже я выбрал.

Сюро отрадно было слышать, как уверенно теперь звучал голос мужчины — он успел основательно вжиться в роль управляющего. Что ж, пора и Сюро проявить себя как детектива.

— По правде говоря, сегодня я пришел не только посмотреть фильм, но и задать личный вопрос. О вашей сестре. Помните, вы рассказывали о ней в

нашу прошлую встречу?

— О сестре?

— Да. Канако Фуюки, верно?

— Все так… А что с ней?

— У нее появляется ямочка на правой щеке, когда она улыбается?

— Ага, с самого детства.

— Так и знал. Ваша сестра сейчас работает оператором в «Токийской службе поддержки 03» в ночную смену и ежедневно выслушивает людей, которые обращаются туда со своими сомнениями и тревогами.

— Правда?

— Да. Но ее саму тоже кое-что тревожит. Она ищет младшего брата, который пропал бесследно тринадцать лет назад.

— Меня?

— Вас. Хотя, похоже, ситуация изменилась. Не знаю, в чем дело, — может, сказался долгий срок, а может, переменилось что-то в ее душе, но в последнее время она поставила поиски на паузу. Это лишь мое предположение, но, возможно, Канако поняла ход ваших мыслей. Осознала, почему вы ушли из дома.

— Сестра… поняла меня?

— Думаю, да.

— Правда?.. — Мужчина ненадолго замолк, а затем сдавленно произнес. — Даже не знаю… Не знаю, радоваться мне или грустить. — Он снова замолчал и прикрыл глаза. — Не уверен, что это чувство можно выразить словами… — и покачал головой.

*

Закончив рассказ, Сюро отложил палочки и отодвинул пустую тарелку.

— Значит, Канако еще не знает, что ее брат теперь управляющий кинотеатром в пригороде Токио?

— Ага.

Ровно в этот момент в квартире, расположенной в восьми километрах к северу от «Перекрестка», Канако звонко чихнула.

Она вспомнила простодушную жалобу одного из тех, кто недавно звонил в центр поддержки: «Я что-то чихаю без остановки, похоже, кто-то обо мне сплетничает».

— Скорее всего, вы простудились, — объяснила тогда Канако, а сама задумалась, откуда вообще взялось поверье, что чихание — верный признак, что кто-то упомянул тебя в разговоре? Хоть сам звони куда-нибудь и требуй объяснений.

Канако посмотрела на свое отражение в зеркале и сказала сама себе: «Вот и настала эта ночь…»

Сегодня она взяла выходной, а ночное небо удачно заволакивали облака. Она накинула черный плащ на черную рубашку, на голову нацепила черную же шапку.

Надо же, целый год прошел.

Взмахнув полами плаща, Канако тихо покинула квартиру.

Уже год… Год, как она познакомилась с Мацуи.

«Неужели и впрямь? Как быстро бежит время, когда взрослеешь… Ведь и мушмулу я собираю тайком уже тринадцатый год подряд… Наверное, пора бы бросить. Можно ведь уже и бросить? В мои-то года по деревьям стало тяжеловато лазить».

Канако уверенно направилась к шоссе.

Хоть ночь была беззвездной, безлунной и одинокой, Канако переполнял энтузиазм, и, несмотря на мысли о возрасте, до пешеходного перехода она дошла легким, быстрым шагом — даже дыхание сбилось.

Там она подняла голову, разглядывая заросли мушмулы, освещенные фонарем.

— Отлично! — выдохнула Канако.

На дереве висели оранжевые плоды.

Все же природа удивительна. Каждый год, словно по расписанию, дерево демонстрирует миру плоды своего еженощного труда.

— Ну! — громко воскликнула Канако, подбадривая себя, и тут что-то черное заслонило оранжевую гроздь от ее взора.

Это еще что?

Темная тень ловко сорвала плод мушмулы. Ворона, наверное?..

Но погодите-ка. Таких гигантских ворон не бывает.

— Эм, простите… — окликнула она.

— А? — отозвавшийся голос оказался мужским. И очень, очень знакомым.

— А что вы тут…

Канако вглядывалась в тень.

— Ворую мушмулу.

Несомненно, голос принадлежал брату.

*

В тот момент Мицуки понятия не имела о том, что произошло в восьми километрах от столовой. После до нее дойдут слухи, но это еще впереди.

Каждый раз, когда Мицуки слышала удивительную историю о ком-то из завсегдатаев столовой, она горько усмехалась про себя — все

движутся куда-то, меняют жизнь, а у нее все, ну… как всегда.

Ничего не меняется. Ни тени изменений. Даже шанса все изменить не находится. Все идет, и идет, и идет, как прежде…

Мицуки воспринимала это «как прежде» двойственно. Иногда это было здравое «ну и хорошо, что все по-прежнему», а иногда как упрек самой себе за то, что плывет по течению, полагаясь на беспечное «как-нибудь все да сложится», и даже не пытается взяться за ум.

— До свидания!

Покинув столовую, Мицуки и Коити вышли на улицу под беззвездное небо, затянутое облаками. Наконец Коити прервал молчание и спросил:

— Куда пойдем?

Остановившись у перекрестка, Мицуки прикрыла глаза, словно пытаясь прочесть ветер и определить направление.

— Куда угодно… — тихо ответила она.

Похоже, Коити заметил, как слабо звучит ее голос. Он ни с того ни с сего принялся нарочито звонко напевать странную песенку.

— Что это за песня такая?

И мелодия незнакомая, и слова невпопад…

«О… — поняла Мицуки. — А ведь, наверное, я

впервые слышу, как Коити поет…»

— С добрым утром, Токио! Просыпайся! — пропел Коити.

— Так что за песня?

— Просто мотив, который я напеваю иногда, когда утром разношу газеты.

— Я не о том спрашиваю… Откуда песня?..

Но и тогда Коити не дал ответа — лишь продолжил петь, пока и Мицуки невольно не принялась подпевать невпопад.

И вот они уже запели вместе и за песней побрели куда глаза глядят, без особой цели.

*

«С добрым утром, Токио! Просыпайся!»

Прошло утро, наступил день, затем вечер, затем снова ночь… На столовую, бар, магазин подержанных вещей, киностудию и операторскую службу поддержки с ночного неба Токио заструился синеватый лунный свет.

Пришла ночь и в салон автомобиля цвета ночного неба, за рулем которого сидел Мацуи, а на заднем сиденье сдавленно причитала Мицуки:

— Нет, это просто невозможно. Посреди ночи отыскать ножницы для стрижки овец! Безнадежно!

— Рано сдаваться, — подбодрил ее Мацуи, но Мицуки не соглашалась:

— В этот раз точно ничего не выйдет.

— Ничего, справимся, — возразил Мацуи. — Всегда ведь как-то да удается отыскать нужное. Точно, давайте заедем в ту странную комиссионку. Уж там-то наверняка…

Мацуи бросил взгляд на Мицуки через зеркало заднего вида. Та, как обычно, теребила серебристое кольцо, не желающее покидать палец левой руки. Неосознанно, машинально Мицуки гладила и подцепляла его пальцем правой руки.

«Ой…» — услышал Мацуи. Он еще раз посмотрел назад и увидел изумление и замешательство на лице пассажирки. Она уставилась на свои руки.

Убедившись, что дорога впереди пуста, Мацуи вернул взгляд к Мицуки.

— Кажется, снимается, — пробормотала Мицуки. Серебристое колечко уже висело на верхней фаланге ее безымянного пальца. Свет ночных фонарей тускло отражался на поверхности металла.

— О… — вновь выдохнула она. — Снялось.

Как ни в чем не бывало кольцо легко соскользнуло с пальца. А мгновение спустя Мицуки

поспешно надела его обратно.

Послесловие автора

Перекрестный сборник рассказов

Есть такое понятие в литературе — «составной роман». Это сборник рассказов, которые переплетаются друг с другом так, что их можно читать как цельное произведение.

Книгу, которую вы держите в руках, «Спокойной ночи, Токио», можно считать составным романом, но, если выражать мой замысел точнее, я бы назвал ее перекрестным сборником рассказов.

В сюжете книги есть буквальный перекресток. На пересечении двух дорог стоит столовая, которой управляют четыре женщины. Представим себе сборник рассказов об этой столовой и назовем его «Перекресток».

В эту столовую часто заходит водитель ночного такси Мацуи — в детстве он прочел книгу «Такси цвета неба» Кимико Амана и загорелся мечтой стать водителем. Тем более что главный герой этого сборника историй носит ту же фамилию, что и он сам. Однако, так как Мацуи ездит лишь по ночам, сборник рассказов о нем назывался бы

«Машина цвета ночного неба».

Одним из постоянных клиентов этого ночного такси является сотрудница кинокомпании по имени Мицуки — она заведует малым реквизитом для съемок. Сборник историй о ней назывался бы «Реквизитор Мицуки». Однажды, когда Мицуки разыскивает мушмулу, она случайно встречается с женщиной.

Женщина эта работает оператором в многопрофильном кол-центре под названием «Токийская служба поддержки 03», и сборник рассказов о ее ночных сменах я бы назвал «Голос ночи».

К ней на работу как-то раз приезжает женщина по фамилии Мориидзуми — ее вызвали забрать телефон для утилизации, и она является главной героиней собственного сборника под названием «Летучая мышь на балконе».

Есть еще сборник детективно-приключенческих историй «Великий детектив Сюро и восемнадцать ключей» о самопровозглашенном великом детективе Сюро, который как-то воспользовался такси Мацуи.

Еще один сборник, «Пока мы не станем Мариями», повествует об одиннадцати целеустремленных молодых актрисах, которые снимаются в одном фильме. А сборник «Токийский виски

с колой» — о стареющем мужчине, который в погоне за мечтой открывает маленький бар на задворках Гиндзы.

И, наконец, не забываем о сборнике «Магазин Ибараки и две луны» о странных буднях владельца магазина подержанных товаров в районе Симокитадзава.

Всего получается девять сборников.

Ох, прошу меня простить. Все эти сборники живут лишь в моей голове, а в реальности пока таких книг не существует. Но из множества пересечений между этими воображаемыми сборниками родилась книга «Спокойной ночи, Токио».

В общем, моей задумкой было создать книгу, читая которую можно насладиться сразу девятью циклами рассказов.

Журнал Rentier, август 2018 г.

Выходные данные

Ацухиро Ёсида

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, ТОКИО

Литературно-художественное издание

Издатель *Дарина Якунина*
Генеральный директор *Олег Филиппов*
Ответственный редактор *Юлия Надпорожская*
Литературный редактор *Екатерина Дубянская*
Художественный редактор *Ольга Явич*
Дизайнер *Елена Подушка*
Корректор *Ксения Казак*
Верстка *Елены Падалки*

Подписано в печать 07.05.2026.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 146889.

ООО «Поляндрия Ноу Эйдж».
197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 6, лит. А, офис 422.
www.polyandria.ru, e-mail: noage@polyandria.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии SIA «PNB Print» «Янсили»,
Силакрогс, Ропажский район, Латвия, LV-2133.
www.pnbprint.eu